
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО
ЖУРНАЛ
№ 2 (22) 2020

Издательство
«МГИМО-Университет»
2020

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,

д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,

д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,

канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);

Алексахин Алексей Николаевич – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Балдицын Павел Вячеславович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);

Гуревич Татьяна Михайловна – д-р культурологии, к.филол.н., профессор (Россия, Москва, МГИМО);

Иванов Николай Викторович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Кизима Марина Прокофьевна – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., доцент (Исламская республика Иран, Решт, Гилянский университет);

Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Репенкова Мария Михайловна – д-р филол.н., доцент (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Храмченко Дмитрий Сергеевич – д-р филол.н., доцент, проф. (Россия, Москва, МГИМО).

Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);

Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 2 (22) 2020 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 133 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов. Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.) по специальностям «10.01.00 Литературоведение», «10.02.00. Языкознание»; EBSCO, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

© Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, 2020

© Коллектив авторов, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Айвазян Ю.С. К вопросу об автономной вторичной номинации в современном арабском литературном языке	5
Глушкова Н.М., Харченко М.Г. О развитии терминологии цифровой экономики в современном английском языке	15
Дружинин А.С. Язык как мир и мир как язык наблюдателя: на пути к экспериенциальному подходу к лингвистическим явлениям	24
Ладоша О.М., Хлопова А.И. Коммуникативно-прагматический потенциал лексемы MITLEID в немецкоязычной интернет-коммуникации	33
Мухин С.В. Опыт системного описания лексических единиц в германских языках (на примере лексемы WEOROLD в древнеанглийском языке)	45
Фомина Т.А., Алиева Т.В. Икс-фемия как нелинейный феномен	53
Шубина Э.Л., Клиенкова И.Б. Генитив и именные группы в швейцарском варианте немецкого языка	60

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Коровкина М.Е., Семёнов А.Л., Ершов В.И. Компетентностный подход к переводу специальных текстов	69
---	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Аллахвердиева Г.З. Свадебные ассоциации русского народа	76
Белкина О.Е., Балыш Ю.А., Огородов М.К. Прецедентные феномены во французском протестном дискурсе 2018-2020 гг. (на материале плакатов и граффити)	82
Кухарева Е.В. Проблемы арабского литературного языка в королевстве Марокко и их решение в университете Абдельмалика Ас-Саади (Тетуан)	89
Овчинникова А.С., Овчинникова Г.В. Межкультурный перекрёсток французских, итальянских и русских стереотипов	100
Радович М., Чеснокова О.С. Лингвокультурологический анализ топонимических перифраз Перу	110
Сухинин В.Е. Иероглифическая письменность в современной Корее	116
Эдилханова Х.Д. Паремии, репрезентирующие личностные качества, как универсальный способ налаживания межличностных отношений	125

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Yury S. Ayvazyan ON VARIOUS ASPECTS OF AUTONOMOUS SECONDARY NAMING PROCESS (IDIOMATIC USAGE) IN THE MODERN ARABIC LANGUAGE	5
N.M. Glushkova, M.G. Kharchenko ENGLISH-LANGUAGE TERMINOLOGY OF DIGITAL ECONOMY AS AN OBJECT OF LINGUODIDACTICS	15
Andrey S. Druzhinin LANGUAGE AS THE OBSERVER'S WORLD AND THE WORLD AS THE OBSERVER'S LANGUAGE: TOWARDS AN EXPERIENTIAL APPROACH TO LINGUISTIC PHENOMENA	24
O.M. Ladasha, A.I. Khlopova COMMUNICATIVE-PRAGMATIC POTENTIAL OF THE LEXICAL ITEM MITLEID IN THE GERMAN-LANGUAGE INTERNET COMMUNICATION	33
Sergey V. Mukhin SYSTEMIC DESCRIPTION OF GERMANIC LEXEMES (EXAMPLIFIED BY THE LEXEME WEOROLD IN OLD ENGLISH)	45
Tatiana A. Fomina, Tatiana V. Alieva X-PHEMISMS AS NON-LINEAR PHENOMENA	53
E.L. Shubina, I.B. Klienkova GENITIVE AND NOUN GROUPS IN THE SWISS VERSION OF THE GERMAN LANGUAGE	60

TRANSLATION SCIENCE

Marina Ye. Korovkina, Arkady I. Semenov, Viktor I. Ershov COMPETENCE-BASED APPROACH TO LSP-TRANSLATION	69
--	----

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

Allahverdiyeva Gunel Zohrab WEDDING ASSOCIATIONS OF THE RUSSIAN PEOPLE	76
Olga E. Belkina, Yulia A. Balysh, Mikhail K. Ogorodov PRECEDENT PHENOMENA IN THE FRENCH PROTEST DISCOURSE OF 2018-2020 (POSTERS AND GRAFFITI)	82
E.V. Kukhareva PROBLEMS OF THE ARABIC LITERARY LANGUAGE IN MOROCCO AND THEIR SOLUTION AT ABDELMALIK AL-SAADI UNIVERSITY (TETUAN)	89
Asya S. Ovchinnikova, Galina V. Ovchinnikova FRENCH, ITALIAN AND RUSSIANS STEREOTYPES IN INTERCULTURAL CROSSING	100
M. Radović, O.S. Chesnokova LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF TOPONYMICAL PERIPHRASES IN PERU	110
V.E. Sukhinin CHINESE CHARACTERS IN MODERN KOREA	116
K.J. Edilkhanova PAROEMIA REPRESENTING PERSONAL QUALITIES AS A WAY OF ESTABLISHING INTERPERSONAL RELATIONSHIPS	125

К ВОПРОСУ ОБ АВТОНОМНОЙ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АРАБСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Ю.С. Айвазян

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

В данной статье исследуются теоретические основы автономной вторичной номинации и проблематика заявленного вида наименования в контексте современной арабской лексикологии как продуктивного метода процесса языкового называния, рассматриваются подходы отечественных и арабских лингвистов к пониманию явления и особенностей автономной вторичной номинации в современном арабском языке.

Также в данном материале проводится анализ морфологических нюансов образования и функционирования арабских автономных номинативных единиц, рассматриваются семантические характеристики, связанные с данным видом лексического наименования.

В работе выявляется взаимосвязь автономной вторичной номинации и однословных семантических заимствований (калек), исследуются морфологические особенности однослогового калькирования и причины его функционирования в современном арабском литературном языке.

В статье также рассматриваются перспективы функционирования автономных вторичных наименований в контексте взаимодействия с такими языковыми явлениями, как полисемия, омонимия и синонимия.

Статья представляет интерес для филологов-арабистов, занимающихся вопросами лексикологии, семантики и морфологии, арабистов-переводчиков, интересующихся вопросами лако-ничности и смысловой содержательности двустороннего переводческого процесса, а также для всех исследователей процессов лексической номинации в арабском литературном языке на современном этапе.

Ключевые слова: лексическая номинация, арабская морфология, вторичная номинация, семантика, коннотация, денотат, сигнификат, калькирование, арабизация.

На нынешнем этапе общественного развития появляется значительное количество новых явлений, которые требуют соответствующего отображения на языковом уровне. Данная тенденция затронула и арабский мир, который так же, как и другие страны и регионы, вовлечён во все мировые события и готов воспринимать различные новшества социальной жизни современного человека.

На лингвистическом уровне процесс обработки, усвоения и отображения новых жизненных реалий представлен процессами лексической номинации. Эти процессы происходят

перманентно, на всех исторических этапах, но имеют различную степень интенсивности в зависимости от особенностей рассматриваемой эпохи.

Исследователи-лингвисты традиционно выделяют такие способы наименования, как первичную и вторичную языковую номинацию, наряду с ними также отмечают такие способы, как лексические заимствования (лексико-фонетические заимствования и процесс калькирования – семантические заимствования), а также композитообразование. Несомненно, характер функционирования процессов лексического

наименования обуславливает наличие и таких тенденций в различных языках, как синонимия, полисемия и омонимия. Эти особенности характерны и для современного арабского литературного языка (далее – АЛЯ).

Освещение автономной вторичной номинации как части арабских номинативных процессов представляется актуальным в силу, с одной стороны, всё возрастающей потребности современных коммуникантов в обмене информацией, а с другой стороны, малоизученности самих процессов лексической номинации в АЛЯ на современном этапе.

При рассмотрении заявленной тематики были использованы материалы газет арабских стран, а также арабоязычных интернет-порталов. Критерием отбора данных источников послужила их циркулируемость в среде носителей арабского языка, а также достоверность и всеобщее употребление (узуальность) лексической выборки, проводимой редколлегиями данных газет и сайтов.

В задачи исследования входит анализ теоретических основ автономной вторичной номинации в современной лингвистической науке и непосредственно в АЛЯ, особенностей её функционирования, рассматриваются подходы к явлению вторичной номинации со стороны арабских и европейских исследователей-лингвистов, изучается её взаимосвязь с такими языковыми явлениями, как полисемия, омонимия и синонимия.

В современной отечественной и арабской лингвистической науке принято выделять вторичную номинацию в АЛЯ ввиду её продуктивности, однако примечательно, что в современной лингвистической науке нет единого подхода к обозначению данного явления.

Н.Д. Финкельберг определяет вторичную номинацию как «смысловое развитие понятия, ранее материализовавшегося в знаке, на основе интеграции образа нового понятия и образа знака, иными словами, образование нового значения слова, нового термина» [11, с. 43].

В соответствии с концепцией А.Ф. Журавлёва, вторичная номинация предполагает «называние новым именем предмета, уже названного» [3, с. 50.].

По мнению В.Н. Телия, вторичная номинация подразумевает «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [9, с. 118].

Важно отметить, что устоявшиеся значения слов, служащие в качестве внеязыковых сведе-

ний о различных предметах, процессах и явлениях окружающего мира, также выступают и в качестве способа языкового мышления, менталитета носителя. Как следствие, сами значения слов подвергаются различного рода трансформациям, возникающим в ходе изменения окружающего мира, а, следовательно, претерпевают изменения и различные лексемы.

Используя вторичную номинацию, речевой актор получает возможность кратчайшим образом сообщить адресату весь спектр экстралингвистической информации, содержащейся в той или иной номинативной единице. Всё вышесказанное детерминирует использование уже сформировавшихся лингвистических шаблонов в новом для них отношении именования.

Результаты вторичной номинации представляются произвольными как по морфологической структуре, так и по значению данных языковых единиц. Способы вторичной номинации варьируются в зависимости от языкового инструментария, используемого при генерировании новых имён, а также от природы соотношения «имя–реальность». При этом вторичная номинация функционирует не только на лексическом ярусе языка, но также и в синтаксических конструкциях.

Под автономной номинацией понимаются вторичные значения лексических единиц, которые приобретают независимую номинативную функцию и отражают определённую часть объективной реальности, её свойство или действие самостоятельно, на базе одной лексической единицы. В данном случае особенности выбора и сочетания слов зависят только от присущего им значения, которое детерминируется поэтому как свободное.

Что касается неавтономной вторичной номинации, то она предполагает создание комбинаторного наименования, в котором знаковая лексическая единица соотносится с денотатом косвенно, на базе семантически опорной для неё номинативной единицы. Такие номинативные единицы выступают как неавтономные, ввиду того, что «они лишены способности указывать на мир автономно и реализуются только в сочетании с другими словами» [4, с. 127].

Вторичная номинация может иметь как языковую (результат вторичной номинации принимается языком и происходит закрепление сигнификата словесных знаков), так и речевую природу (в данном варианте номинативная единица случайно употребляется в нехарактерной для неё функции наименования).

Б.А. Серебрянников отмечает, что «вторичное использование языковых форм всегда опосредовано и мотивировано их структурно-семантическими признаками (независимо от того, осознается ли эта мотивированность как живая или обнаруживается только в историко-этимологических срезах)» [8, с. 79].

Вторичная номинация формируется и функционирует на основе ряда составляющих:

- денотата (обозначаемого предмета или процесса);
- понятийно-языковой формы отображения денотата;
- изначального (предшествующего) сигнификата той или иной номинативной единицы, который выступает как семантическое связующее звено для нового значения;
- словоформы, в которой заключена дополнительная (вторичная) функция называния.

В современной арабской лингвистике под вторичной номинацией принято подразумевать термин *المجاز* [al-mağâz] (англ. 'semantic expansion' – «семантическое расширение» или 'semantic change' – «семантическое изменение»). В АЛЯ, указывает исследователь Х. Дарир, *المجاز* [al-mağâz] служит для присваивания несколько отличающегося значения какому-либо арабскому слову в тех случаях, когда между значениями существует сходство [12, с. 2].

Д-р З. Карауи характеризует данный способ наименования как «наиболее продуктивный с точки зрения расширения семантики слова, при котором новый сигнификат присваивается лексической единице, и грамматические и морфологические атрибуты которой при этом не меняются» [23, с. 9].

Д-р Ф. Ад-Дайя отмечает, что «вторичная номинация связана с логикой», и подчёркивает, что «она основывается на трёх атрибутах, присутствующих в логике: переносе (сдвиге, смещении) значения – перенос наименования с одного понятия на другое на основе сходства их семантических признаков; расширении значения – перенос наименования с частного понятия на общее; сужении значения – перенос наименования с общего понятия на частное» [26, с. 379].

Д-р С. Лювейсат выделяет следующие особенности семантики, свойственные вторичной номинации:

- семантический перенос, при котором происходит восстановление старого сигнификата слова, когда в речевой оборот входят вышедшие из употребления слова;

- семантическое генерирование, которое заключается в формировании новой семантики для старого слова, имевшего одно значение;

- семантическое развитие, которое подразумевает изменение семантики отдельных лексических единиц [24, с. 61].

Как и другие способы арабской номинации, вторичная номинация *المجاز* [al-mağâz] неоднозначно воспринимается в среде арабских лингвистов. В частности, Х. Дарир отмечает, что лингвист А. Аль-Фасси Аль-Фехри считает, что употребление старых лексических единиц для денотации современных концептов приведёт к «нежелательной омонимии», а также к недопониманию, поскольку номинативные единицы являются продуктом специфического культурного (и, возможно, идеологического) контекста [12, с. 2]. А.М. Омар также указывал на потенциальные осложнения, связанные с этим способом называния. Он считал, что «использование старых арабских слов в прямом или переносном значении может породить все возможные проблемы, характерные для слов классического АЛЯ: синонимии, полисемии, а в некоторых случаях этот способ может привести и к нарушению лаконичности употребляемого наименования» [22, с. 14].

Семантическое расширение как способ номинации получило одобрение арабских академий во второй половине XX века, которые видели в этом способе возможность решить, как минимум, две проблемы: 1) при процессе наименования данный способ допускает опору на исконно арабскую лексику; 2) при данном способе соблюдается принцип лаконичности высказывания благодаря ёмкости однословного вторичного наименования.

Анализируя явление расширения семантики в АЛЯ, западные исследователи К. Верстег и Х.М. Корнелис отмечают, что попытки арабов восстановить древний бедуинский вокабуляр крайне редко были успешными, поскольку такие слова были исключены из употребления и, таким образом, представляли затруднение для средне-статистического коммуниканта [14, с. 181].

Д-р С. Лювейсат, анализируя явление *المجاز* [al-mağâz] в АЛЯ, выявил его основные лингвистические атрибуты:

- отсутствие обязательной коннотативной связи в рамках лексической единицы;
- наличие в слове старой и новой семантики;
- семантика как раздел науки, максимально обуславливающий вторичную номинацию;

- функционирование омонимии для заполнения языковых лакун;
- употребление слова в его прямом, а не переносном значении (противоположная ситуация наблюдается в риторике, где المجاز [al-mağâz] предполагает употребление переносного значения слова, и, следовательно, воспринимается уже не как семантическое расширение, а как метафора) [24, с. 51].

В отношении вторичной номинации в АЛЯ нам представляется необходимым подразделить последнюю на автономные и неавтономные вторичные наименования, а также однословное калькирование. Ввиду лаконичности и ёмкости данных языковых единиц, наибольший интерес для лингвистического исследования представляют именно автономные вторичные наименования и однословные семантические заимствования (кальки), являющиеся составляющей способа вторичного наименования в АЛЯ.

Анализ современных арабских номинативных единиц показывает, что автономная вторичная номинация, подразумевающая присвоение нового значения отдельной лексической единице, может функционировать в любом имени или глаголе в полном соответствии с классическими правилами арабской морфологии. Вместе с тем примечательно, что словообразование в контексте теоретических основ автономной вторичной номинации имеет свои принципы функционирования. Так, Е.С. Кубрякова пишет, что «две единицы считаются связанными отношениями словообразовательной производности, если они обладают общей ядерной частью (в виде тождественного корня или основы или каких-либо частей), отдалены друг от друга на одну формальную операцию (деривационный шаг) и если при этом одна из них может быть объяснена по смыслу как мотивированная другой или другими единицами из сравниваемой пары образований» [5, с. 247]. В качестве иллюстрации такой взаимосвязи в АЛЯ может выступать номинативная единица استنساخ [18] [ʾistinsâḥ] – ‘клонирование’. Сам термин появился сравнительно недавно, но получил широкое распространение в СМИ. В АЛЯ он был наименован масдаром (отглагольным именем) глагола X породы استنسخ [ʾistânsaḥa], означающего «копировать, переписывать», что отражает семантическую составляющую данного понятия, которая заключается в точном копировании и воспроизведении того или иного генотипа. Таким образом, в этом и последующих примерах можно наблюдать вышеу-

казанный деривационный шаг при сохранении исходного корня слова.

Другим примером этой тенденции является номинативная единица إرهاب [19] [ʾirhâb] – ‘терроризм’ (а также ‘terror’), которая сформировалась как масдар глагола IV породы أربأ [ʾarḥaba], имеющего значение «устрашать, запугивать, терроризировать». Следует отметить, что данное понятие, вошедшее в активный оборот в арабских СМИ, является также и семантической калькой с английского понятия – ‘terrorism’ – «устрашение».

На сегодняшний день в АЛЯ можно также проследить употребление такой номинативной единицы как انتقاص [17] [ʾintiqâṣ], традиционно используемой в значении «преуменьшение значимости чего-либо», «недооценка чего-либо», «нехватка чего-либо», которая приобретает, наряду с указанными сигнификатами, значение ‘чёрный пиар’, образованное как автономное вторичное наименование по вышеуказанному способу. Под «чёрным пиаром» подразумевается такой сигнификат как «умалить достоинство», этим объясняется выбор масдара VIII породы глагола انتقص [ʾintáqasa] – «умалить достоинство». В практическом плане этот пример отображает одинаковое понимание семантики в русском и арабском языках. Указанная лексическая единица в настоящее время продуктивно употребляется в Интернете, в печатных источниках, прежде всего в газетах и в особенности затрагивает сферу высших политических кругов (например, подразумевая дискредитацию какой-либо общественной фигуры).

Новой автономной вторичной номинативной единицей является слово صاعق [13, с. 32] [ṣâʿiq] ‘детонатор’. Для отображения денотата данная лексическая единица в женском роде имела такой сигнификат, как «поражающий молнией». Эта языковая единица была образована как причастие действительного залога от глагола I породы правильного корня صعق [ṣâʿaqa] – ‘поражать громом, молнией’. Таким образом, данное слово фактически стало новым именем орудия, означающим совершение какого-либо действия (как, например, причастие действительного залога رافع [râfiʿ] ‘ковш’ в знач. «подъёмник»).

Наряду с указанными выше номинативными единицами, следует остановиться также и на таком примере как مناقصة [15] [munâqâsa] ‘тендер’. Данное понятие, изначально имеющее множество различных значений в русском языке, однако суженное до понятия конкурсной формы

проведения подрядных торгов, имеет свой семантический эквивалент в АЛЯ, который образован как масдар III породы глагола ناقص [nâqasha] 'назначать, объявлять торги'.

Вместе с тем, в АЛЯ также функционирует метод создания автономных вторичных языковых единиц, который предполагает *сохранение оригинальной словоформы в сочетании с присваиванием ей нового сигнификата, но без опоры на глагольную форму*.

Некоторые примеры таких автономных вторичных номинативных единиц приводятся исследователем М.Р. Хамзауи: лексическая единица أزمة [ʾázma] – 'кризис', которая означала «бедность» и «стресс», в дальнейшем была по своему значению сведена к кризису (например, экономическому или политическому); слово بطالة [bitâla] – 'безработица', которое изначально имело сигнификат «выходной» или «каникулы» [27, с. 53].

К автономным вторичным номинативным единицам такого типа относится также номинативная единица دستور [16] [dustûr] – 'конституция', которая ранее использовалась для передачи денотатов «кодекс», «свод законов» [14, с. 174].

Другим примером данной тенденции является относительное прилагательное هامشي [hâmišîyyu], в новом значении – 'маргинальный', тогда как ранее акцентировались другие сигнификаты: 1) написанный на полях; 2) окраинный; 3) побочный, дополнительный. Таким образом, наименование денотата произошло за счёт расширения значения уже существовавшего в языке слова.

Также к автономным вторичным наименованиям этой категории относится пример قمة [20] [qímma] – 'саммит' (досл. «верхушка»), которое в общественно-политическом контексте употребляется исключительно в значении «встреча в верхах», то есть эта номинативная единица с момента её появления в общественно-политической лексике присвоила себе единственное, терминологическое значение. Рассматриваемое наименование представляет собой несогласованное определение в генитивной конструкции – اجتماع القمة [ʾiǧtimâʿu l-qímma] или مؤتمر القمة [muʿtamaru l-qímma] – 'встреча в верхах'. В дальнейшем данное словосочетание стало часто применяться и без первого члена генитивной конструкции.

Таким образом, можно констатировать, что автономные вторичные наименования в АЛЯ делятся на два ключевых типа: 1) образованные

как имена с новым дополнительным значением, но функционирующие в тесной грамматической взаимосвязи с глаголом; 2) образованные путём присваивания нового значения существующей лексической единице, но при этом употребляющиеся без опоры на использование глагола как части речи (даже при наличии соответствующего корня в АЛЯ).

Известный исследователь теории номинации А.А. Уфимцева отмечает: «наличие в содержании слова признаков высокой степени обобщённости (грамматических, присущих целым классам и категориям слов, лексических, являющихся принадлежностью единичных словесных знаков), линейность означающего и глобальность означаемого создают специфическое свойство непараллельности двух сторон языка в целом, словесного знака в том числе. Непараллельность двух сторон знака находит своё выражение в так называемых дискретных фактах языка: в полисемии, омонимии (одно означающее – несколько означаемых), в синонимии и полилексии...» [10, с. 30].

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что автономная вторичная номинация в АЛЯ также находится в тесной взаимосвязи с полисемией (араб. الاشتراك [al-ištirâk] или تعدد المعاني [taʿaddudu l-maʿānî]), поскольку в обоих случаях можно наблюдать сдвиг значения в рамках одного семантического поля при сохранении неизменной структуры слова.

Другим общим признаком выступает возможная метафоризация значения. Заявленное явление, несмотря на свою распространённость в АЛЯ, воспринимается многими арабскими лингвистами негативно, поскольку провести чёткую грань между полисемией (использованием одного слова для обозначения явлений одного семантического поля) и омонимией (использованием одного слова для обозначения слов разного семантического поля, то есть слов, не связанных друг с другом по своему значению) в АЛЯ в некоторых случаях представляется весьма затруднительным. Например, А.М. Ахмад пишет, что «многозначность может вести к нечёткости, неопределённости содержания термина, к его расплывчатости, что, в свою очередь, может повлечь за собой разночтения, непонимание термина как единицы, для которой характерна точность содержания и конкретный семасиологический объём» [2, с. 233].

К полисемичным автономным вторичным наименованиям можно отнести следующие:

جبهة [ǧábha] – «фронт» и «лоб»; تسليح [tasliḥ] – «вооружение» (процесс) и «вооружение» (оружие); لسان [lisân] – «язык» (орган), «язык» (общения), «язык» (пламени) и т.д.; هلال [hilâl] – «полумесяц», «скобка» и т.д.

И. Анис называет основные причины функционирования полисемии в АЛЯ:

– Сужение семантики – تخصيص الدلالة [taḥṣîṣu d-dalâla], подразумевающее переход от общего значения к частному, например, слово حريم [ḥarîm] обозначало всё, что находится под запретом, а в дальнейшем стало употребляться в значении 'женищины'.

– Обобщение семантики – تعميم الدلالة [taʿmîmu d-dalâla], предполагающее переход от частного значения к общему, например, ورد [wárada] – 'приходить к воде чтобы напиться' стало просто «приходить».

– «Деградация» семантики – انحطاط الدلالة [inḥiṭâtu d-dalâla] – явление, при котором слово приобретает сниженную семантику, например, словосочетание طول اليد [ṭulu l-yad] – 'воровство', ранее означавшее «щедрость, великодушие».

– Прогрессирование семантики – رقي الدلالة [raqî d-dalâla], при котором слово приобретает повышенную семантику, например, словосочетание سقط المتاع [saqtu l-mitâʿ] – «мусор, хлам» стало означать 'мебель'.

– Ошибочное употребление – الخطأ في الاستعمال [al-ḥatâʾ fi l-istiʿmâl], при котором слову приписывается неверный сигнификат, после чего оно может закрепиться с ошибочным значением и распространиться в среде носителей языка, например, слово استحمام [ʾistiḥmâm] – 'принять душ' (ошибочное употребление) и 'ополаскиваться горячей и холодной водой' (правильное употребление) [21, с. 45].

Таким образом, процессы автономного вторичного лексического наименования в современном АЛЯ тесно связаны с полисемией и будут активно опираться на неё в ходе словотворческого процесса, что обусловлено морфо-семантическими особенностями классического АЛЯ.

Явление полисемии сопряжено с омонимией – наличием двух лексических единиц с одинаковой графической и фонетической репрезентацией, но с разными значениями, не имеющими общей семантической основы.

Несмотря на немалый объём работ, посвящённых омонимии, учёные до настоящего момента так и не пришли к единому взгляду на её роль и значимость в языке. Например, Ф.И. Мау-

лер пишет, что омонимия «содействует компактности языка, и это – позитивное явление» [6, с. 13]. В то же время А.А. Реформатский указывает, что «омонимы во всех случаях – это досадное различие того, что должно различаться» [7, с. 51].

Исследование омонимии (араб. الجناس – [al-ǧinâs]) в АЛЯ выявляет неоднозначное отношение арабских учёных к целесообразности существования данного явления. В частности, А. Аль-Джурджани отмечает, что «использование омонимов в речи дезориентирует собеседника, адресант как будто скрывает что-то или обманывает его, внося двусмысленность в свою речь» [25, с. 15]. Наличие омонимии прослеживается в Священном Коране: «Явление омонимии широко представлено в тексте Священного Корана, за счёт использования этих слов создаётся неповторимость, уникальность звучания аятов, особый стилистический эффект, способствующий более глубокому и осмысленному восприятию этой священной книги» [1, с. 15].

Анализ структуры омонимов показывает, что множество из них образованы как автономные вторичные наименования: قدم [qâdam] – «ступня» и «мера длины»; صدى [ṣâdan] – «эхо», «экстремальная жажда», «сохранять деньги (как глагол)»; بأس [bâs] – «ужас», «храбрость», «пытка», «власть», «сражение»; وجد [wâġada] – «находить», «сердиться на кого-либо», «быть богатым» и т.д.

В целом же необходимо констатировать, что данная тенденция является менее выраженной по сравнению с полисемией и определённый вклад в её развитие мог состояться благодаря тому, что в ходе расширения Арабского халифата из-за языковой интерференции, при которой арабский язык привносился на завоёванные территории, могли складываться ситуации присваивания различного сигнификата одним и тем же арабским лексическим единицам, что в дальнейшем закреплялось и «возвращалось» в АЛЯ.

Другой проблемой, стоящей перед арабскими лингвистами-лексикографами и академиями, занимающимися присваиванием сигнификата определённому денотату, является чрезвычайно развитая синонимия (араб. الترادف [at-tarâduf]) в АЛЯ, в отдельных случаях предполагающая наличие десяти и более синонимов для того или иного понятия (в основном это затрагивает предметы и явления, издревле известные арабам – песок, змея, меч и др., или область чувств и эмоций – любовь, ненависть и т.д.). Примером обилия синонимов в классическом АЛЯ высту-

пает понятие 'верблю́д' и различные его обозначения, подразумевающие различные смысловые характеристики и стилистические оттенки – *جمل* [ǧámal], *ناقة* [nâqa], *إبل* [ʾíbil], *بعير* [baʿîr], *هجين* [ħaǧín], *علوق* [ʿalûq] и др.

Синонимия в АЛЯ может формироваться различными видами и способами номинации: 1) первичной номинацией – описательным способом перевода, лексико-фонетическим заимствованием, словосложением; 2) вторичной номинацией – автономной и неавтономной, семантическим калькированием.

Вместе с тем, можно предположить, что, ввиду преобладания относительных синонимов в АЛЯ над абсолютными (то есть полностью взаимозаменяемыми по семантике и стилю), избыточное генерирование автономных вторичных наименований для одного денотата станет проблематичным, поскольку это будет подразумевать тесное сопряжение двух автономных вторичных номинативных единиц по смыслу и стилю, что неизбежно затруднит понимание и различение данных слов адресатом.

Что касается семантического калькирования в АЛЯ, то оно имеет несколько названий: *الترجمة* [at-tarǧáma] или *المصطلح الأعجمي المولد* [al-muṣṭálahu l-ʾaǧǧamíyyu l-muwállad] (англ. 'calque', 'semantic loan' или 'loan translation'). Как отмечают К. Верстег и Х.М. Корнелис, «путем калькирования образовано большое количество идиоматических выражений и метафор, особенно в общественно-политическом языке СМИ. С течением времени такие номинативные единицы становятся неотъемлемой частью арабской фразеологии и больше не воспринимаются как иноязычные» [14, с. 181].

Рассматривая однословные арабские кальки в АЛЯ, можно проследить высокую частотность моделей с высоким показателем обобщённости. Основной морфологической особенностью в данном случае является приращение суффикса – *ية* [íyya] к форме того или иного масдара. Примерами такой тенденции могут выступать такие лексические единицы, как *سلوكية* [sulūkíyya] 'бихевиоризм' (в основе – масдар I породы *سلوك* [sulūk] – «поведение»); *تعددية* [taʿaddudíyya] 'плюрализм' (масдар V породы *تعدد* [taʿaddud] – «многочисленность», «множественность», в данном случае – множественность мнений); *وجودية* [wuǧūdíyya] 'экзистенциализм' (масдар I породы *وجود* [wuǧūd] – «бытие», «наличие», «существование»); *ارتجاعية* [ʾirtiǧāʿíyya] 'ретроградство' (масдар VIII породы *ارتجاع* [ʾirtiǧāʿ] – «возвращение

к старому», «движение назад, отступление»); *انتهازية* [ʾintihāzíyya] 'оппортунизм' (масдар VIII породы *انتهاز* [ʾintihāz] – «использование возможности»); *تحريرية* [taħríríyya] 'либерализм' (масдар II породы *تحرير* [taħrír] – «освобождение», «предоставление свободы») и т.д.

В этих примерах, однако, прослеживается смешанный тип наименования, в котором, с одной стороны, уже существует слово с определённым значением, а с другой стороны, добавляется суффикс «-ية» [íyya], что создаёт новую форму. В то же время одно лишь приращение суффикса к существующей словоформе представляется недостаточным для отнесения данного примера к категории неологизмов, поскольку структура самой формы слова не претерпевает внутренних морфологических трансформаций. В этой связи наиболее корректной классификацией данного типа номинативных единиц было бы отнесение его к разряду однословных калек.

Одной из причин продуктивности таких слов можно считать простоту и универсальность их морфологического образования, предполагающую трансформацию суффикса слова во множественном числе. Таким образом, указанные выше примеры являются как цельнооформленными однословными семантическими кальками (основа слова передаёт сигнификат максимально дословно), так и вторичными наименованиями – присваивается новый сигнификат, который впоследствии закрепляется в языке и слово в дальнейшем проходит процесс включения в узус.

Подводя итоги, можно отметить высокую продуктивность автономных вторичных наименований в современном АЛЯ, что продиктовано как стремлением арабов опираться на исконный арабский лексический фундамент, так и лаконичностью и ёмкостью обособленных арабских слов.

Также можно констатировать высокую степень гибкости в процессе деривации автономных вторичных номинативных единиц, которые могут формироваться как любое имя или глагол в соответствии с закономерностями арабской морфологии. Данное заключение представляется важным в контексте постоянного пополнения сознания носителя любого языка, в том числе арабского, новыми концептами, а также в контексте стремления арабов опираться на собственный лексический базис – эти наблюдения дают основание предполагать, что даже в условиях обращения к другим способам номинации

в ходе словотворчества можно спрогнозировать равномерное и поступательное движение процессов языкового наименования в арабском мире.

Наряду с этим представляется, что в свете незавершённости номинативных процессов во-

прос разграничения значений и употребления ряда наименований, предполагающих сопереживание с явлениями полисемии, омонимии и синонимии, станет в ближайшие годы актуальным.

Список литературы

1. Алави А.А. К вопросу о классификации омонимов в арабском языке (на примере текста Корана) // Филология и культура / Казань, 2013. №3(33). С. 15-20.
2. Ахмад А.М. Научно-технические термины-неологизмы в современном русском литературном языке: на материале словарей 70-80-х гг. : дисс...канд. филол. н. : 10.02.01. М., 2004. 304 с.
3. Журавлёв А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Шмелев Д.Н. Способы номинации в современном русском языке. М.: Наука, 1982. С. 45-109.
4. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: КомКнига, 1975. 230 с.
5. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация (виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 222-304.
6. Маулер Ф.И. Грамматическая омонимия в современном английском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. 194 с.
7. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
8. Серебренников Б.А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (Общие вопросы). М.: Наука, 1977. С. 7-99.
9. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.
10. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация (виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 5-86.
11. Финкельберг Н.Д. Арабский язык. Курс теории перевода. Курс лекций. М.: Восток-Запад, 2004. 228 с.
12. Darir H. Approaches to the Production of Terms in Arabic // Translation and Linguistics Terminology / H. Darir, A. Baqcha, A. Zahid etc. Erbid, Jordan: Modern Books World, 2016. PP. 1-9.
13. Kayyali M.S. Modern Military Dictionary English-Arabic Arabic-English. New York: Hippocrene Books, Inc., 1991. 123 p.
14. Versteegh K., The Arabic Language / K. Versteegh, H.M. Cornelis – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1997, 2001. 286 p.
15. Газета Alwasat (Бахрейн) – 28.06.2013.
16. Газета Al-Ghad (Иордания) – 29.09.2018.
17. Газета Al Joumhouria (Ливан) – 13.06.2019.
18. Газета Youm7 (Египет) – 06.01.2020.
19. Газета Youm7 (Египет) – 07.03.2020.
20. Газета Al-Qabas (Кувейт) – 07.03.2020.
21. إبراهيم أنيس. دلالة الالفاظ. القاهرة: دار المعرفة، 1976، 215 ص.
22. أحمد مختار عمر. المصطلح الألسني و ضبط المنهجية. يرموك: عالم الفكر، المجلد 20، العدد 3، 1989. 573 ص.
23. جامعة منتوري-زهيرة قروي. المفاهيم المصطلحية و أثرها في ازدهار اللغة العربية. الجزائر. قسنطينة.
24. سمير لعويسات. البنية الصرفية لأسماء الآلة المستحدثة. دراسة تحليلية تقويمية. الجزائر : منشورات مخبر الممارسات اللغوية في الجزائر. 2011. 176 ص.
25. عبد القاهر الجرجاني. أسرار البلاغة. بيروت: دار الكتاب، 2001. ص. 326.
26. فايز الداية. علم الدلالة العربي، النظرية و التطبيق. ط 2 دمشق، دار الفكر، 1996. 520 ص.
27. محمد رشاد الحمزاوي. مجمع اللغة العربية بدمشق و النهوض بالعربية. دار التركي للنشر، 1988. 129 ص.

Сведения об авторе:

Айвазян Юрий Сергеевич – старший преподаватель Кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: арабская лексикология, языковая номинация в арабском языке, арабская морфология, лексикография. E-mail: Zetrodolox13@yandex.ru

ON VARIOUS ASPECTS OF AUTONOMOUS SECONDARY NAMING PROCESS (IDIOMATIC USAGE) IN THE MODERN ARABIC LANGUAGE

Yury S. Ayvazyan

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article is devoted to the study of the theoretical basis of autonomous secondary naming processes and scrutinizing the issues, related to this type of naming in the scope of modern Arabic lexicology as a productive means of assigning meanings to concepts. The article reviews approaches of native and Arabic authors to the comprehension of the phenomenon and features of autonomous secondary naming (in modern Arabic linguistics – ‘Al-Majaaz’).*

The paper deals with morphological nuances of word formation and specific aspects of functioning of lexical units formed as the result of Al-Majaaz. It also touches upon semantics of secondary autonomous units.

The article shows the correlation between autonomous secondary nomination units and single-word semantic borrowings (loans). Morphological characteristics of single-unit loan words and the reasons of their functioning in Modern Literary Arabic are also subject to study.

The paper considers the prospects of autonomous secondary units functioning in the context of their interconnection with polysemy, homonymy and synonymy.

This paper will be of interest for students, who study Arabic and lexicology, semantics and morphology issues, as well as for translators interested in word formation processes.

Key Words: *naming process, Arabic morphology, primary nomination, secondary nomination, semantics, connotation, denotation, signification, loan translation.*

References

1. Alavi, A.A. K voprosu o klassifikatsii omonimov v arabskom iazyke (na primere teksta Korana) [On the Classification of Homonyms in The Noble Quran] // Filologiya i kultura / Kazan, 2013. №3(33). S. 15-20.
2. Akhmad, A.M. Nauchno-tekhnicheskie terminy-neologizmy v sovremennom russkom literaturnom yazyke: na materiale slovarei 70-80-kh gg. [Technical-Scientific Neologisms in Modern Russian Literary Language: A Case Study of Dictionaries of the 70-80s]: diss...kand. filol. n. : 10.02.01. M., 2004. 304 s.
3. Zhuravlyov, A.F. Tekhnicheskie vozmozhnosti russkogo iazyka v oblasti predmetnoi nominatsii [Technical Possibilities of The Russian Language in the Domain of Subject Naming] // Shmelev D.N. Sposoby nominatsii v sovremennom russkom iazyke. M.: Nauka, 1982. S. 45-109.
4. Kolshanskii, G.V. Sootnoshenie sub'ektivnykh i ob'ektivnykh faktorov v iazyke [The Interrelation of Subjective and Objective Factors in the Language]. M.: KomKniga, 1975. 230 s.
5. Kubryakova, E.S. Teoriia nominatsii i slovoobrazovanie [Naming Process Theory and Word Formation]// Iazykovaia nominatsiia (vidy naimenovaniy). M.: Nauka, 1977. S. 222-304.
6. Mauler, F.I. Grammaticheskaja omonimiia v sovremennom angliiskom iazyke [Grammar Homonyms in Modern English]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1983. 194 s.
7. Reformatskiy, A.A. Vvedenie v iazykovedenie [An Introduction to Linguistics]. M.: Aspekt Press, 1996. 536 s.
8. Serebrennikov, B.A. Nominatsiya i problema vybora [Naming Processes and the Problem of Choice]// Iazykovaia nominatsiia (Obshchie voprosy). M.: Nauka, 1977. S. 7-99.
9. Teliya, V.N. Tipy iazykovykh znachenii. Sviazannoe znachenie slova v iazyke [Types of Linguistic Meanings. Bound Meanings of Words in Languages]. M.: Nauka, 1981. 269 s.
10. Ufimtseva, A.A. Leksicheskaja nominatsiya (pervichnaja neutral'naja) [Lexical Naming (Primary Naming Processes)]// Iazykovaia nominatsiia (vidy naimenovaniy). M.: Nauka, 1977. S. 5-86.
11. Finkel'berg, N.D. Arabskii iazyk. Kurs teorii perevoda. Kurs leksii [The Arabic Language. A Course of Translation Theory. A Course of Lectures]. M.: Vostok-Zapad, 2004. 228 s.
12. Darir, H. Approaches to the Production of Terms in Arabic // Translation and Linguistics Terminology / H. Darir, A. Baqcha, A. Zahid etc. Erbid, Jordan: Modern Books World, 2016. PP. 1-9.
13. Kayyali, M.S. Modern Military Dictionary English-Arabic Arabic-English. New York: Hippocrene Books, Inc., 1991. 123 p.
14. Versteegh, K., Cornelis, H.M. The Arabic Language. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1997, 2001. 286 p.

15. Gazeta Alwasat (Bakhrejn) [Newspaper 'The Center' (Bahrein)] – 28.06.2013.
16. Gazeta Al-Ghad (Iordaniya) [Newspaper 'Tomorrow' (Jordan)] – 29.09.2018.
17. Gazeta Al Joumhouria (Livan) [Newspaper 'The Republic' (Lebanon)] – 13.06.2019.
18. Gazeta Youm7 (Egipet) [Newspaper 'The Seventh Day' (Egypt)] – 06.01.2020.
19. Gazeta Youm7 (Egipet) [Newspaper 'The Seventh Day' (Egypt)] – 07.03.2020.
20. Gazeta Al-Qabas (Kuvejt) [Newspaper 'The Glead' / 'The Glowing Coal' (Kuwait)] – 07.03.2020.
21. Anis, I. Dalaalatu l'alfath [The Semantics of Words]. Al-Qahira: Dar al-maarifa, 1976. 215 p.
22. Omar, A.M. Al-mustalah al-alsiniyy wa dabtu l'manhajiyaa [Linguistic Terms and Methodology Improvement]. Yarmouk: Alamu l'fkr. Al-mujallad 20, al-adad 3, 1989. 573 p.
23. Qarawi, Z. Al-mafahiim al-mustalahiyaa wa athruha fi 'zdihaar al-lugha al-arabiyya [Terminology Concepts and their Impact on the Thriving of Arabic]. Al-Jaza'ir: Jamiat Mantouri-Qasantiina.
24. Luweisat, S. Al-binya as-sarfiyya li asma'il aala l'mustahdatha. Dirasa tahwiiliyya taqwiimiyya [The Morphological Foundation of Modern 'Instrument' Nouns]. Al-Jaza'ir: Manshurat mukhabbiri l'mumarasati l'lughawiyya fi'l Jaza'ir, 2011. 176 p.
25. Al-Jurjaani, A.Q. Asraar al'balaagha [The Secrets of Rhetoric]. Beirut: Dar al-kitab, 2011. 326 p.
26. Ad-Daya, F. Ilmu d'dalaala l'arabiyy, an-nathariyya wa t'tatbiq [The Arabic Semantics: Theory and Praxis]. V. 2. Dimashq: Dar al-fikr, 1996. 520 p.
27. Al-Hamzawi, M.R. Majmaa l'lugha al-arabiyya bi Dimashq wa an-nuhood bil'arabiyya [The Arab Academy in Damascus and The Renaissance of The Arabic Language]. Dar at-turkiy li'nashr, 1988. 129 p.

About the author:

Yury S. Ayvazyan – Senior Lecturer at The Department of Middle-East Languages, Moscow State University of International Relations (MGIMO-University). Fields of scientific interest: Arabic lexicology, naming processes in Arabic, Arabic morphology, lexicography. E-mail: Zetrodolo13@yandex.ru

* * *

О РАЗВИТИИ ТЕРМИНОЛОГИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н.М. Глушкова, М.Г. Харченко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финансовый университет),
125993 (ГСП-3), Россия, г. Москва, Ленинградский просп., 49

Данная статья посвящена исследованию современной английской терминологии цифровой экономики. Проанализированы причины появления «цифрового английского», освещена актуальность процесса изучения и систематизации цифровой терминологии и важность данной научной работы для специалистов и всех, кто использует экономическую и цифровую терминологию или имеет отношение к подготовке дидактических материалов для обучения. Опираясь на научные исследования специалистов в области экономики и лингвистики, авторы освещают понятие англоязычного цифрового термина, его природу и особенности, рассматривают его семантическую, структурную и функциональную характеристики в свете лексикологии. В статье приводится классификация англоязычной цифровой терминологии, характерные приёмы перевода терминов на русский язык, что делает изучение данной темы особенно актуальным в плане синергии научного аппарата экономики, финансов и лингвистики. Авторы подчёркивают, что правильное или неправильное понимание сути и законов взаимодействия компьютерной, финансовой и языковой сфер может приводить к верному или неверному пониманию бизнес-процессов, сфер компьютерных вычислений и их трансформаций в цифровые данные. Таким образом, изучение цифровой терминологии, точное понимание ситуаций и возможностей для её использования в различных сферах является очень важным для успешного выполнения поставленных экономических и технических задач.

В качестве языкового материала взяты примеры современного английского вокабуляра терминов цифровой экономики. Особое внимание уделяется базовым единицам рассматриваемой лексики, таким как Big Data, Crowdsourcing, Industry 4.0.

Ключевые слова: *глобализация английского языка, английская лексикология, термин, терминология цифровой экономики, термин Big Data, термин Crowdsourcing, термин Industry 4.0, переводческие трансформации*

Введение

Характерной чертой настоящего периода развития цивилизации является постоянно ускоряющееся технологическое совершенствование, которое неизбежно затрагивает все сопряжённые с ним социальные аспекты, в частности, изменение языков современности. Этот процесс активизируется в связи со многими научными, технологическими и творческими открытиями. Лексика любого

языка не бывает статичной, она меняется в ответ на запросы общества, количественно и качественно, испытывая воздействие других языков и приобретая новые формы.

В статье мы коснёмся определений, которые составляют активно развивающийся пласт современного английского языка, связанный с цифровыми технологиями, и затронем синергию компьютерной, финансовой и языковой сфер, помогающую лучше понимать бизнес-процессы, сферу компьютерных вычислений и их

трансформацию в цифровые данные [3; 8; 15]. Актуальность рассмотрения понятия «цифровая терминология» и его составляющих можно обосновать необходимостью изучать это характерное для времени языковое явление, развивать его научный анализ в лингвистическом и методическом ракурсах для использования в профессиональной подготовке любых специалистов, которые используют в своей работе экономическую и цифровую терминологию или имеют отношение к разработке дидактического материала соответствующей тематики [1].

1. Глобализация английского языка и причины появления «цифрового английского»

Существующая мировая тенденция к глобализации отражается в масштабности использования английского языка в профессиональной жизни людей в разных странах. Новое мышление в экономике и менеджменте ведёт к обновлению вокабуляра, постепенной трансформации грамматических форм и способов устного и письменного общения. Эффект глобализации языка отчётливо виден в общении в Интернете и развитии «цифрового английского»: глобализация привела к появлению форм языка, отличающихся от оригинала. Европейские институты разработали словарь, отличный от словаря любой общепризнанной формы английского языка, который включает слова, малоизвестные носителям английского языка за пределами Евросоюза [21].

Рассуждая о причинах появления «цифрового английского», можно сказать, что у каждого времени свой язык. Взаимосвязь потребностей современности и слов, описывающих новые явления, отражает образ мышления предпринимателей, создателей новых технологий, продуктов и сервисов, их потребителей. Лексика языка из-за изменений в жизни языкового сообщества меняется как по лингвистическим, так и по экстралингвистическим причинам, которые, как известно, определяются социальной природой языка, и, как утверждает доминирующая сегодня антропоцентрическая научная парадигма, эффективная речевая коммуникация обеспечивается социально-культурными и психологическими факторами языкового сообщества [10].

Чтобы проиллюстрировать непосредственную связь лексики и экстралингвистических явлений, приведём примеры расширения значений слов для охвата новых ситуаций.

– Cookie (от англ. cookie – печенье) – в сегодняшнем интернет-пространстве подразумевает специфическую информацию о конкретном пользователе цифровых услуг, которая может неопределённо долгое время храниться на клиентском веб-сервере. Её функция заключается в возможности дальнейшего удобного и быстрого обращения клиента к данному сайту [16]:

The main purpose of a cookie is to identify users and possibly prepare customized Web pages or to save information [31, с. 1].

– Lead (от англ. – вести, возглавлять) – в современном цифровом языке используется также для обозначения произведённого человеком действия согласно договору рекламодателя с издателем об оплате [17]:

In order to generate leads, your website needs to employ effective calls-to-action that prompt visitors to carry out a particular action [30, с. 1].

– Agile (от англ. – проворный) – подход, метод или тип мышления. Сегодня это слово приобрело особый смысл и актуальность в интернет-пространстве и в разных контекстах жизни. В условиях цифровой экономики данная характеристика используется в цифровых технологиях для описания альтернативного метода управления каким-либо проектом [33]:

Agile software development refers to a group of software development methodologies based on iterative development, where requirements and solutions evolve through collaboration between self-organizing cross-functional teams [32, с. 1].

Интенсивное развитие науки и техники и её проникновение в финансовую сферу породило целый блок новых слов и значений, ранее малоизвестных неспециалистам: computer mouse, cyclotron, blockchain, cyber sovereignty.

Фактор социальной потребности в определении новых понятий проявляется и в механизме словообразования. Исследование космического пространства, начатое советскими людьми, способствовало появлению таких слов, как sputnik, spaceship, lunokhod, babymoon, moon-car [29]. Показательно, что впоследствии суффикс -nik стал свободно применяться в других словах, например, computernik (компьютерный энтузиаст):

Before looking specifically at the microcomputer, let us consider the role of computers and computerniks in general in the increasing isolation of humans. The first point to note is that people who work with computers generally prefer computers to people [35, с. 1].

Таким образом, в отличие от морфологии и синтаксиса, лексикология сближается с социолингвистикой. Все, кто соприкасаются с ней в процессе своей деятельности, должны учитывать корреляции между лингвистическими фактами и глубинными социальными фактами, породившими определённые словарные явления. Понимание и использование новообразованных терминов следует основывать на установлении научно обоснованных взаимосвязей между языком и социальной жизнью речевого сообщества. Неслучайно психолингвисты выявляют «формулы читабельности» текстов, в которых вокабуляр выступает как один из определяющих факторов восприятия речи реципиентом [11].

2. Классификация цифровой терминологии

В настоящее время наблюдается тенденция к упорядочиванию в языкознании терминологии цифровой экономики. Для внесения ясности в вопрос стандартизации данных терминов и терминосистем и в изучение этого развивающегося подъязыка приведём общую классификацию цифровой экономики и её терминов, предложенную нобелевским лауреатом Ричардом Хиксом и принятую разными научными направлениями как базовая.

1. Товары: производство ИКТ-продукции для непосредственного потребителя (комплектующие и средства связи; оборудование и детали для сбора и обслуживания ПК).
2. Программное обеспечение: их создание и продвижение среди потребителей.
3. Инфраструктура: интернет-провайдеры, сервисные центры, предоставляющие сетевые услуги.
4. Дополнительные услуги: консультирование, техническое обслуживание.
5. Услуги посредников в розничной торговле (касается всех указанных выше сфер).
6. Информационные ресурсы: генерация, обработка и защита данных [6; 23; 26].

3. Сопоставительный анализ терминов цифровой экономики в английском и русском языках

Проводя сопоставление цифровых терминов в английском и русском языках, следует отметить, что в русском языке имеется множество терминологических заимствований из англоязычной терминологии, отличающейся большим

разнообразием. Важно правильно проводить сопоставление английских и русских эквивалентов, отбирая лексику с опорой не только на её высокую частотность, но и на весомость определяемых понятий [12].

3.1. Термин «Big Data»

Обращаясь к первоисточкам, проанализируем понятие Big Data. Русскоязычная среда заимствовала это словосочетание методом калькирования как термин «большие данные», который сейчас используется наравне с английским вариантом. Англоязычные источники дают следующие определения:

1. Extremely large data sets and the analytical methods used to systematically evaluate the data they contain [25, с. 12].
2. A term that describes large amount of data which characterizes the daily procedures of any enterprise. It's worth mentioning that the volume of data is not as important as the following analysis of it performed by the company. The result of this analysis is expressed in insights for evolving the general economic strategy [22].
3. Information assets, characterized by high volume, high velocity and high-variety (but not obligatory). It requires effective forms of information analysis for enhanced solutions and automation of the process. These features are known as the three Vs (Volume, Velocity, Variety). Two more Vs have emerged over the past few years: value and veracity [24].

Специалисты сходятся в следующем: при внешней субъективности русскоязычного термина существует одно более общее мнение, согласно которому большие данные – это взаимосвязь технологий, объединённых выполнением ряда действий при наличии трёх критериев. Во-первых, обрабатываются данные большого объёма (по сравнению со стандартным количеством). Во-вторых, данные поступают и обновляются гораздо быстрее и в больших масштабах. В-третьих, данные зачастую лишены какой-либо структуры, что не освобождает от необходимости оперативно работать с ними. Иными словами, «большие данные» обычно описываются через показатели объёма, неструктурированности, скорости. Исследователи также подчёркивают разнородность источников этих данных [5].

Несмотря на то, что на входе процессы оперируют хаотичными данными, итоговый результат работы с поступающей информацией может стать толчком сразу к нескольким идеям. В со-

временной жизни мы сталкиваемся с технологиями Big Data, когда говорим о населении планеты (7 миллиардов пользователей социальных сетей и т.д.) [14]. Такие сайты, как YouTube, Facebook, ВКонтакте отвечают одновременно на миллион запросов, и в качестве данных выступают действия пользователей. При этом, с точки зрения соединения указанных проектов и финансового аспекта, данные хостинга YouTube носят двусторонний характер. В результате обработки поступающей и запрашиваемой информации происходит интерпретация спроса на продукты или услуги, актуальные темы и связанные с ними предпринимательские возможности. При правильном и быстром анализе каждого действия пользователя обе стороны (потребитель и производитель либо ритейлер) получают необходимую для себя информацию.

При анализе данного термина с точки зрения его словоформы и употребления отмечается активное использование как английского термина, так и его русского аналога в зависимости от аудитории. Например, при вводе в русскоязычный поисковик Яндекс запроса по термину "Big Data" указывается информация о прогнозируемых 26 тыс. показов в месяц; при вводе его прямого русского транслитерированного аналога «биг дата» – 8 655 показов в месяц, а при запросе «большие данные» – 265 тыс. показов в месяц. На четвёртом месте можно отметить наличие ещё одного родственного перевода термина – «сложные данные» (23 тыс. показов в месяц).

3.2. Термин «Crowdsourcing»

Следующий объект анализа непосредственно связан с характеристикой объёма и разнообразия получаемой информации, потому что посвящён вовлечению целевой аудитории любого бизнес-проекта, исследования или мероприятия в происходящий процесс. Термин Crowdsourcing имеет в русском языке идентичный вариант «Краудсорсинг». В данном случае применяются упоминавшиеся методы транскрипции и транслитерации. Родственными им по семантике в сфере цифровой экономики являются термины *outsourcing*, *crowdfunding*, *crowdmapping* («Аутсорсинг», «Краудфандинг» и т.п.). Систематизация данной терминологии традиционно приписывается писателю Джеффу Хау (Jeff Howe) и редактору журнала Wired Марку Робинсону (Mark Robinson). Введённая ими система шире заявленной нами в данной статье: «Д. Хау выделяет четыре типа стратегий краудсорсин-

га: финансирование (*crowdfunding*), создание (*crowdcreation*), голосование (*crowdvoting*), «мудрость толпы» (*crowdwisdom*, *wisdom of the crowd*)» [19, с. 119]. Любопытно, что набор терминов с различными оттенками в английском бизнес-словаре более широк, тогда как в русской финансовой терминологии активно используются только три из пяти перечисленных терминов. Рассмотрим их особенности.

Начиная с первого термина *Crowdsourcing*, можно отметить, что его определения в основном исходят из цели явления:

1) the procedure of obtaining data or its implementation into a project after an analysis of customer's services, paid or unpaid, generally through the Internet [28].

2) the practice of involving a large amount of people in order to obtain a common goal – it may be a new technology, development of any aspect, solution to a problem [34].

В большинстве определений также видна техническая платформа Интернета, через которую люди выражают свои идеи, ответы на вопросы и потребности для бизнеса: Crowdsourcing involves the cooperation, information, or ideas of a large mass of people who donate their data via the Internet, social media, and smartphone applications [27].

Необходимо также подчеркнуть, что явление краудсорсинга сочетает в себе обычно несочетаемые понятия индивидуализма и массовости. Так, цель организации краудсорсинга обычно носит общественный, масштабный характер, но свою небольшую информативную роль в нём играет каждый участник опроса, проекта или движения. Примерами краудсорсинга может быть всё многообразие общественных, городских опросов в режиме реального времени – начиная с отзывов о посещённых местах и заканчивая наличием пробок на дорогах.

Следующий термин *crowdfunding* относится к финансовой сфере и является более близким к ней именно экономическим вкладом каждого участника [19]. По сравнению с более общим понятием краудсорсинга, краудфандинг (*crowdfunding*) не только экономит время и усилия работников предприятия, но и сокращает расходы за счёт автоматизации маркетинговых акций, опросов о популярности продукта, удовлетворённости услугами, экономии на переводах с иностранных языков и т.д.

Преимуществом обоих явлений можно указать разнообразие учитываемых мнений, оценок и идей, широту аудитории и вариативность

её социокультурного, экономического и образовательного уровней. Самым популярным творением аутсорсинга является Википедия, где каждый, кто считает себя специалистом в той или иной сфере, может поделиться знаниями с широкой аудиторией.

Кратко затронем ряд терминов, которые пока не нашли своего однозначного выражения в русскоязычной финансовой среде – *crowdcreation* и *crowdmapping*. По нашим наблюдениям, в русскоязычных источниках подобные термины не переводятся подробно. Берётся ключевое слово (корень, например, «создание»), и исходя из контекста, читатель понимает, о чём речь. Если углубиться в терминологию соответствующих явлений на русском языке, то, во-первых, встречаем либо отсутствие перевода (сохранение термина на английском языке), либо – в редких случаях – нестандартный перевод, где первая основа переносится методом транскрипции, а вторая переводится:

«Краудпроизводство» (*crowdcreation*) – характеристика технологии: поиск и генерация эффективных творческих решений и их последующее внедрение в деятельность компаний [4].

Необходимо напомнить, что данный раздел статьи ставит своей целью не столько перечислить и описать всё многообразие основных видов краудсорсинга, сколько кратко осветить лингвистические тенденции в языке, касающиеся цифровой экономики.

Как видим, для новых актуальных терминов привлекаются следующие характерные словообразовательные стратегии:

1) транскрипция – передача звучания оригинального слова посредством буквенного набора иностранного языка (а не его орфографической формы) (*crowdsearching* – «краудсечинг», *crowdrecruiting* – «краудрекрутинг»);

2) транслитерация – передача написания оригинального слова посредством буквенного набора иностранного языка (*crowdmapping* – «краудмэппинг» – коллективное изучение местности для дальнейшего создания карт этого пространства, обычно связанное с социальными явлениями) [7; 9; 13];

3) описательный перевод – передача значения оригинального слова через апелляцию к уже имеющемуся в языке и обществе явлению или его объяснение (*crowd-wisdom* – «предикативный краудсорсинг» – анкетирование мнений разнородных социальных групп для создания гипотез о развитии социума) [4; 12].

3.3. Термин «Industry 4.0»

Данный термин по масштабу значения подобен целому понятию цифровой экономики. Следует коснуться исторического, социального и индустриального процесса, который стал одной из причин цифровизации экономики – четвёртой индустриальной революции и массового внедрения киберфизических систем в производство – Industry 4.0. В самом широком смысле Индустрия 4.0 трактуется как промышленность будущего, ориентированная на взаимодействие деталей в производстве и конечную продукцию без участия человека [18].

Этот процесс всеобъемлющ, потому что касается всех сфер производства и экономики: компании заинтересованы в создании глобальных сетей, где взаимосвязанные оборудование, складские системы и прочие технологии будут работать как единое целое, описанное термином «киберфизические системы» (*Cyber-Physical Systems – CPS*). Мы наблюдаем ещё один пример калькированного перевода, к которому часто прибегают в техническом переводе. Если говорить о производстве, то к этим системам относят интеллектуальные станки, системы хранения информации и специально программируемое цеховое оборудование, которое передаёт информацию в самостоятельном режиме и может автоматически запускать процессы, а также контролировать процесс и результат [18].

Заключение

Мы коснулись ряда терминов, понимание которых необходимо (хотя, безусловно, недостаточно) для адекватного представления терминологии цифровой экономики в рамках общей терминосистемы современного английского языка. Хотим подчеркнуть, что данная статья в первую очередь создавалась как аналитический и образовательный ресурс в плане как научного исследования, так и языкового образования, и представляет интерес не только для преподавателей, студентов, аспирантов, но и для всех, кто хотел бы углубить свои знания в терминологии и выйти за пределы понятий 3D printing, application, blog, text message и т.п., активно используемых в СМИ и учебных изданиях.

Всем, кто в силу своей профессиональной деятельности общается с коллегами на специфические темы в официальной и неофициальной обстановке, нужно помнить о том, что впечатление о профессиональной подготовке говорящих

и результат их общения может зависеть от адекватного понимания оттенков значений, стилистических коннотаций или других параметров специализированной лексики [2; 20].

В целом хотелось бы подчеркнуть перспективность и многоаспектность научного интереса к цифровой терминологии. Анализ представленного в статье материала позволяет сделать выводы:

1. При сопоставлении и выявлении наиболее перспективных сфер изучения цифровой терминологии на первый план выходит лексикология, наиболее подверженная влиянию социума.

2. Тенденции в языке, касающиеся цифровой терминологии, отражают тенденции современности, в которой сочетаются массовость и глобализация информации, экономики и процессов, с одной стороны, и индивидуализация, личностное ориентирование всех сфер – с другой.

3. Понимание и использование терминологии цифровой экономики требует изучения как в отношении её взаимосвязи с языком социальной жизни речевого сообщества, так и для дальнейшего совершенствования и развития лингвистического вектора.

4. Рассмотренные примеры цифровых терминов показывают, что терминология цифровой экономики представляет собой быстро обновля-

ющийся феномен, и основными путями переноса новых понятий в русский язык традиционно остаются методы транскрипции, транслитерации, калькирования и описательного перевода.

Представленный в данной работе материал касается также следующих вопросов, требующих дальнейшего рассмотрения:

1) особенности переноса англоязычных понятий в русскую экономическую сферу, стратегии перевода и возможности трактовки будущих терминов, которые пока не вошли в русский язык;

2) специфика употребления новых цифровых терминов в языке оригинала, сопутствующий контекст, отрицательная или положительная коннотация слова, характерные словосочетания;

3) постепенное и более полное включение современных терминов «цифровой экономики» (их английские и русские эквиваленты) в учебные курсы высшей школы.

Итогом всей научной деятельности в области цифровой терминологии будет максимальная включённость читающей аудитории, студентов, выпускников вузов и всего современного поколения в процессы мировой экономики, осведомлённость о её тенденциях, а также рост информационной и финансовой грамотности населения.

Список литературы

1. Абдрахманова К. О., Вишневецкий Л. М., Гохберг Г. И. и др. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апрельскому междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с. [Электронный ресурс] – URL: https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004671/2%20%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0.pdf (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
2. Алехина Н. В. Процессно-моделирующий компонент системы формирования дискурсивно-ценностной компетенции будущих лингвистов и его реализация / Н.В. Алехина, Н.М. Глушкова, Е.А. Стерлигова // Мир науки, культуры, образования, 2016, т. 1, № 6 (61). С. 47–49.
3. Баранов Д. Н. Сущность и содержание категории «цифровая экономика» // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2018, №2 (25). [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-soderzhanie-kategorii-tsifrovaya-ekonomika> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
4. Барков С. А. Управление человеческими ресурсами в 2 ч. Часть 2: учебник и практикум для академического бакалавриата / ответственный редактор С. А. Барков, В. И. Зубков. М.: Издательство Юрайт, 2016. 245 с. [Электронный ресурс] – URL: https://studme.org/301360/menedzhment/osobennosti_osuschestvleniya_vidy_kraudsorsinga (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
5. Блог компании DIS Group. [Электронный ресурс] – URL: <https://dis-group.ru/company-news/articles/chto-takoe-big-data-azbuka-bolshih-dannyh-ot-a-do-ya-chast-1/> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
6. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2018, Т. 13, № 2. С. 143–172.
7. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 2000. 343 с.
8. Кешелава А. В. Предмет цифровой экономики и роль цифровых инструментов / А.В. Кешелава, И.Л. Хагет // Цифровая экономика, 2019, №2 (6). С. 87–95.
9. Комиссаров В.Н. Теория перевода: (Лингвистические аспекты). М., 1990. 284 с.
10. Леденева С.Н. О дискурсивных свойствах рекламных текстов // Филологические науки в МГИМО, 2017, № 4 (12). С. 36–42.

11. Леденева С.Н. О факторах коммуникативной эффективности текста // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология, 2017, том 23, № 2. С. 97-101.
12. Николаев С. Г. К вопросу об экспрессивно-стилистической классификации специальной лексики бизнеса в современном английском языке / С.Г. Николаев, М.Н. Моргунова // Вестник ПГЛУ, 2000, №1. С. 36-41.
13. Петровская Е. В. Непереводимое в переводе. Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 2. М.: РГГУ, 2004. С. 244-248.
14. Протасов С. Что такое Big Data? [Электронный ресурс] – URL: <https://postnauka.ru/faq/46974> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
15. Скрипко Д.А. Цифровая экономика. / Д.А. Скрипко, А.И. Силантьева и др. // Международный научно-технический журнал «Теория. Практика. Инновации». 2018, № 2 (26). [Электронный ресурс] – URL: <http://www.tpinauka.ru/2018/02/Skripko.pdf> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
16. Словарь бизнес-терминов «Академик», 2001. [Электронный ресурс] – URL: <https://translate.academic.ru/COOKIE/ru/> (Дата доступа 1 декабря 2019)
17. Словарь бизнес-терминов «Академик», 2001. [Электронный ресурс] – URL: <https://translate.academic.ru/Lead/ru/> (Дата доступа 1 декабря 2019)
18. Так что же такое Industry 4.0.? [Электронный ресурс] – URL: http://www.msbfond.ru/about/treatment/tak_что_zhe_takoe_industry_4_0/ (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
19. Тегин В. Краудсорсинг в генерации инновационных идей / В. Тегин, Б. Усманов // Мир транспорта. 2012, №06. С. 118-123.
20. Харченко М. Г. Языковое образование для экономистов: преемственность и новаторство // Вопросы прикладной лингвистики. М.: РУДН, 2016, № 22. С.101-110.
21. A brief list of misused English terminology in EU publications [Электронный ресурс] – URL: www.er.nau.edu.ua/bitstream/NAU/22959/20/04_PHTП_МПЗ9.pdf (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
22. Big Data. What it is and why it matters. [Электронный ресурс] – URL: https://www.sas.com/ru_ru/insights/big-data/what-is-big-data.html (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
23. Bukh R., Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy. Global Development Institute working papers. 2017, № 68. [Электронный ресурс] – URL: <https://diodeweb.files.wordpress.com/2017/08/diwkppr68-diode.pdf> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
24. Gartner Glossary. Information Technology [Электронный ресурс] – URL: <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/big-data> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
25. Glossary – Digitalisation and Sustainable Development. [Электронный ресурс] – URL: https://www.bmz.de/en/zentrales_downloadarchiv/ikt/Glossary-Digitalisation-and-Sustainable-Development.pdf (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
26. Heeks R. Researching ICT-Based Enterprise in Developing Countries, Development Informatics Working Paper 30, IDPM, University of Manchester, UK, 2008. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.gdi.manchester.ac.uk/research/publications/di> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
27. Investopedia. Business essentials. Crowdsourcing Definition. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.investopedia.com/terms/c/crowdsourcing.asp> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
28. Lexico (Dictionary.com and Oxford University Press) [Электронный ресурс] – URL: <https://www.lexico.com/en/definition/crowdsourcing> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
29. Lexicology and Sociolinguistics. Lexical Units [Электронный ресурс] – URL: <https://studfile.net/preview/5640545/page:4/> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
30. Stec C. 6 Examples of Lead Generating Calls-to-Action [Электронный ресурс] – URL: <https://www.impactbnd.com/blog/6-examples-of-lead-generating-calls-to-action> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
31. Vangie Beal. What are Cookies and What Do Cookies Do? Webopedia, 2008 [Электронный ресурс] – URL: https://www.webopedia.com/DidYouKnow/Internet/all_about_cookies.asp (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
32. Virender Singh. What is agile? – CPrime. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.cprime.com/resources/what-is-agile-what-is-scrum> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
33. Virender Singh. What is Agile? – Tools, 2019 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.toolsqa.com/agile/what-is-agile> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
34. What is Crowdsourcing? [Электронный ресурс] – URL: <https://crowdsourcingweek.com/what-is-crowdsourcing/> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)
35. What's the difference? Computer vs Computernik. – WikiDiff [Электронный ресурс] – URL: <https://wikidiff.com/computernik/computer> (Дата доступа 1 декабря 2019 г.)

Сведения об авторах:

Глушкова Надежда Маматкуловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Департамента языковой подготовки, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология английского и испанского языков, лингвокультурология, лингвострановедение, перевод. E-mail: NMGlushkova@fa.ru

Харченко Марина Григорьевна – старший преподаватель Департамента языковой подготовки, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология английского языка, лингводидактика, лингвострановедение, перевод. E-mail: margrih@mail.ru

ENGLISH-LANGUAGE TERMINOLOGY OF DIGITAL ECONOMY AS AN OBJECT OF LINGUODIDACTICS

N.M. Glushkova, M.G. Kharchenko

‘Financial University under the Government of the Russian Federation’ (Financial University),
49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, GSP-3, Russia.

Abstract: *This article is devoted to the study of digital economy terminology and its consideration from the point of linguodidactics. The object of analysis were the causes of “digital English” emergence in people’s lives, the importance of learning, research and systematization of digital terminology and the necessity of this research for professionals and everyone who uses economic and digital terminology or is related to the preparation of any type of didactic material for teaching or self-education. Based on the scientific research of specialists in the field of Economics and Linguistics, the article acquaints the reader with the concept of the English-language digital term, its nature and features, as well as highlights the issue of its semantic, structural and functional characteristics from the point of view of linguistics and linguodidactics. The article briefly presents different types of classifications of English-language digital terminology, the most frequently used strategies for translating these terms into Russian, which makes the study particularly relevant in the issue of synergy of Finance and Linguistics.*

The authors emphasize that either correct or incorrect understanding of the essence and laws of interaction between the Digital, Economic and Linguistic spheres can lead to a correct or incorrect understanding of business processes, computing spheres and their transformations into digital data. Thus, the study of digital terminology, accurate understanding of situations and opportunities for its use in various fields is very important for successful implementation of the economic and technical tasks.

Specific examples of modern English-language vocabulary of digital economy terms are performed as a material for the study.

Key Words: *digital terminology, term, linguodidactics, digital economy*

References

1. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevskii, L. M. Gokhberg G. I. i dr. Chto takoe tsifrovaia ekonomika? Trendy, kompetentsii, izmerenie [What is the digital economy? Trends, competencies, measurement]: doklad k XX Aprel'skoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiia ekonomiki i obshchestva [Report for the XXth April. international. science. conf. on the problems of economic and social development], Moscow, 9-12 April, 2019. 82 p., www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004671/2%20%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0.pdf [Accessed 2019 December 1]
2. Alekhina N. V. Protssessno-modeliruiushchii komponent sistemy formirovaniia diskursivno-tsennostnoi kompetentsii budushchikh lingvistov i ego realizatsiia [Process-modeling component of the system of formation of discursive-value competence of future linguists and its implementation] / N.V. Alekhina, N.M. Glushkova, E.A. Sterligova // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia [World of science, culture, education], 2016, vol. 1, no. 6 (61). pp. 47–49 (in Russian).
3. Baranov D. N. Sushchnost' i sodержanie kategorii “tsifrovaia ekonomika” [The essence and content of the category “digital economy”]. Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Iu. Vitte. Serii 1: Ekonomika i upravlenie [Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 1: Economics and management], 2018, no.2(25), : cyberleninka.ru/article/n/sushchnost-i-soderzhanie-kategorii-tsifrovaya-ekonomika [Accessed 2019 December 1]
4. Barkov S. A. Upravlenie chelovecheskimi resursami v 2 ch . Chast' 2: uchebnik i praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata [Human resource management in 2 parts. Part 2: textbook and workshop for academic baccalaureate]. Moscow: Iurait Publ., 2016. 245 p, studme.org/301360/menedzhment/osobennosti_osuschestvleniya_vidy_kraudsorsinga [Accessed 2019 December 1]
5. DIS Group Blog, dis-group.ru/company-news/articles/chto-takoe-big-data-azbuka-bolshih-dannyh-ot-a-do-ya-chast-1/ [Accessed 2019 December 1]
6. Bukht R., Khiks R. Opreделение, kontseptsii i izmerenie tsifrovoi ekonomiki [Definition, concept and measurement of the digital economy]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii [Bulletin of international organizations], 2018, vol. 13, no 2, pp. 143–172 (in Russian).
7. Vlahov, S. I., Neperevodimoe v perevode [The untranslatable in translation]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia [International relations], 2000, 343 p (in Russian).
8. Keshelava A. V. Predmet tsifrovoi ekonomiki i rol' tsifrovyykh instrumentov [The subject of digital economy and the role of digital tools]. / A.V. Keshelava, I.L. Khaet // Tsifrovaia ekonomika [Digital economy], 2019, no 2 (6). pp. 87-95. (in Russian)

9. Komissarov V. N. Teoriia perevoda: (Lingvisticheskie aspekty) [Theory of translation: (Linguistic aspects)], Moscow. 1990, 284 p (in Russian).
10. Ledeneva S.N. O diskursivnykh svoistvakh reklamnykh tekstov [Discursive features of advertisements]. Filologicheskie nauki v MGIMO [Philology at MGIMO], 2017, no. 4 (12), pp. 36-42.
11. Ledeneva S.N. O faktorakh kommunikativnoi effektivnosti teksta [On factors of text communicative efficiency]. Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya [Vestnik of Samara University]. History, pedagogics, philology, 2017, vol. 23, no. 2, pp. 97-101.
12. Nikolaev, S. G., Morgunova M. N. K voprosu ob ekspressivno-stilisticheskoi klassifikatsii spetsial'noi leksiki biznesa v sovremennom angliiskom iazyke [On the question of expressive and stylistic classification of special vocabulary of business in modern English]. Vestnik PGLU [Bulletin of Pyatigorsk State University], 2000, no 1. pp. 36-41. (in Russian)
13. Petrovskaia E.V. Neperevodimoe v perevode. Russkaia antropologicheskaya shkola. Trudy. Vypusk 2 [Untranslatable in translation. Russian anthropological school. Proceedings. no 2.], Moscow. Russian State University for the Humanities Publ, 2004. pp. 244-248. (in Russian)
14. Protasov S. What is Big Data? – postnauka.ru/faq/46974 [Accessed 2019 December 1]
15. Skripko D.A. Tsifrovaia ekonomika [Digital economy] / D.A. Skripko, A.I. Silant'eva et al. //Mezhdunarodnyi nauchno-tekhnicheskii zhurnal «Teoriia. Praktika. Innovatsii» [International scientific and technical journal “Theory. Practice. Innovations”], 2018, № 2 (26), www.tpinauka.ru/2018/02/Skripko.pdf [Accessed 2019 December 1]
16. Slovar' biznes-terminov «Akademik», 2001, translate.academic.ru/COOKIE/ru/ [Accessed 2019 December 1]
17. Slovar' biznes-terminov «Akademik», 2001, translate.academic.ru/Lead/ru/ [Accessed 2019 December 1]
18. So what is Industry 4.0.? www.msbfond.ru/about/treatment/tak_chno_zhe_takoe_industry_4_0_ [Accessed 2019 December 1]
19. Tegin V., Usmanov B. Kraudsorsing v generatsii innovatsionnykh idei [Crowdsourcing in the generation of innovative ideas]. Mir transporta [World of transport], 2012, no 06. pp. 118-123. (in Russian)
20. Kharchenko M.G. Iazykovoie obrazovanie dlia ekonomistov: preemstvennost' i novatorstvo [Language education for economists: continuity and innovation]. Voprosy prikladnoi lingvistiki [Questions of applied linguistics], Moscow. Peoples' Friendship University of Russia Publ, 2016, no 22. pp.101-110. (in Russian)
21. A brief list of misused English terminology in EU publications, www.er.nau.edu.ua/bitstream/NAU/22959/20/04_PHTTI_MII39.pdf [Accessed 2019 December 1]
22. Big Data. What it is and why it matters, www.sas.com/ru_ru/insights/big-data/what-is-big-data.html [Accessed 2019 December 1]
23. Bukh R., Heeks R. 2017, Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy. Global Development Institute working papers. No 68, diodweb.files.wordpress.com/2017/08/diwp68-diode.pdf [Accessed 2019 December 1]
24. Gartner Glossary. Information Technology, www.gartner.com/en/information-technology/glossary/big-data [Accessed 2019 December 1]
25. Glossary – Digitalisation and Sustainable Development, www.bmz.de/en/zentrales_downloadarchiv/ikt/Glossary-Digitalisation-and-Sustainable-Development.pdf [Accessed 2019 December 1]
26. Heeks, R. Researching ICT-Based Enterprise in Developing Countries, Development Informatics Working Paper 30, IDPM, University of Manchester, UK, 2008, www.gdi.manchester.ac.uk/research/publications/di [Accessed 2019 December 1]
27. Investopedia. Business essentials. Crowdsourcing Definition, www.investopedia.com/terms/c/crowdsourcing.asp [Accessed 2019 December 1]
28. Lexico (Dictionary.com and Oxford University Press), www.lexico.com/en/definition/crowdsourcing [Accessed 2019 December 1]
29. Lexicology and Sociolinguistics. Lexical Units, studfile.net/preview/5640545/page:4/ [Accessed 2019 December 1]
30. Stec C. 6 Examples of Lead Generating Calls-to-Action, www.impactbnd.com/blog/6-examples-of-lead-generating-calls-to-action [Accessed 2019 December 1]
31. Vangie Beal. What are Cookies and What Do Cookies Do? Webopedia, 2008, www.webopedia.com/DidYouKnow/Internet/all_about_cookies.asp [Accessed 2019 December 1]
32. What is agile? – www.cprime.com/resources/what-is-agile-what-is-scrum [Accessed 2019 December 1]
33. What is Agile? – www.toolsqa.com/agile/what-is-agile [Accessed 2019 December 1]
34. What is Crowdsourcing? – crowdsourcingweek.com/what-is-crowdsourcing/ [Accessed 2019 December 1]
35. What's the difference? Computer vs Computernik, wikidiff.com/computernik/computer [Accessed 2019 December 1]

About the authors:

Nadezhda M. Glushkova – Senior Lecturer at the Department of Language Training, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia, Moscow). Spheres of scientific and professional interests: lexicology of English and Spanish languages, cultural linguistics, translation. E-mail: NMGlushkova@fa.ru

Marina G. Kharchenko – Senior Lecturer at the Department of Language Training, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia, Moscow). Spheres of scientific and professional interests: lexicology of English language, linguistics, linguodidactics, translation. E-mail: margrih@mail.ru

ЯЗЫК КАК МИР И МИР КАК ЯЗЫК НАБЛЮДАТЕЛЯ: НА ПУТИ К ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНОМУ ПОДХОДУ К ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ЯВЛЕНИЯМ

А.С. Дружинин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

*Одной из важных целей лингвистической науки, несомненно, является осмысление генеративных механизмов языка, а именно исследование причин и следствий смыслопорождения в речемыслительных процессах. В данной статье предлагается синтетический взгляд на эпистемологическую проблему наблюдателя как лингводеятеля и когнитивного агента, конструирующего свой мир в языке и свой язык в мире (М. Мерло-Понти). С опорой на лингвофилософию энативизма (Ф. Варела, Э. Томпсон, Э. Рош) и радикального конструктивизма (Э. фон Глазерсфельд, У. Матурана) приводится ряд аргументов против позиции объективного реализма и репрезентационизма, популярных в традиционном языкознании. Утверждается, что объективность – это языковая иллюзия наблюдателя, возникающая в результате абстрагирующего и рефлексивного мышления, когда перцептуальные объекты становятся “как если бы перцептуальными” (ср. реальность *Als ob* Г. Файхингера), т.е. именованьями, которые замещают тот или иной эмпирический материал. Любое сенсомоторное “событие” может превратиться в опыт наблюдателя и генерировать воображаемый материал благодаря когнитивным операциям и операциям над результатами этих операций. Язык, таким образом, – это сложный процесс, обуславливающий существование наблюдателя: это конструирование опыта в сенсомоторике и эмоционально-волевой тональности абстрактно-рефлексивных операций. Никакое языковое значение, тем самым, нельзя рассматривать только как умственную или эмотивную категорию; семантика языка имеет экспериенциальную природу и её изучение целесообразно проводить в парадигме эмпирической методологии, а не (только) в рамках текстологического и логико-семантического анализа.*

Ключевые слова: абстракция, рефлексия, объективная реальность, когнитивный агент, мысле-действие, эффект наблюдателя.

1. Введение: наблюдатель в языке науки

Понятие наблюдателя прочно вошло в научный обиход со времён теории относительности А. Эйнштейна, положившей конец физическим моделям абсолютных величин. Пришло понимание того, что все свойства пространства и времени справедливо измерять

относительно отдельно взятой системы отсчёта. На основе фактора релятивности в науках строятся концепции, доказавшие свою работоспособность в описании и формализации явлений не только природы, но и техники. В качестве примера можно привести теорию эффекта наблюдателя, получившую распространение в междисциплинарных исследованиях: в кванто-

вой механике, в частности, это теория о том, что наблюдение феномена неизбежно изменяет сам феномен [8]; в информационных технологиях под эффектом наблюдателя понимается воздействие на протекание компьютерных процессов, вызванное актом самого наблюдения за этими процессами [13]. Существует также и метатеоретическая интерпретация эффекта наблюдателя, используемая в исследовании методологии исследований: эффект ожиданий наблюдателя (*observer-expectancy effect*) – это когнитивное искажение, влияющее на результаты и ход эксперимента, когда предвзятость подтверждений исследователя (склонность к подтверждению своей точки зрения) воздействует на состояние участников эксперимента и/или искажает предмет самих подтверждений [9, с. 374].

Так или иначе, в современной научной парадигме измерение и исчисление пространства и соответствующих величин, так же как измерение самих измерений не может производиться без учёта заданной либо задаваемой системы координат, в качестве которой и выступает наблюдатель. Всё это лишний раз говорит о том, что реальность, насколько бы всесторонне она ни поддавалась объективации со стороны учёных путём превращения её в объект исследований, всё равно остаётся достоянием (и состоянием) наблюдателя, а значит, его эпистемологический портрет служит своеобразным *master key*, ключом от всех дверей, ведущих к познанию человека и мира, где язык выступает не в качестве посредника, а как *условие* существования того и другого.

2. Наблюдатель и язык: абстрагирование

Наблюдатель является организующим началом феноменального мира, создающим такие референциальные рамки (ср. англ. термин *reference frame* “система координат”), в которых он может качественно и количественно измерять этот мир, прежде всего, назвав его именем. Быть наблюдателем не значит только воспринимать: сова, долго высматривающая добычу, не может считаться наблюдателем. Наблюдатель не значит просто говорящий: говорящий попугай, натренированный произносить то, что мы интерпретируем как слова, не именует, не измеряет. Быть наблюдателем значит сохранять (*ob-* “перед”, *servare* “хранить”; *на-* “направление действия вовнутрь”, блюсти “хранить”) то, что предстаёт перед взором, у себя внутри как некую

сущность, которую можно использовать для мысленного воспроизведения того, что было, и с которой можно производить мысленные “манипуляции” для конструирования более сложных сущностей. Иными словами, наблюдать значит сохранять и действовать. Разумеется, только язык предоставляет возможность человеку осуществлять такие ментальные процессы, поэтому более удачным определением наблюдения было бы “**сохранять и действовать в языке**”.

“Сохранить” воспринимаемое как сущность означает выделить себя как воспринимающего, локализовать себя в окружающей среде и осознать свои состояния. В основе такого сохранения лежит механизм абстрагирования, заключающийся в изолировании из общего перцептуального потока отдельных его элементов (перцептов). В своих исследованиях в области генетической эпистемологии Ж. Пиаже (1937, 1975) подробно описывает сущность когнитивного механизма абстрагирования. Способность к абстракциям развивается у детей как первоочередное условие для формирования “чувства постоянства”, когда ребёнок может осознать, что объекты не исчезают, если на них не смотреть. Э. фон Глазерсфельд (1995), изучавший работы Ж. Пиаже в оригинале, подробно рассматривает эпистемологические характеристики данного явления, отмечая, что они зачастую трактуются неверно из-за двусмысленного перевода терминов на английский язык.

Во-первых, это чувство постоянства (называемое Ж. Пиаже объектным постоянством) возникает не как отображение свойств внешнего мира, а как первое понимание ребенком своей “самости”, идентичности. Индивидуальная идентичность служит своеобразным когнитивным фундаментом для превращения недифференцированного хаоса окружающего мира в организованные и упорядоченные структуры, являющиеся частью личного опыта когнитивного агента. Мир становится всё более и более предсказуемым по мере того, как различные взаимодействия с ним становятся экспериенциальной “собственностью” того, кто эти взаимодействия совершил. Сенсомоторное участие в познании мира становится необязательным – достаточно признать и представить возможность такого участия. Необязательно воспринимать воочию своё окружение – можно допустить существование последнего.

Второе эпистемологическое следствие способности к абстрагированию заключается в том,

что данная способность проявляется только в языке (не предшествует ему и не следует за ним, а совпадает с ним). Язык – это первое, что позволяет человеку осознать себя, так как “на языке говорю я, а значит, это мой язык, а значит, это я” [18, с. 297]. Признать то, что объекты существуют вне нашего непосредственного восприятия, значит назвать воспринимаемое именем. Имя есть распределение тела в пространстве, а точнее формирование уверенности в том, что у каждого объекта восприятия есть своё определённое место в окружающем перцептуальном мире. Поток меняющихся сенсомоторных ощущений приобретает стабильность благодаря тому, что каждому из них находится своё неизменное место в жизненной динамике. На деле же, неизменным становится носитель жизненной динамики в своей индивидуальной идентичности, которая формируется благодаря способности создавать и запоминать имена и, прежде всего, своё собственное имя.

Благодаря осознанию своей “самости” в языке человек способен признать перманентность мира вещей и явлений, постоянство объектов как существующих вне его активного восприятия. Все объекты существуют лишь потому, что человек сумел абстрагировать себя от них, а точнее от их непосредственного наблюдения, и поместить их в “уже не перцептуальное” поле, поле отсутствия чувственных презентаций / представлений (называемое Ж. Пиаже “прото-пространством”) в виде соответствующей замены, ре-презентации. Индивидуальная идентичность и соответствующий концепт “Я” становятся неким вместилищем, ментальным миром, куда наблюдатель помещает объекты своего восприятия в абстрагированном виде. В этом прото-пространстве существует только мир, отвлечённый от своего непосредственного сенсомоторного восприятия. Таким образом, умение абстрагироваться от актуального объекта восприятия, изолировать себя как субъекта и источника существования объектов позволяет признать само существование объектов вовне, хотя, по сути, существуют не объекты, а наблюдатель [19, с. 69-71].

С помощью термина прото-пространства Ж. Пиаже пытается доказать, что абстракция как мысленное отвлечение от объекта восприятия всегда требует некоего простора для того, куда можно совершать такое отвлечение, отхождение, отрешение, или же куда можно помещать результаты таких отвлечений. Между тем, как

утверждает Э. фон Глазерсфельд, критики неверно трактуют выводы Пиаже о сущности абстрагирования и говорят, что развитие способности к абстрагированию как средству создания отвлечённой от себя действительности, постоянства объектов окружающего пространства вне непосредственного наблюдения, свойственно не только наблюдателю. Утверждается, что некоторые животные тоже способны реагировать на появление предмета так же, как они реагировали на него до его исчезновения из перцептуального поля. Сохранение в памяти прототипических признаков воспринимаемых объектов специфично для многих млекопитающих. По мнению Глазерсфельда, это нельзя считать истинным абстрагированием, поскольку последнее всегда подразумевает отражательность, создание обратной траектории мысленного движения по отвлечению, отходу, отрешению от объекта восприятия [19, с. 96]. И такая траектория формируется только в сознании человека благодаря рефлексии.

3. Наблюдатель и язык: рефлексирование

Если абстракции снабжают субъекта своего рода инертной реальностью, набором конструктов, то рефлексия обеспечивает операциональность этой реальности.

В рефлексивных актах мышления человек связывает предмет мысли с состоянием самого себя, чтобы преобразовать новое мыслимое. Рефлексия – это инструмент оперирования абстракциями в познавательной деятельности человека. В отрыве от непосредственного восприятия действительности человек не пассивно ожидает появления этой действительности с готовностью узнать то (re-cognize), что он раньше видел, а активно управляется опосредованной формой восприятия. Он начинает думать о “думании”, то есть о своём собственном абстрагировании, и “манипулировать” созданными отвлечениями, развивая новые абстракции. Рефлексирование позволяет нам выйти за пределы линейного экспериенциального потока, выделить какую-то его часть в качестве объекта внутреннего наблюдения, то есть ре-презентированного, а не представленного (презентированного) непосредственному чувственному восприятию. В рефлексии мы вычленим конкретные перцепты из общей экспериенциальной динамики и смотрим на них, как будто мы переживаем их непосредственно “здесь и сейчас”. Это становится

возможным благодаря фокусировке внимания и интенциональности – когнитивным свойствам нашего восприятия изолировать то, что следовало до, от того, что будет после, и воспринимать это уже в качестве новой, самостоятельной сущности [там же, с. 90].

Рефлексия обеспечивает оперирование абстракциями и даже абстракциями от самого процесса оперирования абстракциями. Последние Ж. Пиаже называет рефлексивными и от-рефлексивированными абстракциями [14; 15]. Это продукт мысленного отвлечения от того опыта, в котором человек ещё не принял сенсомоторного участия. Концептуальное конструирование в данном случае зависит не от непосредственного эмпирического материала, а от определённых операций и действий, которые субъект совершает в своём сознании над имеющимся перцептивным материалом. Такие операции не могут стать непосредственными перцептуальными объектами, они всегда ментальны по своей природе. Но они могут стать предметом внутренних рефлексивных мыслей субъекта. Результаты таких рефлексивных действий над собственными операциями представляют собой уже отдельные объекты познания. Фокусируя внимание на данных “как если бы” эмпирических объектах (реальность *Als ob*, по Г. Файхингеру), субъект взаимодействует с тем, что активно не воспринимается. Этим самым он порождает новые ситуации, не наблюдаемые воочию в действительности, то есть генерирует воображаемый материал, расширяя свою область познания до пределов концептуальных структур.

4. Объективность как языковая иллюзия наблюдателя

Абстракции и рефлексии, с одной стороны, продуцируются из конкретного эмпирического материала, с другой стороны, они организуют все сенсомоторные процессы. Наблюдатель воспринимает окружающий мир и начинает в дальнейшем манипулировать тем, *что* и *как* он воспринимает. Этими “манипуляциями” он меняет свой окружающий мир, превращая его в знакомые структуры, в которых и посредством которых он действует в целях самоорганизации (ср. структуры действия и структуры для действия [4]). Такие структуры становятся своеобразной семантической жизнью наблюдателя (*semantic living* [12]), реляционной областью, которую мы называем языком.

В этой области абстракции замещают чувственный опыт, рефлексивные абстракции замещают моторный опыт, но, взаимодействуя с ними в мышлении, человек начинает верить, что они замещают не опыт, а действительность вокруг. Всё дело в том, что мысле-действия порождают в человеке “реальные чувственные восприятия, переживания” [3, с. 101]. Мышление обусловлено таким нейрофизиологическим процессом, при котором “нервная система взаимодействует с некоторыми из своих собственных внутренних состояний, как если бы они были независимыми сущностями” [11]. Так происходит конструирование реальности в языке, которая уже неотделима от непосредственного физико-химического окружения: наблюдая, человек начинает жить в реальности своего наблюдения, которую он принимает за мир “как он есть”.

Язык, как и реальность, создаваемая в нём и посредством него, – это интерактивное взаимодействие наблюдателя и наблюдаемого, пары сущностей, сцепление (*con-ception*) или сопряжение (*coupling*) которых обеспечивает существование друг друга. Убрать наблюдателя как языковую сущность или наблюдаемое как его реальность – всё равно что совершить хлопок одной ладонью. Без языка не существует наблюдателя, без языка нет наблюдаемого. Но что же есть? Есть только неназванность, не упорядоченный именованный хаос, и есть субъект восприятия, действующий в этом хаосе только на сенсомоторном уровне. “В конце концов, ни один человек никогда не видел и не имел дела с бесформенной или не рассортированной материей. Точно так же ни один человек никогда не видел и не имел опыта “случайного” события” [6, с. 8]. Одно событие всегда служит для другого объяснением в глазах наблюдателя.

Объективность – это иллюзия того, что наблюдатель и наблюдаемое могут существовать отдельно, иными словами, что-то можно наблюдать без наблюдателя. Такое убеждение свойственно дуализму картезианской (лингво) философии и объективного реализма. Концепция конструктивизма и энактивизма позволяет взглянуть на проблему объективизма иначе. Объекты внешнего мира суть не что иное, как языковые структуры, упаковывающие и конструирующие эмпирический опыт взаимодействия человека со своей (перцептуально доступной) средой. Объекты и объективность – это результаты, а не условия познания. Перефразируя слова Х. Ферстера, можно сказать,

что “объекты обязаны своим существованием именам” [18, с. 249].

Приняв некоторую степень номинализма, мы скажем, что любое событие t рассматривается как таковое только в языковой среде, которая обуславливает его толкование и индивидуальное конструирование в мыслительной деятельности. Не назвав это событие и не сделав его лингвистически описанным, мы не воспринимаем его как часть нашей реальности и действительности вообще. Поэтому справедливо будет обозначить это как $t(L)$ (L = лингвистическая область). Более того, толкование того или иного события могут варьироваться от наблюдателя к наблюдателю и прирастать различными образными ассоциациями в зависимости от интенциональности, эмоционального модуса, объёма познавательной перцептуальной активности субъекта: для кого-то просто остановилась машина, а для кого-то она неожиданно заглохла, для кого-то другая машина встала посреди дороги, для кого-то ещё машина перегрелась на солнце. Поэтому для события $t(L)$ будет справедлива формула, варьируемая от $t(L)xA$ и $t(L)xB$ до $t(L)xN$, где $A, B, C \dots N$ – это различные варианты толкования события наблюдателем.

Таким образом, реальность всегда конструируется, какой бы одинаковой и объективной для всех она ни казалась. “Мы как живые организмы не нуждаемся в допущении внешней независимой реальности, чтобы жить” [11]. Дети вынуждены конструировать воспринимаемую реальность сами, независимо от того, принимаем ли мы позицию объективного реализма или нет. Они находятся в состоянии непрекращающегося выстраивания и перестраивания своей реальности, а не пользуются набором готовых структур [15]. Дети с самого своего дня рождения оказываются “вдействованы” в этот мир подобно тому, как начинающий пловец на глубине вынужден своими движениями и ощущениями тела путём проб и ошибок вырабатывать соответствующие координаты. Неудовлетворенность результатом одних действий запускает процесс достижения результата других действий. И так происходит развитие организма “из самого себя”, овладение теми умениями и навыками, которые работают и адаптивно надёжны. Какой бы истинной, независимой субстанцией материального мира ни была вода (на глубине), каким бы объективным ни был бы факт плавания, человек никогда не научится действовать в воде и создавать из этих действий “рабочую дей-

ствительность”, если он сам не прошёл весь путь такого вдействования, не создав в себе рабочие схемы сенсомоторных координат.

Если сравнить воду с языком, а пловца с субъектом познания, сказанное можно отнести к языку как к среде выживания человеческого организма, где он вынужден “вырабатывать, использовать и поддерживать в непрерывном эмпирическом потоке собственные относительно устойчивые перцептуальные и концептуальные структуры” [19, с. 118]. Такие структуры суть “интериоризованная собственность” организма, а не одинаковый, общий для всех материал. В противном случае трудно было бы объяснить сам факт когнитивного развития и обучения как неотъемлемое условие овладения этим материалом или, например, так называемый феномен маугли, детей не сумевших пройти этот путь в языке и, по сути, оставшихся за бортом той самой реальности, “объективной” для остальных людей.

Свое выступление на Второй Азиатско-Тихоокеанской конференции 1969 года по проблемам психического здоровья Г. Бейтсон начал с импровизированного эксперимента. Он попросил проголосовать всех, кто согласен с тем, что видит его “здесь и сейчас”. Увидев поднятые руки, учёный назвал это коллективным сумасшествием и объяснил, что в действительности аудитория видела не его, а “ворох кусочков информации” о нём, которую они синтезируют в зрительный образ [6]. Этим Бейтсон хотел сказать, что образ, даже зрительный, не существует в готовом виде ни вовне, ни в сознании воспринимающего, а всегда конструируется воспринимающим в активной познавательной деятельности.

5. Языковое значение как экспериенциальная категория: теоретико-методологические предпосылки для лингвистических исследований

Не секрет, что семантический анализ является излюбленным приёмом, к которому прибегают лингвисты каждый раз, изучая природу языковых значений. Суть метода заключается в анализе того, что языковой субъект говорит или пишет. Результат такого исследования предстаёт в виде дескриптивных, а в худшем случае – прескриптивных моделей функционирования языковых единиц. Создаются лексикографические списки, описательные теории, формулируются “семантические инварианты”. Но можно ли уз-

нать *действительную* природу языкового значения, опираясь только на слова?

Известный физик, нобелевский лауреат П. Бриджмен ещё в 1927 году ответил на этот вопрос категорическим “нет”. Он утверждал, что с научных позиций “истинное значение слова можно найти, только наблюдая за тем, *что человек делает, а не что он говорит*” [7, с. 7]. Позже, Л. С. Выготский одним из первых советских учёных экспериментально доказал, что “при понимании чужой речи всегда оказывается недостаточным понимание только одних слов, но не мысли собеседника. Но и понимание мысли собеседника без понимания его мотива ... есть неполное понимание” [1, с. 315]. Семантический метод как словесное определение содержания слов и понятий страдает существенными недостатками, поскольку забывает, что понятие связано с чувственным материалом, из восприятия и переработки которого оно рождается [там же, с. 105]. Для лингвистической науки такие выводы звучат более чем пессимистично: семантика языка перестаёт быть “рационально построенным концептуальным объектом” [2, с. 19], доступным для определения. Это всегда меняющийся опыт человека, его экспериенциальная динамика, непрерывный конструктивный процесс преобразования перцептуального в умственное и наоборот. Значение, по сути, *нельзя определить*: нельзя поставить предел тому, что не имеет предела.

Э. фон Глазерсфельд приводит пример, иллюстрирующий относительность и экспериенциальную сущность языкового значения. “Поделиться с кем-то машиной”, – пишет он, – “не то же самое, что поделиться с кем-то бутылкой вина”. В первом случае несколько человек пользуются одной и той же машиной, во втором же случае вино, выпитое одним человеком, нельзя выпить другому. Функционирование языкового значения схоже именно с тем, что происходит во втором случае. Мы не можем поделиться с кем-то нашим опытом – мы можем только о нём рассказать с помощью слов, значения которых мы привыкли ассоциировать с этим опытом. Но то, что другие понимают из слов, которые мы используем, основывается на их опыте использования этих слов и соответствующих ассоциаций, а этот опыт никогда не идентичен в абсолютной мере с нашим опытом [19, с. 48].

В самом деле, языковое значение, как и любое наше действие, представляет собой скорее синтез чувственного материала и умственных опе-

раций, а не что-то по отдельности. Этот синтез обязательно происходит в том или ином контексте функционирования нашего тела. Знает ли современный подросток, что такое война? И да, и нет. Если знает, то не так, как ветеран войны. Последний буквально чувствует в семантике этого слова то, что никогда не сможет почувствовать человек, не прошедший боевые действия.

Рационалисты сказали бы, что коннотации могут быть различными, однако логико-семантический денотат слова всегда одинаков для всех. Но мы как телесные существа не можем думать, не чувствуя [10]; “чувства не побочный эффект разума, а, наоборот, его единственный материал” [17]. Соответственно, рассудочная деятельность – такая же когнитивная динамика, о линейности которой говорить затруднительно.

Приведём пример того, как семантика слова и корпоральный опыт человека *совпадают* друг с другом. С логико-семантических позиций, слово “холодный” характеризует то, что имеет низкую температуру. Однако в реальной жизни нашего тела низкой может быть температура как в -10, так и + 60 градусов. Так, например, зайдя в финскую сауну, работающую лишь на треть от полной мощности, мы не сможем назвать эту сауну иначе, как “холодной”. Напротив, выйдя из финской сауны на снежный двор почти без одежды, мы вряд ли почувствуем холод в “истинном” значении этого слова. Всё это показывает, что мы не только неспособны определить объективную температуру воздуха в каждом конкретном случае, но и не можем полагаться на так называемые “денотативные” значения слов, эту температуру описывающих. Значение слова превращается в **экспериенциальную категорию**, имеющую смысл только относительно нашего тела в контекстуализованной среде.

Анализировать семантику слова значит анализировать поведение наблюдателя в том или ином контексте физической среды, а также то, как это поведение и эта среда совместимы друг с другом. В конце концов, не бывает такого словаря, в котором можно найти каждый пример семантического взаимодействия человека в реальной динамической среде: словари переиздаются, дополняются, разделяются на тематические словари сленга, делового языка и т.д. – одним словом, пытаются успеть за динамикой лингвиста. Не бывает такого словаря, в котором были бы отражены все случаи метафор, образных сравнений и других примеров нелинейного мышления человека. Не бывает той грамматиче-

ской структуры, которая бы не выходила за свой линейный предел, обозначенной ей лингвистом в определении этой структуры. Прошедшее время в глаголе “подъехал” совсем не прошло и даже не пришло в экспериенциальной динамике ожидающего такси клиента: не видя самой машины, но услышав по телефону фразу к “вам подъехала машина”, он не будет вспоминать прошлое, а немедленно станет искать своё будущее, машину, в которую нужно сесть. Похожее можно сказать и про лексико-семантическую нелинейность, в особенности касающуюся современной проблемы лингвистической культуры. Не бывает чётких списков эвфемизмов и политкорректного лексикона, которым стремятся научить словари и справочники. Например, ортофемизм “умереть” (эмоционально нейтральное слово), сказанное человеку, только что потерявшего близкого, звучит как грубый дисфемизм. И наоборот, эвфемизм “уйти из жизни”, сказанный при описании смерти преступника, звучит как оскорбление для родственников жертв этого преступника [5].

Значение слова имеет смысл исследовать как часть опыта наблюдателя, как изменение в действиях, мышлении и эмоциях человека, которые он принимает за изменения окружающей действительности. Основным методологическим направлением такого исследования должен послужить эмпирический подход к языку, в рамках которого приоритетным считается наблюдение за действиями языкового субъекта, а не чтение и анализ письменного текста. Раскрыть значение того или иного слова, концепта, значит понять и объяснить, что это слово и концепт есть в жизни человека как *способ действия в мире и взаимодействия с миром*. Для этого нужно увидеть, как человек ведёт себя в процессе конструирования того или иного смысла, как он меняет своё отношение и как он впоследствии различает эти изменения. В качестве конкретных данных для наблюдения могут послужить как эксперименты, так и перцептуально-когнитивный опыт человека, визуализированный в кинематографической динамике (на материале художественных фильмов) (см. [5]).

6. Заключение: от теории к практике и от практики к теории

Эпистемологический анализ наблюдателя как когнитивного агента, лингводиателя и мирообразующего фактора, проведённый в статье, по-

зволяет сделать ряд важных лингвистических заключений. Взгляд на язык как на средство отражения или отображения реальности, как на посредника между человеком и окружающим миром является редукционистским и в некоторой степени опасным. По словам В. Варелы, идея о том, что человек репрезентирует внешний мир, упрощает видение всех сложных жизненных процессов, происходящих вокруг и внутри. Репрезентационизм не позволяет постичь экологию нашего мира, функционирующую по принципам циркулярности, цикличности, нежели чем линейной каузальной связи. Мир – это не только причина, но и результат наших действий. То же самое касается нас самих: мы не только обусловлены окружающей средой, мы её обуславливаем сами в своих действиях [16].

Являясь наблюдателями, сохраняющим свои состояния в виде нейронных отпечатков и превращая эти отпечатки в новые состояния, мы создаём свой опыт в языке и посредством языка. То, как мы конструируем этот опыт в абстракциях и рефлексиях, определяет то, что мы считаем реальностью. То, что мы считаем реальностью, определяет то, как мы конструируем свой опыт. Именно этот принцип холизма и циркулярности лежит в основе психотерапевтических практик, психосоматической медицины, криминалистической психологии и даже различных маркетинговых технологий, в которых недостаточно просто понять, что вокруг – важно понять, что внутри, и связать эти два понимания между собой для достижения той или иной конкретной цели.

Вероятно, лингвистике предстоит сделать то же самое. Принцип относительности и экологии познания должен стать официальной научной позицией лингвистов. Пока же признание языка реляционной областью наблюдателя, создаваемой им из абстрагированного и отрефлексированного чувственного материала, приносит дивиденды прикладного характера совсем другим специалистам, решающим острые коммуникационные вопросы. Например, летом 2019 года стало известно о том, как компания Гугл, мировой монополист информационных ресурсов, нашла решение многолетней геополитической дилеммы обозначения на карте мира республики Крым. Сохранить верность пользователей и на западе, и в России ей помог гибкий подход к соотношению “карта-территория” и “язык-мир”, а именно учёт фактора наблюдателя: территория Крыма теперь обозначается как часть России только для пользователей из России.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 324 с.
2. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: "Новое литературное обозрение", 1996. 352 с.
3. Мамардашвили М. Беседы и о мышлении. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2018. 442 с.
4. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М. Прогресс, 1981. 232 с.
5. Фомина Т.А. Икс-фемия, или о трудностях разграничения эвфемии и дисфемии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 17 (1). С. 122-134.
6. Bateson G. Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. New Jersey, London: Jason Aronson Inc., 2000. 521 pp.
7. Bridgman P. W. The logic of modern physics./ P.W. Bridgman. New York: Macmillan, 1927 (1958). 246 pp.
8. Dent E. B. "The Observation, Inquiry and Measurement Challenges Surfaced by Complexity Theory" / Richardson K. (ed.) Managing the Complex: Philosophy, Theory and Practice. Greenwich: IAP, 2005. P. 253-268.
9. Goldstein B. Cognitive Psychology: Connecting Mind, Research, and Everyday Experience / B. Goldstein. Belmont, CA: Wadsworth, Cengage Learning, 2011. 444 pp.
10. James W. Pragmatism. A new way for some old ways of thinking, [Electronic resource]. – URL: http://www.gutenberg.org/files/51116/51116-h/51116-h.htm#link2H_PREF
11. Maturana H. R. "Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument" // The Irish Journal of Psychology, 1988, 9 (1). P. 25-82.
12. Maturana H. "Self-consciousness: How? When? Where?" // Constructivist Foundations. 2006. 1 (3). P. 91-102.
13. Mytkowicz T., "Observer Effect and Measurement Bias in Performance Analysis"/ T. Mytkowicz, P. Sweeney, H. Matthias H., et al. // Computer Science Technical Reports. 2008. 972, [Electronic resource]. – URL: http://scholar.colorado.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1971&context=csci_techreports
14. Piaget J. La construction du réel chez l'enfant [Construction of reality in a child]/ J. Piaget. Neuchâtel: Delachaux et Niestlé, 1937. 345 pp.
15. Piaget J. L'équilibration des structures cognitives [The equilibration of cognitive structures]/ J. Piaget. Paris: Presses Universitaires de France, 1975. 188 pp.
16. Varela F. J. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience / F.J. Varela, E. Thompson, E. Rosh. – Massachusetts: MIT Press, 1993. 309 pp.
17. Vico G-B. De antiquissima Italorum sapientia (Latin original and Italian translation by Pomodoro, 1858)/ G-B. Vico. Naples: Stamperia de'Classici Latini, [Electronic resource]. – URL: http://archive.org/stream/philosophyofgiam00cro/philosophyofgiam00cro_djvu.txt
18. Von Foerster H. Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition / H. von Foerster. NY, Berlin: Springer Science & Business Media, 2003. 362 pp.
19. Von Glasersfeld E. Radical Constructivism: a way of knowing and learning / E. von Glasersfeld. Bristol: Falmer Press, 1995. 213 pp.

Сведения об авторе:

Дружинин Андрей Сергеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Москва, Россия) Сфера интересов: эпистемология, когнитивная лингвистика, экспериментальная лингвистика. E-mail: andrey.druzhinin.89@mail.ru

LANGUAGE AS THE OBSERVER'S WORLD AND THE WORLD AS THE OBSERVER'S LANGUAGE: TOWARDS AN EXPERIENTIAL APPROACH TO LINGUISTIC PHENOMENA

Andrey S. Druzhinin

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Beyond doubt, one of the main concerns of linguistics is an understanding of the generative mechanisms underlying language behavior and speech production. The article offers a synthetic view on*

the epistemological problem of the observer as a cognitive agent and languager constructing his/her own world in language and his/her own language in the world (Merleau-Ponty). With reference to the linguo-philosophy of radical constructivism and enactivism, the author makes a case against the objectivist, realist and representationalist stances popular in mainstream linguistics. It is claimed that objectivity is the linguistic illusion of the observer which emerges through abstractions and reflections wherein perceptual objects become 'as-if perceptual' (cf. Vaihinger 'Als ob reality'), i.e. reference frames re-presenting (substituting) this or that empirical material. Any sensorimotor interaction may become part of the observer's experience to generate imaginative material in cognitive operations and operations upon the results of these operations. Language is thus a condition for the existence of the observer: it is emotive experience construction from the sensory material in and through abstractions and reflections. Outside or beyond this experience the observer as a subject and subject-matter does not make sense. This is why semantics, concepts and meanings of words, can be considered as a human's way and domain of acting all in one.

Key Words: *abstraction, reflection, objective reality, cognitive agent, act of thinking, observer effect.*

References

1. Vygotskii L.S. Myshlenie i rech' [Thinking and Speech]. Moscow: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe Publ. 324 pp.
2. Gasparov B. M. Iazyk, pamyat', obraz. Lingvistika iazykovogo sushestvovaniia [Language, Memory, Image. Linguistics of Language Being]. Moskva: Novoie literaturnoe obozreniie [New Literature View], 1996. 352 pp. (in Russian).
3. Mamardashvili M. Besedi o myshlenii [Lectures on thinking]. Moskva: Fond Meraba Mamardashvili, 2006. 442 pp.
4. Naisser U. [Neisser U.] Poznanie i real'nost'. Smysl i printsipy kognitivnoi psikhologii [Cognition and reality. Principles and implications of cognitive psychology]. Moskva: Progress, 1981. 232 pp.
5. Fomina T.A. Iks-femiia, ili o trudnostiakh razgranicheniia evfemii i disfemii [X-phemisms, or on the difficulty in distinguishing between euphemisms and dysphemisms] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literatura. [Vestnik of St. Petersburg State University. Language and literature]. № 17 (1). P. 122-134.
6. Bateson G. Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology/ G. Bateson. New Jersey, London: Jason Aronson Inc., 2000. 521 pp.
7. Bridgman P. W. The logic of modern physics / P. W. Bridgman. New York: Macmillan, 1927 (1958). 246 pp.
8. Dent E. B. "Observation, Inquiry and Measurement Challenges Surfaced by Complexity Theory" / Richardson K. (ed.) Managing the Complex: Philosophy, Theory and Practice. Greenwich: IAP, 2005. P. 253-268.
9. Goldstein B. Cognitive Psychology: Connecting Mind, Research, and Everyday Experience./ B. Goldstein. Belmont, CA: Wadsworth, Cengage Learning, 2011. 444 pp.
10. James W. Pragmatism. A new way for some old ways of thinking, www.gutenberg.org/files/5116/5116-h/5116-h.htm#link2H_PREF
11. Maturana H. R. "Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument" // The Irish Journal of Psychology, 1988, 9 (1). P. 25-82.
12. Maturana H. "Self-consciousness: How? When? Where?"// Constructivist Foundations. 2006. 1 (3). P. 91-102.
13. Mytkowicz T. "Observer Effect and Measurement Bias in Performance Analysis" / T. Mytkowicz, P. Sweeney, H. Matthias, et al. // Computer Science Technical Reports./ 2008. 972, scholar.colorado.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1971&context=csci_techreports
14. Piaget J. La construction du réel chez l'enfant [Construction of reality in a child] / J. Piaget. Neuchâtel: Delachaux et Niestlé, 1937. 345 pp.
15. Piaget J. L'équilibration des structures cognitives [The equilibration of cognitive structures] / J. Piaget. Paris: Presses Universitaires de France, 1975. 188 pp.
16. Varela F. J. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience / F.J. Varela, E. Thompson, E. Rosh. Massachusetts: MIT Press, 1993. 309 pp.
17. Vico G-B. De antiquissima Italorum sapientia (Latin original and Italian translation by Pomodoro, 1858) / G-B. Vico. Naples: Stamperia de'Classici Latini, archive.org/stream/philosophyofgiam00cro/philosophyofgiam00cro_djvu.txt
18. Von Foerster H. Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition / H.von Foerster. NY, Berlin: Springer Science & Business Media, 2003. 362 pp.
19. Von Glasersfeld E. Radical Constructivism: a way of knowing and learning / E. Von Glasefeld. Bristol: Falmer Press, 1995. 213 pp.

About the author:

Druzhinin A.S. – PhD, Associate Professor at Department of English Language № 3, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: epistemology, cognitive linguistics, experiential linguistics. E-mail: andrey.druzhinin.89@mail.ru

* * *

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ *MITLEID* В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

О.М. Ладоша

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, 119034, Москва, Остоженка 38;
Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Россия, 111250, Москва, ул. Красноказарменная 14

А.И. Хлопова

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, 119034, Москва, Остоженка 38;
Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Россия, 111250, Москва, ул. Красноказарменная 14

---

*В статье рассматриваются вопросы выявления семантики отдельных лексических единиц, функционирующих в опосредованной медийной коммуникации, с помощью методов свободного ассоциативного эксперимента и лингвистического анализа текста. Представлены результаты сопоставительного анализа ассоциативно-вербальной сети лексемы *Mitleid* по данным тезауруса немецкого языка, проведённого свободного ассоциативного эксперимента и анализа контекстов употребления лексемы в социальной сети Twitter. Новизна исследования видится в том, что в нём предлагается модель дискурсивного анализа текста с учётом результатов психолингвистических экспериментов. Актуальность исследования обусловлена междисциплинарным подходом к проблеме анализа текста современных средств коммуникации. Установлены следующие семантические доминанты дистрибуции лексемы *Mitleid* в контексте её употребления: 1) указание на ощущение внутреннего переживания разной степени интенсивности; 2) указание на объект и субъект эмоции; 3) указание на причину и / или уместность эмоции в коммуникативной ситуации. Указывается на то, что те же признаки выявлены на основе анализа реакций немецкого тезауруса и свободного ассоциативного эксперимента, при этом наибольшее количество употреблений и ассоциат отражают понятийное содержание исследуемого слова. Авторы приходят к выводу, что большое количество представлений и эмоционально-оценочных реакций и контекстов, выражающих личностное отношение к реалии, может свидетельствовать о значимой роли понятия *Mitleid* / *сочувствие* в виртуальной коммуникации.*

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциативно-вербальная сеть, социальная сеть, виртуальный дискурс, анализ текста, сочувствие, семантика.

Эмоциональные концепты находят различное вербальное и невербальное выражение в процессе коммуникации, однако наиболее важным средством их формирования и развития являются лексические единицы. Слово фиксирует смыслы в человеческом сознании, из чего следует, что глубокий разносторонний анализ семантики слова позволяет выявить весь спектр когнитивных смыслов, возникающих в психике коммуникантов при порождении или восприятии текста [5, с. 15]. Термин *эмоция* в рамках данного исследования трактуется как «психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта» [1, с. 461].

Цель исследования заключается в выявлении актуального значения лексемы *Mitleid* / *сочувствие* путём сопоставления данных ассоциативных словарей и ассоциативного эксперимента с контекстами употребления слова в реальной интернет-коммуникации посредством социальной сети Twitter.

Для достижения поставленной цели требуются решение ряда задач: 1) выявить семантические группы значения слова *Mitleid*, зафиксированные в различных лексикографических источниках; 2) сопоставить полученные результаты с данными проведённого ассоциативного эксперимента; 3) проверить выводы, полученные в ходе выполненного анализа, на корпусе текстов публикаций социальной сети Twitter.

Материал исследования составили данные тезауруса OPENTHESAUROS. DE [17], результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведённого с носителями немецкой лингвокультуры в возрасте от 17 до 23 лет в апреле 2019 года, а также отобранные методом сплошной выборки немецкоязычные записи и комментарии, размещённые в общем доступе на портале twitter.com.

В соответствии с поставленными целями и задачами были отобраны методы исследования, применяемые в смежных лингвистических дисциплинах: психолингвистике и лингвистике текста и дискурса. Научная новизна исследования заключается в том, что в нём разрабатывается модель дискурсивного анализа текста с учётом результатов психолингвистических экспериментов, что позволяет глубже проникнуть в семантику как отдельных языковых единиц, так и макротекста в целом.

В настоящий момент утверждение о том, что участники коммуникации взаимодействуют не посредством отдельных лексических единиц, а с помощью более сложных функциональных образований (связных фраз и текстов) представляется неоспоримым. Преимущество ассоциативного словаря и заключается в том, что он позволяет представить неосознаваемые ментальные связи между языковыми единицами в виде попарно соединённых слов или групп слов [4, с. 751]. Ассоциативно-вербальные сети содержат наряду с лексико-грамматической информацией когнитивный и прагматический компонент, лингвокультурную специфику и особенности языковой картины мира носителя данного языка. Выбор слова-стимула *Mitleid* был обусловлен его семантикой: с одной стороны, данная лексема вербализует эмоциональный концепт «сочувствие», с другой стороны, выступает как коммуникативный императив, то есть как элемент конвенционально обусловленных фраз, функционирующих в коммуникативной ситуации как часть речевого этикета [12, с. 52].

Способность сопереживать другим, которая также называется эмпатией, является важной предпосылкой успешного протекания коммуникации посредством социальных сетей [7, с. 303]. Исследования в области нейронных процессов выявили, что при восприятии страданий других людей в человеческом мозге активируются те же нейроны, что и при непосредственном переживании такой же негативной ситуации [15, с. 104].

Речевой акт с семантикой сочувствия находит наиболее эксплицитное вербальное выражение в глаголах-бехабитивах [11, с. 195]. Выражение сочувствия и соболезнования принадлежит к классу экспрессивов и функционирует как клишированный, ритуальный речевой акт [6, с. 95; 8, с. 56], к условиям для совершения речевых действий относятся при этом восприятие продуцентом сложившегося положения вещей как отрицательного по отношению к коммуникативному партнёру и наличие эмоции сочувствия [13, с. 40]. Однако семантика лексических единиц с компонентом *Mitleid* не исчерпывается их прагматической функцией. Сопоставительный анализ позволяет выявить смысловую доминанту лексемы в заданной коммуникативной ситуации.

Благодаря ассоциативным словарям можно моделировать содержание определённых фрагментов образа мира значительного числа представителей того или иного социума в момент

проведения эксперимента. Поэтому можно считать, что ассоциативный словарь – это модель речевых знаний носителей языка, которые представлены в ассоциативно-вербальной сети. Наиболее полным словарем является «Русский ассоциативный словарь» [2], содержащий около 1300 слов-стимулов (в обиходно-бытовой речи, в живом разговорном общении, как правило, употребляется не более 2,5 – 3 тысяч слов). Слова-стимулы были отобраны с учётом частотности их употребления в речи. В немецкоязычных странах нет словарей, подобных Русскому ассоциативному, однако существуют разного рода тезаурусы. В тезаурусе OPENTHESAUROS.DE [17] приведены ассоциации на определённые слова и их синонимы, подразделённые по количественному признаку, и это даёт возможность моделировать ассоциативное поле лексемы и анализировать его состав.

На слово-стимул *Mitleid* / *сочувствие* представлено 116 ассоциаций. Методом случайной выборки было отобрано 100 ассоциаций для релевантного сравнения с данными свободного

ассоциативного эксперимента. Каждая лексема является семантической структурой, анализ которой предполагает вычленение её компонентов и их взаимоотношений (табл. 1). Для этого необходима дополнительная обработка полученного частотного распределения ассоциатов путём их кластеризации. Кластеризация ассоциаций в смысловые блоки предполагает формулирование их интегративного содержания, что позволяет определить их роль в общем наборе ассоциаций. В этом случае интерпретация ассоциатов представляется более аргументированной и целенаправленной. Поэтому представим соотношение этих реакций в рамках модели ассоциативного значения В. А. Пищальниковой [9, с. 154].

Отметим, что так как *Mitleid* / *сочувствие* входит в разряд ценностей, многие ассоциации являются синкретичными, то есть их можно отнести как к понятийным реакциям или реакциям-представлениям, так и к эмоционально-оценочным реакциям, так как ценности имеют в себе эмоциональное содержание.

Признак	Реакции
(1) Понятия (всего 67)	
Отношение – всего 19 реакций	Gunst / благосклонность, любезность (10), Feingefühl / чуткость, деликатность (2), Gnade / милость, пощада (2), Sensibilität / чувствительность (2), Zartgefühl / деликатность (2), Einfühlung / чуткость;
Внутреннее участие, сопереживание – всего 41 реакция	Bedauern / сожаление (14), Empathie / эмпатия (10), Einfühlungsgabe / сочувствие (7), Erbarmen / милосердие (3), Einfühlsamkeit / сочувствие (2), Mitgefühl / сочувствие (2), bemitleiden / жалеть, сочувствовать, bemitleidenswert / достойный сочувствия, Mitleidenschaft / сочувствие
Утешение – всего 3 реакции	Beileid / соболезнование (2), Trost / утешение
Сочувствие – ценность – всего 4 реакции	Tugend / добродетель (4)
(2) Представления (всего 14)	
Объект сочувствия – всего 2	Bettler / нищий, Opfern / жертвы
Причина сочувствия – всего 5	arm / бедный, Kummer / горе, Leiden / страдания, Tragödie / трагедия, unglücklich / несчастливый
Результат сочувствия – всего 3	Begnadigungsrecht / помилование, Gnadenbefugnis / помилование, Gnadenrecht / помилование
Проявление сочувствия – всего 1	Beisein / нахождение рядом, присутствие
Символизация – всего 2	Herz / сердце (2), Bild des Mitleids / образ сочувствия
Способность сочувствовать – всего 1	können / мочь
(3) Эмоционально-оценочные реакции (всего 9)	
Резко негативное отношение – всего 5	Abscheu / отвращение, Bosheit / злоба, Herzlosigkeit / бессердечие, Verachtung / презрение, Zorn / гнев (1);
Отстранённое отношение – всего 4	Gleichgültigkeit / равнодушие, Härte / твёрдость, жёсткость, Kälte / холод, mit Neid / с завистью
(4) Формально-грамматические реакции:	
Глагольные – всего 4	ergehen / вызывать, erregen / вызвать, verdienen / заслужить, ziehen / сострадать
Именная группа – всего 1	mit Menschen / к людям

Таблица 1. Ассоциативно-вербальная сеть *Mitleid* по данным OpenThesaurus

Наибольшее количество реакций – понятийные (67 %). Вербальные понятийные реакции (1), представленные в немецком тезаурусе, актуализируют или понятие *Mitleid* / *сочувствие*, или являются производными от исследуемого понятия. При этом среди понятийных реакций мы можем выделить следующие признаки: ‘отношение’, ‘внутреннее участие, сопереживание’, ‘утешение’ и устойчивую ассоциативную связь ‘сочувствие – ценность’. Ассоциации, относящиеся к первому признаку, связывает идея положительного, деликатного отношения к окружающим. Реакции, отражающие второй признак, связаны идеей сопереживания людям. Третий признак указывает на конкретный вид деятельности. Результатом сочувствия являются соболезнование и утешение. Последний признак указывает на осознание респондентом милосердия как общечеловеческой ценности. Важно отметить, что шесть реакций-представлений содержат в себе компоненту „fühlen / чувствовать, Gefühl / чувство“ и четыре – „leid“, что может свидетельствовать об осознании респондентами чувственного содержания понятия *Mitleid* / *сочувствие* и, поэтому – осознании сочувствия как ценностного понятия, а также своего рода причину, которая вызывает сочувствие – горе.

Реакции-представления (2), которые, как правило, и выявляют личностное отношение к реалии и свидетельствуют о встроенности содержания слова в систему значимых для личности понятий, в нашем эксперименте единичны, и это свидетельствует об обратном – о неактуальности понятия для подавляющего большинства испытуемых.

Среди реакций-представлений выделяют также определённые признаки. Первый, выделенный нами признак, ‘объект сочувствия’. К этому признаку относятся реакции, которые представляют живые существа, на которые направлено сочувствие: *Bettler* / нищий, *Opfern* / жертвы. Следующий признак – ‘причина сочувствия’. К нему относятся причины, которые привели к сочувствию со стороны окружающих. К признаку ‘проявление сочувствия’ относится только одна реакция *Beisein* / *нахождение рядом, присутствие*, которая показывает, в чём может проявляться сочувствие. Среди реакций-представлений можно выделить реакцию, которая в немецкой культуре является символом сочувствия. *Горящее сердце* – это аллегорическое представление веры, милосердия и любви к ближнему. Интересна единичная реакция *können* / *мочь*,

которая отражает способность респондентов к милосердию.

Синкретичность реакций, представленных в немецком тезаурусе, выражается в том, что описанные выше реакции-представления и понятийные реакции прежде всего положительные (всего 81 реакция). Все 81 реакцию мы в равной степени могли бы отнести к положительным эмоционально-оценочным реакциям. Отрицательные реакции (3) антонимичны исследуемому понятию. Среди отрицательных реакций можно выделить два признака: ‘резко негативное отношение к объекту / предмету милосердия’ и ‘отстранённое, равнодушное отношение’.

Наличие формально-грамматических реакций (4) указывает на частое употребление среди респондентов. Среди формально-грамматических реакций представлены, прежде всего, глагольные формы.

Таким образом, наибольшее количество реакций, представленных в немецком тезаурусе, – понятийные (67% реакций). Наиболее частотны следующие ассоциаты, входящие в ядро значения слова *Mitleid* / *сочувствие*: *Bedauern* / *сожаление* (11), *Empathie* / *эмпатия* (10), *Gunst* / *благодарность, любезность* (10), *Einfühlungsgabe* / *сочувствие* (7), связанные со стимулом понятийно. Они отображают доминантные культурные смыслы, представленные и в понятии *Mitleid* / *сочувствие*.

Обратимся теперь к данным проведённого нами свободного ассоциативного эксперимента (АЭ). В ходе эксперимента было опрошено 200 носителей немецкой лингвокультуры в возрасте от 17 до 23 лет. Как отмечает Ю.Н. Караулов, именно к этому периоду происходит становление языковой личности, а в реакциях находит отражение языковая способность респондентов [3, с. 230]. Немецкие респонденты – студенты университетов г. Фехте, г. Потсдам, Университета им. Гумбольдта. Респондентам была представлена анкета с 15 словами-стимулами (среди которых слово-стимул *Mitleid* / *сочувствие*). В соответствии с условиями эксперимента респонденты должны были реагировать на слово-стимул первым пришедшим в голову словом. Инструкция отвечать первым словом, которое придёт на ум, принципиальна, ведь временной промежуток между стимулом и реакцией в этом случае минимален, что исключает в ассоциировании отбор ответов, приближает реакцию испытуемого к операциональным (неосознаваемым) [14, с. 51].

На слово-стимул *Mitleid* / *сочувствие* в свободном ассоциативном эксперименте было получено 200 реакций, из которых методом случайной выборки было отобрано 100 реакций для

релевантного сравнения. Распределим полученные реакции в соответствии с избранной моделью значения (табл. 2).

Признак	Реакции
(1) Понятия (всего 56)	
Внутреннее участие, сопереживание – всего 55 реакций	Trauer / печаль, скорбь (16), Empathie / эмпатия (9), schade / жаль (6), traurig / печальный (6), Mitgefühl / сочувствие (5), Gefühl / чувство (4), mitfühlend / сочувствующий (2), trauern / горевать (2), Bedauern / сожаление, fühlen / чувствовать, hilfsbereit / готовый помочь, Hilfsbereitschaft / готовность помочь, Traurigkeit / грусть
Утешение – всего 1 реакция	Trost schenken / дать утешение
(2) Представления (всего 33)	
Объект сочувствия – всего 6	Armen / бедные, Bettler / нищий, Hund / собака, Kranke / больной, Waisenhaus / детский дом
Причина сочувствия – всего 14	Armut / бедность (3), Schmerz / боль (3), arm / бедный (2), Krankheit / болезнь (2), Angst / страх, Kummer / горе, Tod / смерть, Verlust / потеря, unglücklich / несчастливый
Проявление сочувствия – всего 9	Reaktion / реакция (2), Hilfe / помощь, kümmern um / беспокоится, Nächstenliebe / любовь к ближнему, Spenden / пожертвование, Tränen / слезы, Umarmen / объятия, zuhören / слушать внимательно
Сочувствующий – всего 3	Freunde / друзья, Gesellschaft / общество, Menschlichkeit / человечество
Необходимость сочувствовать – всего 1	müssen / долженствовать
(3) Эмоционально-оценочные реакции (всего 9)	
Положительное отношение – всего 2	freundlich / дружелюбный, gutherzig / добродушный (1)
Важность ценности – всего 1	wichtig / важно
Отрицательное отношение – всего 4	negativ / негативно (2), nervig / нервный (2)
Неважность ценности – всего 2	irrelevant / нерелевантно, unnötig / ненужный (1)

Таблица 2. Ассоциативно-вербальная сеть *Mitleid* по данным ассоциативного эксперимента

Как и в случае с немецким тезаурусом, большинство реакций, данных респондентами, понятийные (55%) и также преимущественно актуализируют понятие *Mitleid* / *сочувствие* и демонстрируют знание словарного значения слова (1). В реакциях, полученных от респондентов, можно выделить два признака: 'внутреннее участие, сопереживание' и 'утешение'. При этом признак 'утешение' представлен только одной реакцией (*Trost schenken* / *дать утешение*). Реакции, относящиеся к признаку 'внутреннее участие, сопереживание', являются, преимущественно, синонимичными понятиями для исследуемого слова-стимула. Четыре реакции содержат в себе компоненту *fühlen* / *чувствовать*, *Gefühl* / *чувство*. Можем предположить, что современные респонденты в возрасте от 17 до 23 лет осознают содержание исследуемого понятия на уровне чувств и могут воспринимать *Mitleid* / *сочувствие* на ценностном уровне.

В отличие от реакций, отмеченных в немецком тезаурусе, среди понятийных реакций респондентов не проявляются признаки 'отношение' и 'сочувствие – ценность'. *Mitleid* / *сочувствие*

понимается немецкими респондентами только в одном значении *stärkere innere Anteilnahme am Leid, an der Not* / *сильное внутреннее участие в страдании, в чье-то нужде* [16], то есть в том значении, которое указано в толковом словаре.

В отличие от реакций-представлений, отмеченных в немецком тезаурусе, реакции-представления (2) в нашем эксперименте не только единичные. Наибольшее количество реакций (13% всех реакций) относится к выделенному нами признаку 'причина сочувствия'. Все причины сочувствия эмоционально окрашены и имеют негативную коннотацию. При этом 5 из 13 респондентов видят причину сочувствия в плохом материальном положении.

Как было отмечено в проведенных нами исследованиях с русскими респондентами [10, с. 38–51], ассоциаты, по сути, актуализируют возрастную или социальную группу общества, которой чаще и оказывается, как правило, материальная помощь в том или ином виде. Объектом сочувствия для респондентов также являются общепринятые категории: больные, бездомные животные, дети в детских домах, нищие.

Интересно отметить, что в отличие от русских респондентов, немецкие респонденты указывают и на форму проявления сочувствия, которая проявляется для них в беспокойстве за человека, любви к ближнему, разговоре, объятиях, что соответствует содержанию морально-этической категории, предполагающей активное эмоциональное проявление сострадания, человеколюбия, снисхождения ко всем людям.

Среди реакций-представлений также можно выделить признак 'сочувствующие', которой не был отмечен среди реакций-представлений в немецком тезаурусе. В отличие от единичной реакции из немецкого тезауруса, которая отражала признак 'умение сочувствовать', в нашем эксперименте присутствует реакция *müssen / долженствовать*, которая свидетельствует о необходимости наличия этого качества.

Также, как и в случае реакций, представленных в немецком тезаурусе, реакции, полученные в нашем эксперименте, синкретичные и могут относиться к разным категориям. Эмоционально-оценочные реакции (3) выражают либо отрицательное / положительное отношение респондентов к такому понятию, как *Mitleid / сочувствие*, либо важность / неважность понятия.

Формально-грамматические реакции в нашем эксперименте не выделены.

Наибольшее количество реакций, полученных в свободном ассоциативном эксперименте, понятийные (56% реакций). В ядро значения слова *Mitleid / сочувствие* входят, таким

образом, реакции: *Trauer / печаль, скорбь* (16), *Empathie / эмпатия* (9), *schade / жаль* (6), *traurig / печальный* (6), *Mitgefühl / сочувствие* (5).

В современных средствах массовой коммуникации, таких как газеты, телепередачи и интернет-сервисах, вербальное выражение сочувствия и сострадания играет столь значительную роль, что стало возможным говорить об «экономике сострадания» [19, с. 16–17]. При этом лексема *Mitleid* функционирует для обозначения эмоции жалости в широчайшем спектре её проявлений: жалость к себе или другим как постоянная или краткосрочная реакция, направленная на реальных или фиктивных существ, воспринимаемая как мучительная неловкость или же повод для гордости, направленная на всех без исключения или против отдельных субъектов и категорий лиц, источник страданий или чувства эмоциональной близости с товарищем по несчастью, чувство снисхождения и самодовольства [18, с. 9]. Диапазон проявлений сострадания настолько широк, что едва ли можно говорить о полноте его словарного толкования.

Для анализа семантики функционирующих в интернет-коммуникации языковых единиц с компонентом *Mitleid* нами было отобрано методом сплошной выборки 100 записей социальной сети Twitter, представляющих собой контекст употребления названной лексемы. В качестве категорий анализа для удобства сравнения были приняты категории модели ассоциативного значения (табл. 3):

Признак	Примеры
(1) Понятия (всего 75)	
Внутреннее участие, сопереживание – всего 64	Mitleid hervorrufen / вызвать сочувствие; macht beinahe mitleidig / почти вызывает сострадание; ich nicht mal Mitleid erzeuge / не вызываю сочувствия; Hab da kein Mitleid für diese Dummheit / не сочувствую за эту глупость; Mitgefühl, ja / сочувствие, да; Mitleid und Empathie / сочувствие и эмпатия; Bei allem Mitleid / со всем сочувствием; ist zu bemitleiden / следует посочувствовать; selbstmitleid / жалость к себе; hatte Mitleid / испытывал сочувствие (5); hab(e) ich Mitleid / сочувствую (6); hätte ich kein Mitleid / не испытывал бы сочувствия (3); kein Mitleid / нет сочувствия (35); null Mitleid / ноль сочувствия (2); ohne Mitleid / без сочувствия; Beileid und Mitleid / соболезнование и сочувствие; Mitleid und Mitgefühl / сострадание и сопереживание; viel Empathie / много эмпатии
Утешение – всего 1	erhoffen sich Mitleid und Trost / надеяться на сочувствие и утешение
Отношение – всего 10	Wer so etwas macht, hat kein Recht auf Rückkehr / кто так поступает, не имеет права на возвращение; Wer raucht, ist fuck1ng selber schuld, wenn er stirbt / кто курит, черт возьми, сам виноват, если умрёт; die Konsequenzen zu tragen und nicht um Mitleid bettel / иметь дело с последствиями и не молить о сочувствии; Mitleid und Menschenverstand / сочувствие и понимание людей; geliefert wie bestellt / что посеешь, то и пожнёшь; Verständnis und Mitleid / понимание и сочувствие (2); Mitmenschlichkeit / человечность; keinen Respekt / никакого уважения; Empathie ohne Mitleid / эмпатия без сочувствия;
(2) Представления (всего 96)	
Объект сочувствия – всего 31	Mitleid mit denen / сочувствие к ним; mit Jennifer / к Дженифер; mit phones / к phones; einen krebsskranken Obdachlosen / страдающий раком бездомный; mit all den Frauen die Angehörige pflegen / все женщины, ухаживающие за родственниками; an alle die es geschafft haben das Halsschmerzen in den Trends sind / кто дошёл до того, что боль в горле стала трендом; für Stegner / для Стегнера; für jungs namens max / для парней с именем Макс; habe auch Mitleid mit euch / я вам тоже сочувствую; an alle die oft schlecht einschlafen können / всем, кто часто не может заснуть; mit den Biertrinkern / к пьющим пиво; mit solchen Gesetzesbrechern / к таким нарушителям закона; mit der SPD / к СПД; mit dem Alkoholiker / к алкоголику; All die dummen Linksversifften / все глупые левые; für Sitzenbleiber / к оставшимся сидеть; mit der gurkentruppe

Признак	Примеры
(2) Представления (всего 96)	
Объект сочувствия – всего 31	/ к огуречному отряду; für Menschen, die förmlich Süchtig nach der Bestätigung anderer sind / к людям, которые совершенно зависимы от мнения других; mit solchen Leuten / к таким людям (2); mit dir / к тебе; mit dem Typen / к парню (2); mit Willkommensklatschern und deren Helfern / к любителям посплетничать и их помощникам; mit Rechten / к правым; mit den Vollidioten / к полным идиотам (2); mit ihm (3) / к нему; mit Kindern / к детям
Причина сочувствия – всего 6	Mitleid hatten, weil es geschlachtet werden sollte / сочувствовали, так как его должны были заколоть; aus irgendeinem Grund / по какой-то причине; da heute Montag ist und alle leiden / потому что сегодня понедельник и все страдают; das ist schon belastend für ihn / это для него, конечно, трудно; kein Grund für Mitleid / не причина для жалости; wegen ihrer Angst ums Klima / из-за её страха за климат;
Проявление сочувствия – всего 7	mein Mitleid haben sie / моё сочувствие с вами; hege ich Mitleid / я испытываю жалость; *tüte Mitleid hingeb* / даю кулёк с сочувствием; du hast mein Mitleid / я тебе сочувствую (3); mein aufrichtiges Mitleid / моё искреннее сочувствие;
Интенсивность сочувствия – всего 16	auf die denkbar dünnelhafteste art und weise / в максимально возможной мере; extremes Mitleid / крайнее сострадание; ein bisschen Mitleid / немного сочувствия (3); echt mitleid / настоящее сочувствие; eine Prise Mitleid / щепотка жалости; Mitleid, weniger / жалость, уже меньше; hält sich da mein Mitleid sehr in Grenzen / моё сочувствие находится в тесных рамках (3); sehr viel Mitleid / очень много сочувствия; etwas mitleid / немного сочувствия; Es tut mir sehr leid / мне очень жаль; wenig Mitleid / мало сочувствия; totales Mitleid / абсолютное сочувствие;
Результат сочувствия – всего 8	ohne Chefarztbehandlung / без обследования главным врачом; aus Mitleid / из жалости (7);
Сочувствующий – всего 17	ich (11); mein Mitleid (2); die Natur kennt kein Mitleid / природа не знает жалости; aber Twitter hat ja Mitleid / но твиттер сочувствует; die politisch korrekte Menschheit mehr Mitleid / у политкорректного человечества больше сострадания; Mitleid beim Betrachter erzeugte / вызвала жалость у зрителя;
Необходимость сочувствовать – всего 7	wenn Mitleid plötzlich keine angebrachte Reaktion mehr auf eine Schwangerschaft ist / если сочувствие перестаёт быть принятой реакцией на беременность; als hätte da jemand ne Portion Mitleid notwendig / будто бы тут нужна доза сочувствия; bin ja kein Unmensch / я же не чудовище; Der braucht hinterher nicht Jammern / тому не следует жаловаться; das war doof und braucht kein Mitleid / это было глупо и не требует сочувствия; Mitleid weswegen? / из-за чего сочувствие?; das ist noch nicht mal im Ansatz brutal / это даже близко не жестоко;
Способность сочувствовать – всего 4	zu abgehärtet um Mitleid zu haben / слишком зачерствел, чтобы сочувствовать; Auch wenn es hart klingt gibt es von mir kein Mitleid / жаль, если это звучит жестоко, я не испытываю сочувствия; schade das bei dir nichtmal mitleid funktioniert / жаль, что у тебя не всегда работает сочувствие; Menschen, die kein Mitleid KÖNNEN / люди, которые не могут сочувствовать;
(3) Эмоционально-оценочные реакции (всего 11)	
Положительное отношение – всего 1	eine meiner besseren eigenschaften / одно из моих лучших качеств
Важность сочувствия – всего 7	Eine Runde Mitleid, bitte / раунд сочувствия, пожалуйста (3); Hab' Mitleid mit mir / посочувствуйте мне (3); Etwas Mitleid bitte / немного сочувствия, пожалуйста
Отрицательное отношение – всего 1	Erpressung durch Mitleid und Schuldzuweisung / давление через жалость и чувство вины
Неважность сочувствия – всего 2	Mitleid hab ich nicht, brauchst auch nicht / я не сочувствую, но тебе и не нужно; ich möchte auch direkt klarstellen, dass ich NICHT nach mitleid suche / хотелось бы прямо прояснить, что я не ищу сочувствия;

Таблица 3. Семантика лексемы *Mitleid* в коммуникации в социальной сети Twitter

Поскольку объём контекста употребления лексемы в коммуникации значительно превышает объём получаемых в ходе экспериментов реакций, в рамках одного контекста актуализируются различные аспекты семантики понятия. Кроме того, учтены были только те контексты, в которых эксплицитно употреблялась лексема *Mitleid*.

Понятийное (1) значение лексемы *Mitleid* как чувства внутреннего участия, сопереживания другим людям находит вербальное выражение в грамматических глагольных конструкциях *Mitleid + Verb* (*Mitleid hervorrufen* / вызвать сочувствие; *Mitleid erregen* / вызвать сочувствие; / *Mitleid haben* / иметь сочувствие), предложных конструкция *Prär + Mitleid* (*Bei allem Mitleid* / со всем сочувствием), отрицательных конструкци-

ях с компонентом *Mitleid* (*kein Mitleid* / нет сочувствия; *null Mitleid* / ноль сочувствия; *ohne Mitleid* / без сочувствия), лексем со словообразовательным элементом *Mitleid* (*macht beinahe mitleidig* / почти вызывает сострадание; *ist zu bemitleiden* / следует посочувствовать; *Selbstmitleid* / жалость к себе), а также слов-синонимов (*Mitgefühl, ja* / сочувствие, да; *Mitleid und Empathie* / сочувствие и эмпатия; *Beileid und Mitleid* / соболезнование и сочувствие; *Mitleid und Mitgefühl* / сострадание и сопереживание; *viel Empathie* / много эмпатии).

Единичный случай употребления лексемы с выражением утешения (*erhoffen sich Mitleid und Trost* / надеяться на сочувствие и утешение) объясняется методом отбора материала: поскольку интенция утешения может быть реализована

различными прямыми и косвенными речевыми актами, также не содержащими в себе лексему *Mitleid*, они не попали в данную выборку.

Категория отношения представлена на прагматическом уровне экспрессивно-эвалюативными конструкциями (*Wer so etwas macht, hat kein Recht auf Rückkehr / кто так поступает, не имеет права на возвращение; geliefert wie bestellt / что посеешь, то и пожнёшь*), выражающими оценку говорящим других участников коммуникативной ситуации.

Указание на объект сочувствия оказывается важным для опосредованной интернет-коммуникации, на что указывает значительное число контекстов употребления соответствующих единиц (31). Наиболее употребительными являются именные группы *Prär + Subst (mit solchen Gesetzesbrechern / к таким нарушителям закона; für Sitzenbleiber / к оставшимся сидеть* и т.д.).

В категорию 'проявление сочувствия' попали клишированные вербальные конструкции, имеющие ритуальный характер и служащие для постулирования отношения говорящего к реципиенту. Незначительное число контекстов объясняется тем, что в данном пункте речь идёт о формализованных эспрессивах, утративших собственно эмоциональную семантику.

Интенсификаторы и языковые средства с семантикой высокой / низкой степени выраженности признака служат для усиления (*auf die denkbar dünnelhafteste art und weise / в максимально возможной мере; extremes Mitleid / крайнее сострадание*) или смягчения (*bisschen Mitleid /*

немного сочувствия; *eine Prise Mitleid / щепотка жалости*) категоричности высказывания.

Число контекстов с эмоционально-оценочной характеристикой эмоции как важной для индивида превышает контексты, минимизирующие значение сочувствия для коммуниканта (8 и 3 соответственно).

В целом, дистрибуция лексики *Mitleid* позволяет выделить следующие семантические доминанты в контексте её употребления: 1) указание на ощущение внутреннего переживания разной степени интенсивности; 2) указание на объект и субъект эмоции; 3) указание на причину и / или уместность эмоции сочувствия в определённых обстоятельствах.

Ввиду синкретичности ассоциативных реакций и функционирования лексики в сетевой коммуникации некоторые семантические признаки, выявленные в ходе лексикографического анализа, не были представлены в результатах эксперимента и дискурсивного анализа текста. В то же время полученные данные свидетельствуют о корреляции показателей, полученных из разных источников (табл. 4).

Проведя сопоставление *понятийных* реакций, представленных в немецком тезаурусе и полученных в свободном ассоциативном эксперименте, с семантикой дистрибуций лексики *Mitleid* в виртуальном дискурсе социальной сети Twitter, отметим, что наибольшее количество реакций выражено признаком 'внутреннее участие, сопереживание', признаки 'отношение' и 'сочувствие – ценность' выделены только среди реакций в немецком тезаурусе и отсутствуют среди реакции наших испытуемых.

	Немецкий тезаурус	АЭ	Twitter
Понятия	67 %	56%	41,21 %
- Отношение	19 %	0 %	5,49%
- Внутреннее участие, сопереживание	41 %	55 %	35,16 %
- Утешение	3 %	1 %	0,55 %
- Сочувствие - ценность	4 %	0 %	0 %
Представления	14 %	33 %	52,75%
Объект сочувствия	2 %	6 %	17,03 %
Причина сочувствия	5 %	14 %	3,3 %
Результат сочувствия	3 %	0 %	4,4 %
Интенсивность сочувствия	0 %	0 %	8,79 %
Проявление сочувствия	1 %	9 %	3,85 %
Символизация	2 %	0 %	0 %
Способность сочувствовать	0 %	1 %	2,2 %
Сочувствующий	0 %	3 %	9,34 %
Необходимость сочувствовать	0 %	1 %	3,85 %
Эмоционально-оценочные реакции	9 %	9 %	6,04%
Положительная оценка	0 %	3 %	4,4 %
Отрицательная оценка	5 %	4 %	0,55 %
Нейтральная оценка	4 %	2 %	1,1 %

Таблица 4. Сопоставление признаков, выделенных в результате проведённого анализа

Среди реакций-представлений, как в немецком тезаурусе, так и в ассоциативном эксперименте, доминирует признак 'причина сочувствия' (1% и 9%, соответственно), при этом, таких реакций, полученных в ассоциативном эксперименте, в три раза больше, чем в немецком тезаурусе. В контексте употребления понятия в интернет-дискурсе данный признак уступает указанию на субъект и объект сочувствия, что может объясняться спецификой канала общения: в условиях дистантной коммуникации в большей степени необходимо эксплицитное вербальное указание на коммуникантов, чем на коммуникативную ситуацию.

Отличается также процентное соотношение реакций, выражающих признак 'проявление сочувствия'. Кроме того, в реакциях, полученных в свободном ассоциативном эксперименте, выделяются новые признаки, не представленные среди реакций из немецкого тезауруса ('умение сочувствовать', 'сочувствующий', 'необходимость сочувствовать'). Мы также посчитали нужным выделить признак 'интенсивность сочувствия', выявленный только в результате дистрибутивного анализа и не представленного в ассоциативно-вербальной сети слова.

Эмоционально-оценочные реакции в немецком тезаурусе можно условно поделить на реакции, выражающие резко негативное отношение и реакции, выражающие отстранённое отношение к предмету / объекту сочувствия. Реакции, представленные в свободном ассоциативном эксперименте, отражают положительное или отрицательное отношение, но также отражают признак важность / неважность исследуемого понятия для респондентов. В целом, данная категория семантических признаков весьма уме-

ренно реализована в интернет-коммуникации, поскольку коммуниканты не стремятся к оценке эмоции, а выражение сочувствия является эвалюативным инструментом.

Пласт формально-грамматических реакций не был выделен среди реакций наших респондентов, а также не является релевантным для контекстуального анализа употребления лексемы, поэтому он был исключён из сопоставительного анализа.

Таким образом, в ядро значения понятия *Mitleid / сочувствие* согласно данным немецкого тезауруса войдут признаки: 'отношение к предмету / объекту сочувствия', 'внутреннее участие, сопереживание', 'причина сочувствия', согласно данным эксперимента – 'внутреннее участие, сопереживание', 'причина сочувствия', 'объект сочувствия', 'проявление сочувствия', в контексте употребления – 'внутреннее участие, сопереживание', 'объект сочувствия', 'сочувствующий', 'интенсивность сочувствия'.

Отметим, что наибольшее количество реакций и контекстов отражают понятийное значение слова *Mitleid / сочувствие*, что может свидетельствовать об усвоении значения понятия в обществе. Большое количество представлений, которые, как правило, и выявляют личностное отношение к реалии и свидетельствуют о встроенности содержания слова в систему понятий, значимых для человека, может свидетельствовать об актуальности понятия для участников виртуальной коммуникации. Это также подтверждают ассоциаты и контексты с актуальным эмоционально-оценочным компонентом и факт синкретичности реакций и контекстов, которые носят экспрессивный характер.

Список литературы

1. Абраменкова В. В. И др. Психология: Словарь. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php/> (дата доступа 19.10.2019).
3. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 367 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности. Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. М., 2002. Т. 1. С. 750–782.
5. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
6. Кузнецова Л. Л. Речеактивный анализ средств выражения соболезнования (на материале французского языка) // Вестник Башкирского университета: Научный журнал, 2010, №1, т. 15. С. 95–98.
7. Ладоса О. М. Коммуникативные императивы в немецкоязычных социальных сетях // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2019. № 5. С. 297–303. DOI: 10.30853/filnauki.2019.5.63.
8. Митина Е. А. Речевой жанр «соболезнование» в русской лингво-культуре // Вестник Челябинского государственного университета, 2012, № 2 (256). Филология. Искусствоведение. Вып. 62. С. 56–58.
9. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики: Курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. Москва: МГЛУ, 2007. 200 с.

10. Пищальникова В. А. Экспериментальные методики верификации данных ассоциативного поля / В. А. Пищальникова, А. И. Хлопова // Вестник московского государственного лингвистического университета, 2019. №4 (820). Гуманитарные науки. С. 38–51.
11. Ресенчук А. А. Соболезнование как форма экспрессивного речевого акта / А. А. Ресенчук, М. Ю. Рябова // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015, № 2, Т. 3. С. 194–197.
12. Стернин И.А. Русский речевой этикет: учебное пособие. Воронеж, 1996. 73 с.
13. Трофимова Н. А. Соболезнование: лингвистический взгляд (на материале немецкого языка) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика, 2015. Т. 15, вып. 2. С. 39–44.
14. Хлопова А.И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: диссертация ... канд. филол. наук / А. И. Хлопова. Москва, 2018. 213 с.
15. Clement, M. „Genau das will ich: kein Mitleid!“. Interdisziplinäre Überlegungen zu einem angemessenen Verständnis von Mitleid heute // MThZ. 2015. 66. P. 98–115.
16. DUDEN. Universalwörterbuch. [Электронный ресурс]. URL: http://www.duden.de/Shop/Das-Wörterbuch-der-sprachlichen-Zweifelsfälle?affiliate_id=318 (дата доступа 19.10.2019).
17. OPENTHESAURUS.DE. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.openthesaurus.de/> (дата доступа 19.10.2019).
18. Siller, G. Unsicheres Mitleid. Eine Begriffssuche im Ausgang von Wittgenstein. Transcript Verlag, Bielefeld, 2018. 264 p.
19. Werner, S. Mitleid und sozialpädagogische Professionalität. Beltz Juventa (Weinheim und Basel), 2018. 312 p.

Сведения об авторах:

Ладоса Оксана Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка ФГБОУ ВО МГЛУ (Россия, Москва), доцент кафедры иностранных языков НИУ МЭИ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвопрагматика, лексика немецкого языка, лингвистика текста, анализ текста, интернет-дискурс. E-mail: o.m.ladosha@yandex.ru

Хлопова Анна Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания ФГБОУ ВО МГЛУ (Россия, Москва). Доцент кафедры иностранных языков НИУ МЭИ (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: психолингвистика, исследование базовых ценностей, германистика, лингвокультурология. E-mail: chloпова_anna@mail.ru

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC POTENTIAL OF THE LEXICAL ITEM MITLEID IN THE GERMAN- LANGUAGE INTERNET COMMUNICATION

O.M. Ladosha

Moscow State Linguistic University, 38, Ostozhenka, Moscow, 119034, Russia
Moscow Power Engineering Institute, Krasnokazarmennaya 14, Moscow, 111250, Russia

A.I. Khloпова

Moscow State Linguistic University, 38, Ostozhenka, Moscow, 119034,
Russia Moscow Power Engineering Institute, Krasnokazarmennaya 14, Moscow, 111250, Russia

---

Abstract: *The article discusses the issues of identifying the semantics of individual lexical units functioning in computer-mediated communication using the methods of free associative experiment and linguistic text analysis. The results of a comparative analysis of the associative-verbal network of the lexical unit **Mitleid** according to the German language thesaurus, a free associative experiment and the analysis of the contexts of using the lexeme in the social network **Twitter** are presented. The novelty of the study is seen in the fact that it proposes a model of discursive text analysis taking into consideration the results of psycholinguistic experiments. The relevance of the research is due to the interdisciplinary approach to the problem of analyzing the text of modern media. The semantic dominants of the distribution of the*

token *Mitleid* in the context of its use are as follows: 1) an indication of emotional experience of varying intensity; 2) an indication of the target and performer of emotion; 3) an indication of the cause and / or relevance of the emotion in a communicative situation. It is stated that the same signs were identified on the basis of the analysis of the reactions in the German thesaurus and a free associative experiment, while the largest number of uses and associates reflect the conceptual content of the word under study. The authors conclude that a large number of conceptions and emotional-evaluative reactions and contexts expressing a personal attitude to reality may testify to a significant role of the concept *Mitleid* / empathy in virtual communication.

Key Words: associative experiment; associative verbal network; social network; virtual discourse; text analysis; empathy; semantics.

References

1. Abramenkova, V. V. I dr. Psihologiya: Slovar' [Psychology: Dictionary]. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Politizdat, 1990. 494 s.
2. Karaulov, Iu. N. Russkii assotsiativnyi slovar' [Russian associative dictionary], thesaurus.ru/dict/dict.php/. Accessed: 19.10.2019.
3. Karaulov, Iu. N. Lingvisticheskoe konstruirovaniye i tezaurus li-teraturnogo iazyka [Linguistic design and literary language thesaurus]. M.: Nauka, 1981. 367 p.
4. Karaulov, Iu. N. Russkii assotsiativnyi slovar' kak novyi lingvi-sticheskiy istochnik i instrument analiza iazykovoĭ sposobnosti. Russkii assotsiativnyi slovar': v 2-h t [Russian associative dictionary as a new linguistic source and tool for analyzing linguistic ability. Russian associative dictionary: in 2 volumes]. Moskva, 2002. T. 1. P. 750–782.
5. Krasavskii, N. A. Ėmotsional'nye kontsepty v nemetskoĭ i russkoĭ lingvokul'turakh [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures]. Volgograd: Peremena, 2001. 495 p.
6. Kuznetsova, L. L. Recheaktovy analiz sredstv vyrazheniia soboleznovaniia (na materiale frantsuzskogo iazyka) [React analysis of means of expressing condolences (based on French)] // Vestnik Bashkirskogo universiteta: Nauchnyi zhurnal, 2010, №1, T. 15. P. 95–98.
7. Ladosh, O. M. Kommunikativnye imperativy v nemetskoiazychnykh sotsial'nykh setiakh [Communicative imperatives in the German-language social networks] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2019. № 5. P. 297–303. DOI: 10.30853/filnauki.2019.5.63.
8. Mitina, E. A. Rechevoi zhanr «soboleznovanie» v russkoĭ lingvo-kul'ture [Speech genre “condolences” in Russian linguistic culture] // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, № 2 (256). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 62. P. 56–58.
9. Pishchal'nikova, V. A. Istoriia i teoriia psikholingvistiki: Kurs lektsii [History and Theory of Psycholinguistics: Lecture Course]. Ch. 2. Ėtnopsikholingvistika. Moskva: MGLU, 2007. 200 p.
10. Pishchal'nikova, V. A. Ėksperimental'nye metodiki verifikatsii dannykh assotsiativnogo polia [Experimental verification methods for associative field data] / V. A. Pishchal'nikova, A. I. Khlopova // Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 2019. № 4 (820). Gumanitarnye nauki. P. 38–51.
11. Resenchuk, A. A. Soboleznovanie kak forma ėkspressivnogo rechevogo akta [Condolence as a form of expressive speech act] / A. A. Resenchuk, M. Iu. Riabova // Vestnik Kemerovo gosudarstvennogo universiteta, 2015, № 2, T. 3. P. 194–197.
12. Sternin, I. A. Russkii rechevoi ėtiket: uchebnoe posobie [Russian speech etiquette: Course book]. Voronezh, 1996. 73 p.
13. Trofimova, N. A. Soboleznovanie: lingvisticheskii vzgliad (na materiale nemetskogo iazyka) [Condolences: a linguistic view (based on German material)] // Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Filologiya. Zhurnalistika, 2015. T. 15, vyp. 2. S. 39–44.
14. Khlopova, A. I. Verbal'naia diagnostika dinamiki bazovykh tsenno-stei: dissertatsiia ... kand. filol. nauk [Verbal diagnosis of the dynamics of basic values. Cand. Philol. Sci. Diss.] / A.I. Khlopova. Moskva, 2018. 213 p.
15. Clement, M. „Genau das will ich: kein Mitleid!“ Interdisziplinäre Überlegungen zu einem angemessenen Verständnis von Mitleid heute [„That's exactly what I want: no sympathy!“ Interdisciplinary considerations for an adequate understanding of pity today] // MThZ. 2015. 66. P. 98–115.
16. DUDEN. Universalwörterbuch [Universal dictionary], www.duden.de/Shop/Das-Wörterbuch-der-sprachlichen-Zweifelsfälle?affiliate_id=318. Accessed: 19.10.2019.
17. OPENTHESAURUS.DE, www.openthesaurus.de/. Accessed: 19.10.2019.
18. Siller, G. Unsicheres Mitleid. Eine Begriffssuche im Ausgang von Wittgenstein [Insecure sympathy. A search for terms judged from Wittgenstein]. transcript Verlag, Bielefeld, 2018. 264 p.
19. Werner, S. Mitleid und sozialpädagogische Professionalität [Pity and socio-educational professionalism]. Beltz Juventa (Weinheim und Basel), 2018. 312 p.

About the authors:

O.M. Ladosh – PhD (Linguistics), Associate Professor of the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka, Moscow, 119034, Russia); Associate Professor of the Department of Foreign Languages, National Research University "MPEI". Spheres of research and professional interest: linguo-pragmatics, German language vocabulary, text linguistics, text analysis, Internet discourse. E-mail: o.m.ladosha@yandex.ru

A.I. Khlova – PhD (Linguistics), Associate Professor of the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Faculty of the German Language, Associate Professor of the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University (38, Ostoshenka, Moscow, 119034, Russia); Associate Professor of the Department of Foreign Languages, National Research University "MPEI". Spheres of research and professional interest: psycholinguistics, basic values research, German studies, cultural linguistics. E-mail: chlova_anna@mail.ru

* * *

ОПЫТ СИСТЕМНОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ *weorold* В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

С.В. Мухин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

*В статье ставится цель представить процедуру системного описания языковых характеристик лексических единиц в германских языках. Комплексный подход к достижению обозначенной цели предполагает выполнение задач описания на ряде последовательных этапов, каждый из которых затрагивает один из конкретных языковых аспектов: этимологию, морфонологию, семантику и словообразование. В качестве языкового материала выбрано сложное существительное *weorold*¹ «мир» в др.-англ. языке. Методологический аппарат исследования включает в себя следующие методы: описательный, сравнительно-исторический, метод этимологического анализа, морфемный анализ, дистрибутивный анализ, метод оппозиций, компонентный анализ. В плане этимологии устанавливаются соответствия рассматриваемой лексемы и её морфологических компонентов в родственных др.-герм. и современных германских языках. В плане морфонологии изучается морфологическая структура лексемы *weorold* и её эволюция в др.-англ. языке в сравнении с дописьменным периодом, а также прослеживаются фонетические факторы и процессы, обусловившие фонемный состав рассматриваемой лексемы и взаимодействие отдельных фонем. В плане семантики прослеживается развитие основных значений существительного *weorold*, составляется инвентарь всех словарных значений с контекстуальными примерами. В плане словообразования рассматривается продуктивность изучаемой лексемы в качестве словообразовательной основы и обозначается единство семантики образованных на её основе сложных лексем, обусловленное общностью словообразовательной основы. Статья может представлять интерес для лингвистов-исследователей, занимающихся проблемами германистики, лексикологии и истории английского языка.*

Ключевые слова: описание, лексема, германские языки, древнеанглийский язык, этимология, морфонология, семантика, словообразование.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена потребностью в максимально полном описании структуры и системно-функциональных особенностей лексиче-

ской системы германских языков в различные периоды её развития. Описание лексики играет важную роль в когнитивных и лингвокультурологических исследованиях. Отмечается, что в «организации отдельного участка лексики и в семантике одного слова отражается мир по-

¹ Написание др.-англ. лексических единиц и контекстуальных примеров даётся в соответствии с отечественной учебно-исследовательской и издательской традицией.

нений, идей, ценностей, характерный для носителей языка определённой эпохи» [4, с. 78]. При этом существенное значение имеет выработка стандартизированной процедуры описания лексики в историческом аспекте. Подобная процедура может применяться ко всем германским языкам, связанным генетическим родством и категориальной близостью лексических единиц, которые составляют, по сути, единую систему. Представляется, что в рамках комплексного подхода процедура описания лексической единицы в древних языках должна включать следующие необходимые языковые аспекты: 1) этимологический; 2) морфонологический; 3) семантический; 4) словообразовательный. Рассмотрим последовательно существительное *weorold* в перечисленных аспектах.

1. Этимология

В плане этимологии представляется необходимым обратиться к авторитетным этимологическим словарям, чтобы установить происхождение рассматриваемой лексемы *weorold* и её этимологические связи, и, поскольку она является сложным образованием, проследить эволюционную преемственность и выявить этимологические соответствия обоим составляющим корней в герм. и негерманских языках.

Существительное *weorold* герм. происхождения в др.-англ. языке относилось к основному словарному фонду. Собственно др.-англ. лексема была развитием англо-фризской формы **werældu*, которая восходит к существительному **weraldu*, общему для древнего западногерманского языкового ареала. В протогерманском языке реконструируется форма **weraldi-*, представляющая собой композитное образование из двух корней: **wer-* «человек, мужчина» и **ald-* «век, возраст». Оба германских корня являются лексико-семантическими рефлексам и и.-е. единиц.

Корень **wer-* обнаруживается в абсолютно тождественной форме в др.-фриз., др.-сакс., др.-франк., др.-нид. и др.-в.-н. языках. Несколько иные огласовки представлены в северо- и восточногерманских языках: др.-норв. *verr*, исл. *ver*, др.-швед. *vær*, гот. *wair*. П.-герм. корень **wer-* имеет соответствия в негерманских языках, входящие к и.-е. форме **wīro-s* [10] и сохраняющие в целом изначальную семантику: лат. *vir*, лит. *vyras*, др.-ирл. *fer*, санскр. *वीर* и т.д. Все перечисленные субстантивные единицы служат для репрезентации концепта «человек, муж, воин».

В др.-герм. языках корень **ald-* представлен достаточно широко, можно отметить ряд лексем, объединённых значением «поколение, возраст» [13, с. 20], например, гот. *alþs*, др.-норв. *old*, др.-сакс. *aldi* и т.д. Наряду с современным английским языком, данный корень также представлен частотно в других современных герм. языках, например, исл. *öld*, фарер. *öld* и т.д. П.-герм. корень **ald-* восходит к и.-е. морфеме **al-*, несущей в общем виде значение «выращивать, питать» [17, с. 92]. Этимологические параллели и.-е. единицы обнаруживаются в италийских и кельтских языках, например: лат. *alere* «кормить», *altus* «высокий», п.-кельт. **altos* «высота, утёс» и т.д.

Поскольку рассматриваемая лексема *weorold* появилась в результате словосложения ещё в п.-герм. языке, её этимологические соответствия широко представлены как в близкородственных др.-герм. языках (например, др.-в.-н. *weralt*, зап.-фриз. *warld*, др.-сакс. *werold*, др.-нид. *werolt*, др.-норв. *verold* и т.д.), так и в современных (например, нем. *Welt*, швед. *värld*, исл. *veröld*, идиш *וועלט* и т.д.). Практически все перечисленные формы в герм. языках находятся в отношениях полного этимологического тождества [2], то есть с точки зрения этимологии представляют собой фонетико-графические варианты одной и той же языковой единицы.

Таким образом, главной этимологической характеристикой рассматриваемой лексемы *weorold* следует признать, что при и.-е. происхождении составляющих её корней сама она является продуктом германского словосложения, так как появилась в лексической системе п.-герм. языка.

2. Морфонология

В плане морфонологии представляется необходимым, во-первых, рассмотреть морфологическую структуру исследуемой лексемы *weorold* и её развитие в др.-англ. период по сравнению с предшествующими, а во-вторых, – проследить фонетические факторы и процессы, обусловившие развитие фонемного состава существительного *weorold*.

Главной морфологической чертой рассматриваемой лексической единицы следует признать композитный характер её структуры. В п.-герм. языке лексема образовывалась путём сложения корня существительного мужского рода **weraz* «человек, мужчина, муж» и существительного

женского рода *aldiz «возраст, поколение, жизненный срок». Следуя основной герм. модели словосложения, первый элемент сложного слова находился в атрибутивном отношении ко второму, поэтому полученный композит в целом относился как в п.-герм., так и в др.-англ. языке к женскому роду.

В п.-герм. языке-основе данная лексема принадлежала к классу имён с основой на *-i-*, тогда как в др.-англ. языке она вошла в группу имён сильного склонения с основой на *-ō-*, выстроив парадигму склонения с ярко выраженной омонимией форм (см. Таблицу 1).

Табл. 1. Склонение существительного *weorold* в др.-англ. языке

Падеж / Число	Единственное число	Множественное число
Номинатив	<i>weorold</i>	<i>weorolda, weorolde</i>
Генитив	<i>weorolde</i>	<i>weorolda</i>
Датив	<i>weorolde</i>	<i>weoroldum</i>
Аккузатив	<i>weorolde</i>	<i>weorolda, weorolde</i>

Из сравнения грамматических форм следует, что в единственном числе различие членов парадигматической оппозиции осуществлялось на основе противопоставления именительного падежа косвенным, тогда как во множественном числе формам трёх падежей была противопоставлена форма датива. При этом во всех падежах, за исключением аккузатива, чётко присутствовало противопоставление форм по категории числа. Доля омонимичных форм в приведённой парадигме в зависимости от учёта тех или иных фонетико-орфографических вариантов составляет от 63 до 75 %, что позволяет сделать вывод о появлении в др.-англ. период предпосылок к дальнейшей утрате лексемой *weorold* способности к формоизменению в соответствии с общими аналитическими тенденциями развития английского языка.

Консонантный состав обоих п.-герм. основ существительного *weorold* на протяжении всей предыстории и истории английского языка показывает устойчивость. Существенная динамика наблюдается в составе гласных. О фонетических процессах, определявших фонемный состав и произношение анализируемого слова, можно сделать некоторые выводы, исходя из графического оформления рассматриваемой лексемы в различных памятниках письменности др.-англ. периода. В др.-англ. текстах зафиксировано шесть вариантов орфографии: *weorold*, *weoruld*, *woruld*, *weorld*, *worold*, *world*. Такая вариативность свидетельствует о диалектно и / или хронологически обусловленных колебаниях в произношении.

В первом слоге фонемное сочетание *weo-*, возникшее в англских диалектах перед сонорным *-r-* в ранний «континентальный» период развития из п.-герм. *we-* в результате палатальной пере-

гласовки и дифтонгизации, монофтонгизировалось в поздних нортумбрийской и уэссекской огласовках (вариант *wo-*). В кентском и мерсийском диалектах на протяжении всей истории их существования сохранялась умлаутированная огласовка с дифтонгом (вариант *weo-*) [25, с. 50].

Гласный второго слога в заударной позиции неизбежно подвергался редукции, о чём можно судить по орфографии, отражающей колебание по признаку открытости / закрытости. Редукция безударных слогов и отпадение фонем в старом исходе слова, отчасти вызванные сильным экспираторным ударением на корневом слоге, являются общегерманской особенностью [3]. Орфографические варианты *weorld* и *world* отражают раннее синкопирование безударного гласного между двумя сонорными, что впоследствии стало основной линией фонетического развития данного слога в ср.-англ. период.

Следует отметить комплексный характер развития второго слога лексемы *weorold*. Синкопа гласного происходила, по-видимому, одновременно с десемантизацией соответствующей изначальной морфемы *-old-*, а результатом этих двух параллельных процессов в плане структуры стало морфемное переразложение всей лексемы, утратившей морфемный шов внутри основы, а в плане семантики - исчезновение первичного значения «срок человеческой жизни», которое в ср.-англ. период уже не отмечается [15].

3. Семантика

В плане семантики представляется необходимым проследить развитие основных значений существительного *weorold* в дописьменный период и в др.-англ. языке. Поскольку уже в ту эпоху данная лексема обладала развитой полисемией, следует

обратиться к лексикографическим источникам для инвентаризации всех значений и иллюстрирования их контекстуальными примерами.

Исторически основное значение «мир» рассматриваемой др.-англ. лексемы *weorold* сформировалось ещё в п.-герм. языке, однако можно предположить, что изначально оно не было основным. Первичное значение новообразованного существительного складывалось из значений составляющих его компонентов: **weraldiz* «жизненный срок» < **weraz* «человек» + **aldiz* «возраст, век». Другое п.-герм. значение, судя по всему, развилось посредством метонимического переноса: «человечество», то есть все люди, проживающие свой срок на земле. Из этого значения, в свою очередь, также посредством метонимии развилось то значение, которое стало основным в др.-англ. языке: «мир», то есть место, в котором живёт человечество. Таким образом, с самого начала письменной истории английского языка лексема *weorold* регулярно и частотно используется для вербализации базового образа концепта «мир, земля» [1].

Исходное значение «жизненный срок» могло реализовываться в речи носителей др.-англ. языка, например: *ze winnaþ eowre woruld* «вы трудитесь **всю жизнь**»² [11], поскольку в языке продолжали функционировать как отдельные единицы существительные *wer* «человек, мужчина» и *ild / yld* «возраст, старость» и изначально значение оставалось прозрачным, однако оно уже не было основным. Структура семантики лексемы *weorold* в др.-англ. языке существенно усложнилась, о чём можно судить по лексикографическим и контекстуальным данным. Перечислим значения, реализация которых отмечается в лексикографических источниках и письменных памятниках др.-англ. периода [6].

1) На первый план вышло значение, которое остаётся основным и наиболее частотно реализуемым на протяжении всей письменной истории английского языка – «(материальный) мир», например: *zuf þu ær þonne he, wine Scildinga, worold oflættest* «если ты раньше него, друг Скильдингов, **мир** покинешь» [5]; *wende to worulde* «пришёл в **мир**» [18] и т.д.

2) Темпоральное значение «время, бытие, существование», например: *ær worolde wære* «до начала **мира**, до начала **времен**» [11]; *of worldes frymde* «от начала **мира**» [19] и т.д.

3) «Богатство на земле, материальные ценности», например: *Sunu æfter heold, Lammech leodzeard, lanze siððan woruld bryttade* «Ламех, его сын, ему унаследовал и **имение** сохранил» [9]; *hie woruld bryttedon, sinc ætsomne* «они **богатство** получили, сокровища вместе» [9] и т.д.

4) «Люди и всё сущее на земле, человечество и земной мир», например: *wendes ðu ðurh wuldor ðæt þu woruld ahtest* «пройдёшь ты через славу, чтобы **миром** владеть» [7]; *him zod sealde, zumena rice, world to zewealde* «ему Бог передал людей царство, **мир** под защиту» [8] и т.д.

5) «Век, продолжительный в историческом масштабе отрезок времени», например: *me þæt to worulde wat to helpe* «уповаю **вовек** на помощь» [22]; *ne zehyrde we næfre on worulde* «не слышали мы никогда от **века**» [20].

6) «Срок человеческой жизни», например: *ða eldran znorniaþ ealle heora woruld* «старички жалуются всю **жизнь**» [12]; см. также пример выше.

7) «Образ жизни, условия жизни», например: *hyra woruld wæs zehwyrfed* «их **жизнь** изменилась» [9]; *fremdre worulde* «совершенной **жизни**» [21].

8) «Жизненный путь, судьба, превратности жизни», например: *him eal worold wended on willan* «ему **всё в жизни** в удовольствии» [5]; *onwendep wyrda zesceaft weoruld under heofonum* «меняет событий поворот **ход вещей** под небесами» [23].

Характерной особенностью семантики лексемы *weorold* в её различных значениях является частотная контекстуальная реализация семантической оппозиции «материальное – духовное». В таких контекстах функция изучаемой лексемы – вербализация концепта «материальное» и, соответственно, передача таких оттенков значения, как «эфемерное, временное», например: *ure æzhwylc sceal ende zebidan worolde lifes* «каждый из нас должен конца ожидать в **мире** жизни» [5]; *ond þa þas worold ofzeaf zromheort zuma* «и тогда **мир** отпустил злосердное создание» [5] и т.д. Лексема *weorold* в значении «(этот) мир, земля» с оттенком противопоставления обителям высших существ или миру мёртвых выражает то видение, что «человечество располагается в пространственном и моральном плане между небесами и адом» [16, с. 23]. Материальность земного мира и его противопоставление миру духовному

² Зд. и далее перевод наш. – Авт.

в контексте часто подчёркивается употреблением указательного местоимения: *ac se ðe þa ecan aþan wille soðan zesælda, he sceal swiðe flion ðisse worulde wlite* «но кто вечно желает высшей радостью владеть, должен избегать красоту **этого мира**» [21].

4. Словообразование

В плане словообразования требуется рассмотреть вопрос о продуктивности изучаемой лексемы в качестве словообразовательной основы, для чего нужно составить достаточно репрезентативный перечень производных композитов. Кроме того, представляется важным обозначить единство семантики этих композитов, обусловленную общностью словообразовательной основы.

Анализ лексикографических источников позволяет рассматривать лексему *weorold* как продуктивную словообразовательную основу. В др.-англ. текстах зафиксировано употребление многих лексических единиц с компонентом *weorold*, в подавляющем большинстве субстантивных композитов с отвлечённым значением, образованных по модели N + N. Ниже приводятся некоторые из них:

weoroldæht «земное богатство», *weoroldafol* «земная власть», *weoroldar* «людской почёт; нецерковная собственность», *weoroldbisezu* «мирское дело», *weoroldbisezunz* «мирское занятие; земные хлопоты, суета», *weoroldbismær* «людское осуждение, злословие», *weoroldbliss* «земное удовольствие», *weoroldbroc*, *weoroldbryce* «жизненные тяготы; светское использование, употребление», *weoroldcamp* «война между людьми (в отличие от войны с дьяволом)», *weoroldcearu* «земные заботы, суета», *weoroldcraeft* «мирское ремесло или искусство», *weorolddæd* «земной подвиг» и т.д.

Наряду с тем, существовало некоторое количество лексем с конкретным значением. Как правило, это были наименования лиц: *weoroldcyninz* «земной властитель», *weoroldbearn* «человек, смертный», *weorolddema* «светский судья», *weoroldcempa* «воин этого мира, не духовный воин», *weoroldbuende* «жители этого мира, смертные, человечество» и т.д.

Иногда затруднительно определить языковой статус единиц с элементом *weorold*. Так, в поэтических текстах встречаются случаи употребления сложных языковых единиц со слитным написанием, например, *woruldcandel scan sizel*

siðan fus «свеча **мира** сияла, солнце рьяное с юга» [5]. Образование *woruldcandel*, являющееся с точки зрения стилистики кеннингом, в данном контексте может быть как сложным словом, так и связанным словосочетанием, и орфографический критерий здесь не может быть решающим. В современной учебно-исследовательской традиции подобные образования пишутся, как правило, через дефис для более наглядного представления структуры: *weorold-sceaft* «существо этого мира, тварь», *weorold-lust* «земное удовольствие» и т.д. В оригинальных текстах рукописей писцы обычно использовали слитное написание: *weoroldmæz* «сородич», *weoroldsceamu* «позор, людское осуждение» и т.д.

Несколько менее существительных распространены сложные прилагательные: *weoroldcund* «земной, преходящий», *weorolddead* «умерший физически, мёртвый не духовно», *weoroldsnotor* «мудрый в житейских делах», *weoroldspediz* «богатый» и т.д. Отмечено также употребление наречия *weoroldcundlice* «в мирской манере».

В значении всех построенных таким образом сложных слов, независимо от их частеречной принадлежности, исходная лексема *weorold* обеспечивала наличие одной из двух, а в случаях полисемии композитов – обеих следующих сем: 1) «принадлежность к материальному миру, к миру людей»; 2) «светский, нецерковный характер». Из этого можно сделать заключение, что перечисленные сложные слова были образованы в др.-англ. языке достаточно поздно, поскольку всех их объединяет заключённая в их семантике бинарная оппозиция: «материальное – духовное», например: *on zeweald zehwearf woroldcyninza* «под власть попал **земных властителей**» [5], либо «светское – церковное», например: *ðæt him God onsende wise zepohtas and woruldcraeftas* [24] «чтобы ему Господь послал мудрые мысли и умение в **мирских ремеслах**». Подобное дуалистическое представление мира в Древней Англии характерно для более позднего христианского мировоззрения, тогда как др.-герм. языческая космогония предполагала более сложное деление Вселенной на девять миров [14]. Таким образом, сложные слова с компонентом *weorold* были вызваны к жизни появлением новых понятий в результате христианизации страны.

Выводы

Наиболее существенные выводы исследования можно свести к следующему:

1) при и.-е. происхождении корневых элементов лексемы *weorold* сама она является герм. инновацией и функционирует в лексической системе герм. языков на протяжении всей их истории;

2) основной морфологической характеристикой лексемы в др.-англ. языке является переход от исходно композитной структуры к структуре простого слова, чему активно способствовали фонетические процессы;

3) в аспекте семантики главной особенностью выступает перестройка семантической структуры в условиях развития полисемии и замещение исходного основного значения «жизненный срок человека» значением «(материальный) мир»;

4) в аспекте словообразования следует отметить продуктивность существительного *weorold* как словообразовательной основы для формирования сложных слов.

Список использованных сокращений

герм. – германский; гот. – готский; др.-англ. – древнеанглийский; др.-в.-н. – древневерхненемецкий; др.-герм. – древнегерманский; др.-ирл. – древнеирландский; др.-нид. – древненидерландский; др.-норв. – древненорвежский; др.-сакс. – древнесаксонский; др.-франк. – древнефранкский; др.-швед. – древнешведский; зап.-фриз. – западнофризский; и.-е. – индоевропейский; исл. – исландский; лат. – латинский; лит. – литовский; нем. – немецкий; п.-герм. – протогерманский; п.-кельт. – протокельтский; снскр. – санскрит; ср.-англ. – среднеанглийский; фарер. – фарерский; швед. – шведский.

Список литературы

1. Мухин С.В. Вербализация концепта «земля» в поэме «Беовульф» // Магия ИННО: Интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: Сборник научных трудов. В 2 т. Т. 1. М.: МГИМО–Университет, 2019. 411, [1] с.
2. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. М.: МГУ, 1998. 319 с.
3. Сравнительная грамматика германских языков. В 5 т. Т. I. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 204 с.
4. Феоктистова И.В. К вопросу о системности в лексике (на материале древнеанглийских слов со значением ‘помощь’, ‘защита’) // И.В. Феоктистова, А.А. Лемберская А. А. // В сб.: Системное описание лексики германских языков. Вып. 4. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. С. 78–85.
5. Beowulf. “Diacritically-marked Text and Facing Translation”. URL: <http://www.heorot.dk/beowulf-rede-text.html> (accessed 14 October 2019).
6. Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. URL: <https://web.archive.org/web/20190717111339/http://bosworthtoller.com/> (accessed 10 October 2019).
7. Christ and Satan. URL: https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a01_04.htm (accessed 17 October 2019).
8. Daniel. URL: https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a01_03.htm (accessed 18 October 2019).
9. Genesis A, B. URL: https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a01_01.htm (accessed 17 October 2019).
10. Indo-European Lexicon. Old English Reflex Index. URL: <https://lrc.la.utexas.edu/lex/languages/OE> (accessed 15 October 2019).
11. King Alfred’s Old English Version of Boethius De Consolatione Philosophiæ. Oxford, 1899. 328 p.
12. King Alfred’s Version of Gregory’s Pastoral Care. London, 1871. 569 p. URL: <https://archive.org/details/kingalfredswest00sweegoog/page/n8> (accessed 16 October 2019).
13. Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Vol. II. Leiden – Boston, 2013. 833 p.
14. Lindow J. Norse Mythology: A Guide to Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs. Oxford, 2001. 365 p.
15. Middle English Compendium. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED53430> (accessed 18 October 2019).
16. Neville J. “Representations of the Natural World in Old English Poetry”. Cambridge Studies in Anglo-Saxon England. V. 27. Cambridge, 2004. 224 p.
17. Proto-Indo-European Etymological Dictionary. A Revised Edition of Julius Pokorny’s Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. 2007. 3441 p. URL: <https://marciorenato.files.wordpress.com/2012/01/pokorny-julius-proto-indo-european-etymological-dictionary.pdf> (accessed 10 October 2019).
18. The Christ of Cynewulf. A Poem in Three Parts: The Advent, The Ascension, and The Last Judgment. URL: https://archive.org/stream/christofcynewulf00cyne/christofcynewulf00cyne_djvu.txt (accessed 16 October 2019).

19. The Gospel of Saint Luke in Anglo-Saxon. Oxford, 1893. 193 p. URL: <https://archive.org/details/gospelsaintluke00briggoog/page/n7> (accessed 16 October 2019).
20. The Holy Gospels in Anglo-Saxon, Northumbrian, and Old Mercian Versions, Synoptically Arranged. Cambridge, 1871-1887. URL: <https://archive.org/details/holygospelsinan01skeagoog/page/n6> (accessed 18 October 2019).
21. The Metres of Boethius: Meter 3. URL: <http://people.ucalgary.ca/~mmcilli/ASPR/a6.3.html> (accessed 19 October 2019).
22. The Paris Psalter. Psalm 51. URL: https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a05_51.htm (accessed 17 October 2019).
23. The Wanderer. URL: <http://www.anglo-saxons.net/hwaet/?do=get&type=text&id=wdr> (accessed 19 October 2019).
24. Thorpe B. Codex Exoniensis. A Collection of Anglo-Saxon Poetry, from a Manuscript in the Library of the Dean and Chapter of Exeter. London, 1842. 575 p. URL: <https://archive.org/details/codexexoniensis01londgoog/page/n9> (accessed 19 October 2019).
25. Wright J., Wright E.M. Old English Grammar. Oxford, 1914. 361 p.

Сведения об авторе:

Мухин Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: языковые контакты в области фразеологии, германистика, история английского языка. E-mail: s.muhin@inno.mgimo.ru

SYSTEMIC DESCRIPTION OF GERMANIC LEXEMES (EXAMPLIFIED BY THE LEXEME *WEOROLD* IN OLD ENGLISH)

Sergey V. Mukhin

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article aims at presenting a procedure of systemic description of the linguistic characteristics inherent in lexemes in Germanic languages. The present research is of a complex nature. A complex approach exercised to achieve the goals of the research suggests addressing a number of consecutive descriptive tasks pertaining to particular linguistic aspects, to wit: etymology, morphonology, semantics and word-formation. The analysis focuses on the Old English noun 'weorold' intended to exemplify the typical formal procedure of description. The scientific methods used in the course of the research are as follows: descriptive method, comparative-historical, etymological analysis, morphemic analysis, distributive analysis, method of oppositions, component analysis. In the aspect of etymology the lexical correlations of the lexeme under study and its morphological components are detected in cognate old and modern Germanic languages. In the aspect of morphonology the analysis focuses on the morphological structure of the noun 'weorold' and its evolution in the Old English period as compared with the prewritten period. There also is some study of the phonetic factors and processes which conditioned the phonemic composition of the lexeme 'weorold' and the interaction of its phonemes as separate entities. In terms of semantics attention is largely paid to the development of the main meanings. To this end an inventory of all the dictionary meanings with contextual examples is provided. In the aspect of word-formation the productivity of the analyzed lexeme as a word-forming basis is put to scrutiny. The compounds formed on the basis of the noun 'weorold' are noted to feature a unity of semantics provided by the word-forming basis that they share. The article may be of interest to linguists who do research in Germanic studies, lexicology and history of English.*

Key Words: *description, lexeme, Germanic languages, Old English, etymology, morphonology, semantics, word-formation.*

References

1. Mukhin S.V. Verbalizatsiia kontsepta «zemlia» v poeme «Beovulf» [Verbalization of the Concept Earth in Beowulf] // *Magiia INNO: Integrativnye tendentsii v lingvistike i lingvodidaktike: Sbornik nauchnykh trudov* [Magic of INNO: Integrative Tendencies in Linguistics and Linguodidactics: Proceedings]. V 2 t. T. 1. M.: MGIMO–Universitet, 2019. 411, [1] p.
2. Smirnitiskii A. I. *Drevneangliiskii iazyk* [Old English]. M.: MGU, 1998. 319 p.
3. *Sravnitel'naia grammatika germanskikh iazykov* [Comparative Grammar of Germanic Languages]. V 5 t. T. I. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR [The Publishing House of the USSR Academy of Sciences], 1962. 204 p.
4. Feoktistova I.V., Lemberskaia A. A. K voprosu o sistemnosti v leksike (na materiale drevneangliiskikh slov so znacheniem 'pomoshch', 'zashchita') [On Systemity in Lexis (as exemplified by the Old English words denoting the concepts help, protection)]. V sb.: *Sistemnoe opisaniie leksiki germanskikh iazykov* [Systemic Description of Word-Stock in Germanic Languages]. Vyp. 4. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1981. pp. 78–85.
5. Beowulf. Diacritically-marked Text and Facing Translation, www.heorot.dk/beowulf-rede-text.html (accessed 14 October 2019).
6. Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary, web.archive.org/web/20190717111339/http://bosworthtoller.com/ (accessed 10 October 2019).
7. Christ and Satan, www.sacred-texts.com/neu/ascp/a01_04.htm (accessed: 17 October 2019).
8. Daniel, www.sacred-texts.com/neu/ascp/a01_03.htm (accessed 18 October 2019).
9. Genesis A. B., www.sacred-texts.com/neu/ascp/a01_01.htm (accessed 17 October 2019).
10. Indo-European Lexicon. Old English Reflex Index, lrc.la.utexas.edu/lex/languages/OE (accessed 15 October 2019).
11. King Alfred's Old English Version of Boethius De Consolatione Philosophiae. Oxford, 1899. 328 p.
12. King Alfred's Version of Gregory's Pastoral Care. London, 1871. 569 p., archive.org/details/kingalfredswest00swee/goog/page/n8 (accessed 16 October 2019).
13. Kroonen G. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Vol. II. Leiden – Boston, 2013. 833 p.
14. Lindow J. *Norse Mythology: A Guide to Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs*. Oxford, 2001. 365 p.
15. Middle English Compendium, quod.lib.umich.edu/m/middle-english-dictionary/dictionary/MED53430 (accessed 18 October 2019).
16. Neville J. *Representations of the Natural World in Old English Poetry*. Cambridge Studies in Anglo-Saxon England. V. 27. Cambridge, 2004. 224 p.
17. *Proto-Indo-European Etymological Dictionary. A Revised Edition of Julius Pokorny's Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. 2007. 3441 p., marciorenato.files.wordpress.com/2012/01/pokorny-julius-proto-indo-european-etymological-dictionary.pdf (accessed 10 October 2019).
18. The Christ of Cynewulf. A Poem in Three Parts: The Advent, The Ascension, and The Last Judgment, archive.org/stream/christofcynewulf00cyne/christofcynewulf00cyne_djvu.txt (accessed 16 October 2019).
19. The Gospel of Saint Luke in Anglo-Saxon. Oxford, 1893. 193 p., archive.org/details/gospelsaintluke00briggs/goog/page/n7 (accessed 16 October 2019).
20. The Holy Gospels in Anglo-Saxon, Northumbrian, and Old Mercian Versions, Synoptically Arranged. Cambridge, 1871–1887, archive.org/details/holygospelsinan01skeagoog/page/n6 (accessed 18 October 2019).
21. The Metres of Boethius: Meter 3, people.ucalgary.ca/~mmcilli/ASPR/a6.3.html (accessed 19 October 2019).
22. The Paris Psalter. Psalm 51, www.sacred-texts.com/neu/ascp/a05_51.htm (accessed: 17 October 2019).
23. The Wanderer, www.anglo-saxons.net/hwaet/?do=get&type=text&id=wdr (accessed 19 October 2019).
24. Thorpe B. *Codex Exoniensis. A Collection of Anglo-Saxon Poetry, from a Manuscript in the Library of the Dean and Chapter of Exeter*. London, 1842. 575 p., archive.org/details/codexexoniensis01londgoog/page/n9 (accessed 19 October 2019).
25. Wright J., Wright E.M. *Old English Grammar*. Oxford, 1914. 361 p.

About the author:

Sergey V. Mukhin – PhD, Assistant Professor of English Language Department № 1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: linguistic contacts in phraseology, Germanic studies, History of English. E-mail: s.muhin@inno.mgimo.ru

* * *

ИКС-ФЕМИЯ КАК НЕЛИНЕЙНЫЙ ФЕНОМЕН

Т.А. Фомина, Т.В. Алиева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья ставит своей целью определить статус икс-фемии как динамического явления языка. Авторами проведён анализ языкового материала, представленного в современном англоязычном общественно-политическом дискурсе в таких новостных источниках, как «Гардиан» (The Guardian), «Сиэтл Таймс» (The Seattle Times), «Эй-би-си Ньюс» (ABC News), «Нью-Йорк Таймс» (The New York Times), медийном дискурсе и англоязычных словарях. В результате проведённого исследования было выявлено, что икс-фемия представляет собой нелинейный феномен, обусловленный семантическими изменениями лексических единиц в ходе диахронической семантической эволюции, исходным и текущим контекстом, интенцией говорящего, личным отношением участника коммуникации к объекту или явлению. В частности, контекстуальная и прагматическая обусловленность икс-фемии продемонстрирована на примере этнических пейоративов, которые, несмотря на отрицательную оценочность, закреплённую в их семантической структуре, могут приобретать как дисфемистический, так и эвфемистический характер в зависимости от наличия или отсутствия этнических границ между участниками коммуникации. Так, эвфемизация этнического пейоратива происходит при условии, что высказывание принадлежит представителю «своего» этноса, а дисфемизация – при обозначении «чужого» этноса. Практическая и теоретическая значимость работы заключается в том, что авторам удалось предложить новый подход к изучению явлений эвфемии, дисфемии и ортофемии.

Ключевые слова: икс-фемия, эвфемия, дисфемия, ортофемия, диахроническая семантика, контекст, экспериенциальные параметры.

В современной лингвистике существует несколько подходов к исследованию эвфемии и дисфемии. Согласно функционально-семантическому подходу, дисфемизмы определяются как оскорбительные и «неприятные» термины, используемые вместо «приятных» или нейтральных; противоположны эвфемизмам [17]. В рамках данного подхода Е.И. Шейгал определяет дисфемизм как «инвективу, основанную на гиперболизации отрицательного признака или замене положительного оценочного знака на отрицательный» [8, с. 236]. Эвфемизм же понимается как противоположность дисфемизма, то есть как «антиинвектива, основанная на преуменьшении степени отрицательного признака или на переключении оценочного знака с отрицательного на положительный» [8, с. 236]. Однако данный подход, на наш взгляд, об-

наруживает ряд противоречий ввиду того, что то или иное выражение относится лингвистами к классу дисфемизмов и эвфемизмов безоговорочно, без учёта когнитивно-прагматических и социолингвистических факторов.

В соответствии со вторым подходом (мы называем его функционально-прагматическим), явления эвфемии, дисфемии и ортофемии рассматриваются в диалектике номинативного варьирования, а икс-фемия выделяется как термин-гипероним, обобщающий эти явления [10]. Номинативное варьирование заключается в изменении значений слов в рамках определённого контекста. Вслед за К. Алланом и К. Барридж, эвфемизмы в рамках этого подхода мы определяем как «благозвучные и вежливые выражения, дисфемизмы – как выражения грубые и оскорбительные, ортофемизмы же являются нейтраль-

ными терминами» [10, с. 31] (перевод наш – Т.Ф. и Т.А.).

Однако эту классификацию нельзя считать универсальной, так как принадлежность того или иного выражения к классу эвфемизмов, дисфемизмов и ортофемизмов должна определяться целым рядом когнитивно-прагматических факторов, то есть не только исходным и текущим контекстом, [1, с. 21], но и интенцией говорящего [2; 6; 7], а также личным отношением говорящего к описываемому объекту или явлению (subject-object relationship). Личное восприятие говорящим объекта или явления может быть хорошо проиллюстрировано на следующем примере: «если показать человеку картину, и впоследствии он даст ей негативную оценку, мы узнаем многое об этом человеке, но очень мало о самой картине» [20, с. 201] (перевод наш – Т.Ф. и Т.А.).

Например, «нейтральное слово «телефон» в большинстве случаев является ортофемизмом, но может приобретать и дисфемистический характер, если употреблено в рамках высказывания, в котором присутствуют бранные слова (*He is on the bleeding telephone still*)» [10, с. 37] (перевод наш – Т.Ф. и Т.А.). Ввиду того, что ортофемия, дисфемия и эвфемия обусловлены динамикой речевых ситуаций и меняющихся переживаний, при идентификации этих явлений необходимо учитывать, наряду с лингвистическими, ситуативные и экспериенциальные параметры контекста (чувства и переживания, которые испытывают участники коммуникации).

Так, глагол *slaughter* имеет прямое значение «*kill (animals) for food*» [17] и в некоторых контекстах может быть вполне нейтральным выражением (то есть ортофемизмом). В следующем высказывании выражение *slaughter* употреблено в прямом значении «забивать (скот)», при этом оценочная коннотация отсутствует:

In rural and small-town China, many residents prefer to buy live chickens, ducks and geese that are slaughtered on the spot or at home [12].

Однако в политическом дискурсе *slaughter* в зависимости от отношения говорящего к ситуации, а, следовательно, от его прагматической установки, может приобретать дисфемистический характер:

Donald Trump has warned Syria that the United States would be “very angry” if forces loyal to Bashar al-Assad slaughter civilians in the country’s last rebel-held province [18].

Поскольку в сирийском военном конфликте [3] США противостоят Башару Асаду, в данном контексте выбор лексемы *slaughter* обусловлен прагматической установкой говорящего усилить отрицательную оценочность в отношении действий, совершаемых объектом, идентифицируемым как «враг»: силы, лояльные Башару Асаду, безжалостно убивают мирных жителей (*slaughter civilians*). Таким образом, в данном случае именно ситуативные и экспериенциальные параметры контекста определяют выбор слова *slaughter* (при наличии более нейтрального эквивалента *kill*), вызывая ассоциации с его прямым номинативным значением – «убоем скота».

Нелинейный характер явления икс-фемии в зависимости от прагматической установки говорящего и от его отношения к рассматриваемому объекту или явлению хорошо прослеживается на примере употребления в определённом контексте так называемых этнических пейоративов или этнических инвектив [5]. Необходимо отметить, что вне контекста этнические инвективы как таковые не носят дисфемистический характер; отрицательная оценочность таких инвектив обусловлена семантически. Так, например, слово *squaw* (индианка, жительница Северной Америки), маркированное в словаре пометой “offensive” [17], не является ни дисфемизмом, ни пейоративом в «традиционном» понимании, так как не служит референцией к негативным аспектам социокультурной сферы (идентификация по национальному признаку не включает в себе уничижения).

Примечательно, что в определённом контексте и при особых обстоятельствах этнические пейоративы могут приобретать как эвфемистический, так и дисфемистический характер, например, если говорящий намеренно демонстрирует свою национальную идентичность в оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ». Этнические границы являются результатом чувства различия, которое появляется и воспроизводится в процессе взаимодействия, по крайней мере, у одной из сторон, которая отделяет себя от другой по этническим мотивам. Эвфемизация в таких случаях будет обусловлена ситуативными параметрами контекста: как правило, эвфемизация этнической номинации происходит при условии, если высказывание принадлежит представителю «своего» этноса.

Так, изменение оценочного знака демонстрирует термин *American Indians*. Данная номинация не содержит отрицательную коннотацию,

тем не менее, подобное обращение к коренным американцам (как замена общепринятой эвфемистической референции *Native Americans*) считается менее предпочтительным. На нежелательность использования термина *American Indians* указывается в словаре: *since the category American Indian is very broad, it is preferable where possible to name the specific people, such as Apache, Comanche, or Sioux* [17]. Социальную обусловленность выражения *Native Indians* демонстрирует следующий пример:

The National Congress of American Indians condemned the remarks, saying the memory of the two events, in which hundreds of Native Americans were killed by U.S. Army soldiers, should not be used as a "rhetorical punch line" [15].

Таким образом, в рамках одного контекста используются оба обозначения, номинирующие этническую группу американских индейцев, при этом соблюдаются условия, указанные выше. Номинация *American Indians* содержится в имени собственном *The National Congress of American Indians*, которое, очевидно, было присвоено конгрессу представителями данного этноса, то есть так говорят «свои» о «своих». Тем не менее, сам автор высказывания, находясь за пределами группы «своих», *использует другой термин* – *Native Americans*.

Мартин Лютер Кинг в своей исторической речи "I Have a Dream" неоднократно использует слово *negro*: *"And there will be neither rest nor tranquility in America until the Negro is granted his citizenship rights."* Термин *negro* также содержится в названии фонда по оказанию помощи афроамериканским студентам – *The United Negro College Fund*. Важно отметить, что оба контекста являются частью дискурса о «своих» – Мартин Лютер Кинг борется за права представителей «своего» этноса, а указанный благотворительный фонд создан и соответственно назван так самими афроамериканцами. В то же время, употребление слова *negro*, маркированного в словаре пометой "offensive" [17], считается недопустимым, если автор высказывания не является представителем данного этноса.

Ещё более оскорбительной считается лексема *nigger* (её табуированность находит своё отражение в использовании эвфемистической замены *N-word* в медийном англоязычном дискурсе). И несмотря на то, что в словаре *Oxford English Dictionary* слово *nigger* маркировано пометой "offensive", словарная статья содержит также комментарий, указывающий на нейтральное

значение слова в том случае, если оно произносится афроамериканцами: *nigger is sometimes used by black people in reference to other black people in a neutral manner*. Более того, представляется, что во многих высказываниях, принадлежащих афроамериканцам, использование *nigger* или *nigga* приобретает не столько нейтральный, сколько эвфемистический характер, являясь маркером «своего». Так, певица Соланж Ноулз афроамериканского происхождения исполняет песню FUBU, в которой неоднократно повторяется выражение *nigga*: *All my niggas let the whole world know || Play this song and sing it on your terms*. Ряд лингвистических параметров контекста формирует положительную оценочность лексемы *nigga*: притяжательное местоимение *my*, сближающее автора с теми, кому эта песня адресована, и само название песни FUBU, являющееся акронимом для "for us by us". Кроме того, последние строчки песни, переключаясь с названием, ещё раз подчёркивают, что она предназначена только для «своих»: *Ooh, oh baby || For us, baby || Yeah, it's all for us, baby || Nobody else, baby || All for us, baby*. В совокупности данные средства не просто лишают слово *nigga* отрицательной семы, а способствуют тому, что оно приобретает эвфемистический характер.

Примером же этнического пейоратива, приобретающего дисфемистический характер в определённом контексте и при определённых обстоятельствах, может служить выражение *Chinky / Chink*, служащее для номинирования народов восточно-азиатского происхождения (представителей Китая, Кореи и Вьетнама) и маркированное в словаре пометой "offensive" [19]. Так, китаец, живущий уже много лет в Америке, делится воспоминаниями о своём детстве:

While my brother and I patiently waited in the car for my mom, a group of kids from that neighborhood came up to the car and started throwing stones at the car while yelling, "Go back home, you chinks!" [9].

Дети используют уничижительное *Chinks* вместо нейтрального *Chinese*, поскольку хотят оскорбить своего сверстника именно по этническому признаку – они считают, что выходцам из Китая здесь не место, и они должны вернуться в свою страну. Очевидно, что в данном контексте такая референция приобретает дисфемистический характер, так как совпадает с особым психическим и речемыслительным состоянием говорящего, в котором он антагонистически проявляет свою национальную идентичность в оппозиции «СВОЙ» (*American kids*) – «ЧУЖОЙ»

(*a Chinese kid*). Данный пример демонстрирует, как этнический пейоратив может функционировать в качестве дисфемизма в зависимости от прагматической установки говорящего.

В то же время существуют контексты, в которых слово *Chinky* может полностью терять отрицательную оценочность, закреплённую в его семантическом составе, и выступать в качестве эвфемизма. Так, в тексте песни "*Chinky eyes*" вьетнамской исполнительницы Viet Thi говорится о приятном высоком мужчине, который похож на кинозвезду (*He is so fine he's also tall || He looks like a Hong Kong movie star*), и *chinky eyes* которого нравятся певице: *Chinky, chinky, chinky eyes || This cutie got those chinky eyes || Chinky, chinky, chinky eyes || I love this baby's chinky eyes*.

Очевидно, что в данном контексте вьетнамка рассказывает о вьетнамце, представителе своего этноса, то есть «своих» говорят о «своих», поэтому этнический пейоратив *chinky*, маркированный в словаре пометой "offensive", теряет семантически обусловленную отрицательную оценочность и приобретает эвфемистический характер.

Интересно также проследить изменение оценочного знака лексемы *chinky*, являющейся дерогативом для обозначения китайского ресторана [11]. Так, на сайте tripadvisor.com, публикующем отзывы о ресторанах, музеях, городах т.д., можно обнаружить следующий отзыв об одном китайском ресторане:

GREAT LOCAL CHINKY

The lamb pancakes are a winner, the fried rice is big and fresh, the crispy soy chicken is great. It's always quick and the wine is cheap. The chef is from the original Glenrose restaurant and Fu Kwai is a staple in our household. Alice that owns the restaurant speaks a crazy mix of Mandarin and English, which adds to the appeal [13].

Автор оставляет одобрительный отзыв о ресторане, в котором ему нравится всё – и еда, и цены, и обслуживание (здесь используется целый кластер лексических средств с положительной оценочностью: *winner, great, big, fresh, great, cheap, appeal*). Мы полагаем, что в данном случае выбор слова *Chinky* для заголовка не обусловлен его отрицательной семантикой, а скорее связан с его принадлежностью разговорному стилю (в Оксфордском словаре английского языка слово *chinky* маркируется пометой "informal" [17]), и в данном контексте это слово функционирует как ортофемизм.

Помимо прагматических факторов, описанных выше, факторами икс-фемии могут также служить семантические изменения словарной единицы с течением времени.

С точки зрения диахронической семантики, «то, что сегодня является эвфемизмом, может завтра стать дисфемизмом» [14, с. 12], как и наоборот (в пределах допустимого семантического варьирования той или иной единицы [4]). Другими словами, при определении принадлежности выражения к классу эвфемизмов, дисфемизмов или ортофемизмов необходимо рассматривать его в рамках семантической эволюции.

Так, например, в начале 1960-х гг. стигматизация слова *negro*, которое ранее использовалось для номинирования граждан США африканского происхождения, привела к его замене на эвфемизм *black*. Однако впоследствии номинация *black* трансформировалась в дисфемизм, что было связано с нерешённостью проблем расовой дискриминации и отрицательными коннотациями, закрепившимися за этим словом, когда в конце 1980-х гг. его место занял другой эвфемизм *African-American* [16].

Диахронический анализ обнаруживает аналогичное изменение оценочного знака в выражении *the disabled*, которое во второй половине XX-го века стало использоваться в качестве эвфемизма для таких терминов как *the crippled, the defective, the handicapped*, содержащих отрицательную коннотацию. Тем не менее, в настоящее время данное слово потеряло свою эвфемистичность и трансформировалось в дисфемизм, возможно, по причине того, что форма субстантивированного прилагательного со значением множественного числа обезличивает людей с ограниченными возможностями, обозначая их как гомогенную группу, единственным общим признаком которой является отсутствие физической полноценности. На сегодняшний день в качестве эвфемистической замены для номинации *the disabled* используется термин *people with disabilities* [17].

Таким образом, в результате проведённого исследования выявлено, что икс-фемия представляет собой метакоммуникативный динамический феномен, а факторами икс-фемии являются диахронические семантические изменения в языке, контекст, интенция говорящего, личное отношение говорящего к объекту или явлению.

Список литературы

1. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
2. Дружинин А.С. Когнитивно-прагматические особенности контрафактивных грамматических конструкций в американском предвыборном дискурсе 2000-2012 гг.: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГИМО-Университет, 2014. 181 с.
3. Зароченцева А.С. Лингвокогнитивные и прагматические аспекты моделирования событий типа «международный конфликт» (на примере освещения освобождения городов Мосул и Алеппо в 2016 году) в «Экономист» /А.С. Зароченцева, Д.Н. Новиков // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике: сб. науч. трудов: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Д.Н. Новиков. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 231–237.
4. Новиков Д.Н. О пределах семантического варьирования слова // Филологические науки в МГИМО. Москва, 2005. № 21. С. 41–53.
5. Свирковская С.В. Ксенофобический дискурс (лингвопрагматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 36 с.
6. Тымбай А.А. Манипулирование собеседником в политическом диалоге // Филологические науки в МГИМО. Москва, 2019. № 19(3). С. 32–39.
7. Фомина Т.А. Манипулятивные приёмы дезинформации как средство реализации антироссийской пропаганды в заголовках англоязычных СМИ (на примере освещения «дела Скрипалей» в период с марта по октябрь 2018 года) / Т.А. Фомина, Е.Д. Буцык // Филологические науки в МГИМО. Москва, 2019. № 19(3). С. 50–58.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
9. 16,000 READERS SHARED THEIR EXPERIENCES OF BEING TOLD TO 'GO BACK' HERE ARE SOME OF THEIR STORIES [Электронный ресурс] // The New York Times: [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/07/19/reader-center/trump-go-back-stories.html> (дата обращения: 19.07.2019).
10. Allan K. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. / K. Allan, K. Burrige K. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 pp.
11. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 01.11.2019).
12. CHINA FIGHTS NEW WAVE OF BIRD-FLU VIRUS AS DOZENS DIE [Электронный ресурс] // The Seattle Times: [сайт]. URL: <https://www.seattletimes.com/nation-world/china-fights-new-wave-of-bird-flu-virus-as-dozens-die/> (дата обращения: 18.02.2017).
13. GREAT LOCAL CHINKY [Электронный ресурс] // TripAdvisor: [сайт]. URL: https://www.tripadvisor.com.au/ShowUserReviews-g4132315-d724921-r639806267-Fu_Kwai_Chinese_Restaurant-Frenchs_Forest_Warringah_Greater_Sydney_New_South_Wal.html# (дата обращения: 28.10.2019).
14. Kröll H. O eufemismo e o disfemismo no português modern. Lisbon: Instituto de Cultura e Língua Portuguesa, 1984. 170 pp.
15. NATIVE AMERICAN LEADERS ASK TRUMP TO APOLOGIZE FOR 'SHAMEFUL' WOUNDED KNEE REMARKS [Электронный ресурс] // ABC News: [сайт]. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/native-american-leaders-trump-apologize-shameful-wounded-knee/story?id=60374772> 2019 (дата обращения: 14.01.2019).
16. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 01.11.2019).
17. Oxford Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 01.11.2019).
18. SYRIA: DONALD TRUMP SAYS SLAUGHTER IN IDLIB WOULD MAKE US 'VERY ANGRY' [Электронный ресурс] // The Guardian: [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/sep/05/syria-donald-trump-idlib-slaughter-very-angry> (дата обращения: 05.09.2018).
19. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 01.11.2019).
20. Von Foerster H. Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition. New York: Springer, 2003. P. 201.

Сведения об авторах:

Фомина Татьяна Анатольевна – преподаватель кафедры английского языка №1, МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, экспериенциальная лингвистика, исследование политического дискурса. E-mail: wesna85@bk.ru

Алиева Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №1, МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, исследование политического дискурса. E-mail: t.alieva@rambler.ru

X-PHEMISMS AS NON-LINEAR PHENOMENA

Tatiana A. Fomina, Tatiana V. Alieva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The present paper aims to define the status of x-phemisms as dynamic phenomena. A detailed analysis of the research data taken from English socio-political discourse presented in a range of English-language news sources, such as The Guardian, The Seattle Times, ABC News, The New York Times, English media discourse and dictionaries of Contemporary English has been carried out. The paper finds that x-phemisms are non-linear phenomena. Thus, when distinguishing between euphemisms, dysphemisms and orthopemisms one should take into consideration diachronic meaning change, the previous context, the current context, intention, subject-object relationship. For instance, in particular contexts ethnic pejorative words irrespective of their negative meaning can perform a function of either euphemisms or dysphemisms, which depends on the feelings of similarity or distinction generated by ethnic boundaries and experienced by the speaker. The paper reveals that an ethnic pejorative word is dysphemistic once it refers to the ethnic group the speaker doesn't belong to, but becomes euphemistic once applied to one's own ethnic group. This illustrates contextual and pragmatic nature of x-phemisms. The proposed approach to the study of x-phemisms has several empirical and theoretical implications for further research on these phenomena.*

Key Words: *x-phemisms, euphemisms, dysphemisms, orthopemisms, diachronic semantics, context, experiential parameters.*

References

1. Deik T.A. van. Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989. 312 pp.
2. Druzhinin A.S. Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti kontrafaktivnykh grammaticheskikh konstruktov v amerikanskom predvybornom diskurse 2000-2012 gg. [The cognitive and pragmatic features of the functioning of the Subjunctive (counterfactual) forms in English (the case study of American election discourse)]. Thesis for PhD in Philological sciences. Moscow: MGIMO-University, 2014. 181 pp.
3. Zarochentseva A.S. Lingvokognitivnye i pragmaticheskie aspekty modelirovaniia sobytii tipa "mezhdunarodnyi konflikt" (na primere osveshheniia osvobodzheniia gorodov Mosul i Aleppo v 2016 godu) v "Ekonomist" [A cognitive-pragmatic description of 'international conflict' event modelling — a case study of the 2016–2017 Mosul and Aleppo liberation operations as depicted by The Economist] / A.S. Zarochentseva, D.N. Novikov. In: Magiia INNO [The Magic of Innovation: New Dimensions in Linguistics and Foreign Language Teaching]: Collection of research papers. In 2 volumes. V. 1. Moscow: MGIMO University, 2017. pp. 231–237.
4. Novikov D.N. O predelakh semanticheskogo var'irovaniia slova [On the Scope of Word Meaning Variation]. In: Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological Sciences in MGIMO]. Moscow, 2005. № 21. pp. 41–53.
5. Svirkovskaia S.V. Ksenofobicheskii diskurs (lingvopragmaticheskii aspekt) [Xenophobic discourse (linguopragmatic aspect)]. Abstract of the thesis for PhD in Philological sciences. Krasnodar, 2005. 36 pp.
6. Tymbay A.A. Manipulirovanie sobesednikom v politicheskom dialoge [Manipulating a partner in a political dialogue]. In: Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological Sciences in MGIMO]. Moscow, 2019. № 19(3). pp. 32–39.
7. Fomina T.A. Manipulativnye priemy dezinformatsii kak sredstvo realizatsii antirossiiskoi propagandy v zagolovkakh angloyazychnykh SMI (na primere osveshheniia «dela Skripalei» v period s marta po oktiabr` 2018 goda) [Manipulation techniques of disseminating misinformation as a means of generating anti-Russian propaganda in the English language media headlines: a case study of the 2018 Salisbury attack as depicted in the English-language news stories] / T.A. Fomina, E.D. Butsyk, In: Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological Sciences in MGIMO]. Moscow, 2019. № 19(3). pp. 50–58.
8. Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Thesis for the degree of Doctor of Philology. Volgograd, 2000. 431 pp.
9. 16,000 READERS SHARED THEIR EXPERIENCES OF BEING TOLD TO 'GO BACK.' HERE ARE SOME OF THEIR STORIES. In: The New York Times, www.nytimes.com/2019/07/19/reader-center/trump-go-back-stories.html (accessed 19 July 2019).
10. Allan K. Forbidden Words. Taboo and the Censoring of Language. / K. Allan, K. Burrige, Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 pp.
11. Cambridge Dictionary, dictionary.cambridge.org/ru/ (accessed 1 November 2019).
12. CHINA FIGHTS NEW WAVE OF BIRD-FLU VIRUS AS DOZENS DIE. In: The Seattle Times, www.seattletimes.com/nation-world/china-fights-new-wave-of-bird-flu-virus-as-dozens-die/ (accessed 18 February 2017).

13. GREAT LOCAL CHINKY, [www.tripadvisor.com.au/ShowUserReviews-g4132315-d724921-r639806267 Fu_Kwai_Chinese_Restaurant-Frenchs_Forest_Warringah_Greater_Sydney_New_South_Wal.html#](http://www.tripadvisor.com.au/ShowUserReviews-g4132315-d724921-r639806267-Fu_Kwai_Chinese_Restaurant-Frenchs_Forest_Warringah_Greater_Sydney_New_South_Wal.html#) (accessed 28 October 2019).
14. Kröll H. O eufemismo e o disfemismo no português moderno. Lisbon: Instituto de Cultura e Língua Portuguesa, 1984. 170 pp.
15. NATIVE AMERICAN LEADERS ASK TRUMP TO APOLOGIZE FOR 'SHAMEFUL' WOUNDED KNEE REMARKS. In: ABC News, abcnews.go.com/Politics/native-american-leaders-trump-apologize-shameful-wounded-knee/story?id=60374772 2019 (accessed 14 January 2019).
16. Online Etymology Dictionary, www.etymonline.com/ (accessed 1 November 2019).
17. Oxford Dictionary, en.oxforddictionaries.com/ (accessed 1 November 2019).
18. SYRIA: DONALD TRUMP SAYS SLAUGHTER IN IDLIB WOULD MAKE US 'VERY ANGRY'. In: The Guardian, www.theguardian.com/world/2018/sep/05/syria-donald-trump-idlib-slaughter-very-angry (accessed 5 September 2018).
19. Urban Dictionary, www.urbandictionary.com/ (accessed 1 November 2019).
20. Von Foerster H. Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition. New York: Springer, 2003. P. 201.

About the authors:

Tatiana A. Fomina – Lecturer at English Language Department No. 1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, experiential linguistics, political discourse analysis.
E-mail: wesna85@bk.ru

Tatiana V. Alieva – PhD, Associate Professor at English Language Department No. 1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, political discourse analysis.
E-mail: t.alieva@rambler.ru

* * *

ГЕНИТИВ И ИМЕННЫЕ ГРУППЫ В ШВЕЙЦАРСКОМ ВАРИАНТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Э.Л. Шубина, И.Б. Клиенкова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России.
Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В нашем исследовании рассматривается исчезновение флексии *-es* из именных групп с указанием на количество или меру (*eine Tasse Tees* > *eine Tasse Tee*). В группах без распространения отказались от партитивного генитива ещё в XVIII веке. Однако генитив сохраняется в распространённых определением группах. В современном немецком языке встречаются несколько вариантов синтаксического построения данных групп. Группы с определением можно оформлять с помощью генитива (*ein Glas warmer Milch*), предлогов (*Hunderte von jungen Mädchen*), согласования обоих существительных в падеже (*einen Becher heißen Tee*) и примыкания (*mit einem Strauß schöne Blumen*). В статье был использован корпус примеров из прессы Швейцарии, с помощью которого была продемонстрирована зависимость синтаксического оформления от семантики существительных с обозначением количества. Все количественные существительные разделены нами на три группы: **Squant 1** существительные с обозначением чисел (*Paar, Dutzend, Hundert, Drittel ...*); **Squant 2 + Ssg** и **Squant 2 + Spl** существительные с обозначением меры и количества (*Gramm, Liter, Pfund, Stück, Glas, Flasche...*); **Squant 3** существительные, обозначающие единства живых существ и предметов (*Gruppe, Mannschaft, Herde, Schaar, Schwarm, Bukett, Strauß*).

Наш материал показал, что генитив не только не исчезает из анализируемых групп, но и остаётся в некоторых случаях преобладающим видом подчинительной связи.

Ключевые слова: швейцарский вариант немецкого языка, именные группы, генитив, предложное управление, согласование, варьирование.

Падёжные колебания в пределах именных групп, в которых первое существительное обозначает меру или количество, фиксируются языковедами уже более 600 лет. Изначально требуемый генитив постепенно вытесняется. В тех именных группах, в которых отсутствует определение перед существительным, которое обозначает вещества или предметы (*eine Flasche Weines*), окончание *-(e)s* считается в современном немецком языке грамматически ошибочным. В именных группах с определением перед вторым существительным допускается использование генитива и не считается ошибочным в современном немецком языке (*eine Flasche guten Weines*).

В средневерхненемецком (примерно с 1050 по 1350 гг.) генитив был типичен для анализируемых именных групп типа *Squant+S* (*Squant* – количественное существительное, *S* – измеряемое существительное), и типа *Squant+Attr.S* (*Attr.* – определение, выраженное прилагательным или причастием). Этот факт подтверждается примерами из текстов XIV века:

(1) *Were iz aber daz wir oder vnse erben so sumig weren daz wir den vorgeant hern von Ottirburg derzweier fuder wines nit engeben offe* (Frey/Remling);

(2) *und gulte ein fuoder guotes wines túsent pfunt* (Frey/Remling).

В качестве конкурента уже в этот период появляются группы без флексии *-(e)s*, которая характерна для существительных сильного типа склонения. У существительных женского рода в средневерхненемецком отсутствовало окончание генитива.:

(3) *ein halb fuoder win* (Freiburger Diöcesan-Archiv).

Учёные утверждали, что в данный период не прослеживались тенденции к отказу от генитива в анализируемых группах, подкрепляя свои предположения примерами из текстов.

В ранненововерхненемецком (примерно с 1350 по 1650 гг.) генитивное окончание стабильно сохраняется в группах без определения и с определением:

(4) *Darnach wird gemeldet / wen Christus bey sich gehabt / nemlich nicht einen gantzen hauffen Volcks ...* (Sattler);

(5) *ein ohm lauters weins* (Schmitt).

Активное вытеснение генитива происходит в текстах XVII века. Речь идёт о нововерхненемецком периоде. При этом флексия *-(e)s* уходит как из группы типа Squant+S, так и из группы типа Squant+Attr.S.

(6) *packte ein stück faulen Käse* (Grimmelshausen);

(7) *Der Teutsche Edelman aber gab dem Diener ein groß stück Rindfleisch* (Johann Walther).

В текстах XVII века можно встретить группы с окончанием *-(e)s* и без окончания в публицистических текстах. В примерах (8) и (9) в именной группе представлены одинаковые существительные. Первое существительное *Summe* стоит в примерах во множественном числе, а второе существительное *Geld* в единственном:

(8) *als ist man in Spania etliche considerable Summen Geldes/ zu Fortsetzung deß Kries nach den Niederlanden zu überschaffen/ beschäftigt* (Ordinari Postzeitung. Nr. 7, 1668);

(9) *... von den Landen grosse Summen Geld zu begehren* (Ordinari Postzeitung. Nr. 31, 1668).

Отказ от генитива в рассматриваемых группах не остался без внимания грамматистов. В грамматиках конца XIX – начала XX века отмечалось, что генитив после количественных существительных без определения может не употребляться [4, с. 374; 2, с. 262; 16, с. 294]. Иначе обстояло дело с именными группами, в которых присутствовало определение перед измеряемым веществом Squant+Attr.S. Для групп с распространением существовали альтернативные способы грамматического оформления. Либо

определение склоняется по сильному типу, либо используется предлог *von, mit*. Некоторые грамматисты конца XIX века настоятельно рекомендовали использовать генитив *ein Glas starken Weines* (не: *starker Wein*) [2, с. 262]. Употребление обоих существительных в идентичном падеже считалось допустимым только для обиходно-разговорной речи *eine Menge lustige Sachen* (вместо *lustiger*) [10, с. 102; 4, с. 1240]. Начиная с середины XX века мнения грамматистов относительно синтаксической организации групп типа Squant+Attr.S расходятся. Некоторые языковеды считали, что использование генитива типично для образованных людей *eine Portion gemischten Kompottes* (не: *gemischtes Kompott*) [14, с. 350; 13, с. 69], а согласование компонентов встречается в деловом немецком языке и в обиходно-разговорной речи [8, с. 255; 3, с. 53]. Только со второй половины XX века авторы немецких грамматик стали отдавать предпочтение согласованию существительных в падеже *ein Liter kühles Wasser* [11, с. 161; 6, с. 52]. Генитив был уместен с их точки зрения лишь в торжественных случаях [12, с. 350].

Таким образом, авторы нормативных грамматик немецкого языка считают, что генитивное окончание в именных группах без определения (*ein Stück Fleisch*, не: *ein Stück Fleisches*) является грамматически неправильным [9, с. 618]; [18, с. 1979]; [6, с. 637]; [7, с. 261]; [5, с. 983]. Однако генитив прочно сохраняется в именных группах с определённым и неопределённым артиклем или местоимениями (личными, указательными) перед вторым существительным именной группы:

(10) *... aber ein Stück des vergoldeten Rahmens schimmerte hervor* (Schmitter);

(11) *Ein Kilo seines feinsten Longjings verkauft Ni für das Monatsgehalt eines Pekingers Arbeiters, umgerechnet 200 Mark* (Die Zeit);

(12) *... hatte man auf dem Bahnhof von Antwerpen einen Koffer mit rund einem Kilo eines unheimlichen neuen Rauschgifts im Futter sichergestellt ....* (Kopetzky).

Если второе существительное распространено только определением, то в современном немецком языке количественные именные группы могут оформляться следующими способами:

(а) при помощи генитива: *mit einer Flasche echten Champagners*;

(б) при помощи предлогов: *ein Glas mit kaltem Wasser*.

Использование предлогов помогает решить проблему выбора падежа. Выбранный предлог

управляет падежом второго существительного, независимо от того, в каком падеже стоит существительное, обозначающее меру. Присоединяются вторые существительные при помощи предлогов *von*, *mit* и *an*. Все перечисленные предлоги управляют дательным падежом:

(13) *Nicht weit von ihr standen eine Platte mit gebratenen Hühnern und ein Korb mit geschnittenem Weißbrot* (Pressler);

(14) *Eine Unmenge von leeren Flaschen stand neben dem Bett ...* (Düffel);

(15) .... *dass grosse Mengen an Biomasse aus dem biologischen Kreilauf herausgezogen werden* (Kaschnitz);

(с) при помощи согласования существительных в падеже: *eine Tasse warme Milch*.

В этих именных группах второе существительное стоит в том же падеже, что и первое существительное. Данный способ грамматического оформления именуется лингвистами по-разному. Речь идёт либо об аппозиции, либо о параллельной флексии. Под аппозицией (Apposition) авторы самой авторитетной грамматики Дудена понимают определение, выраженное существительным, которое согласуется с падежом существительного или местоимения, к которому оно относится [5, с. 96]. При параллельной флексии (Parallelflexion) падеж существительного, обозначающего меру, переходит на падеж существительного, которое обозначает вещество или предметы [19]. На наш взгляд, в этих понятиях речь идёт об идентичной падежной форме обоих компонентов группы, поэтому мы именуем данный вид связи согласованием (Kongruenz).

(d) слабого окончания прилагательного *-en*: *mit einem Glas kalten Wasser*

Слабое окончание *-en* возможно лишь в группах, в которых первый компонент стоит в дативе. В качестве второго существительного употребляется существительное мужского рода. Слабое окончание прилагательного в данных группах упоминается лишь в грамматике Дудена [6, с. 983]. Авторы авторитетной грамматики объясняют появление слабого окончания прилагательного неуверенностью носителей языка при выборе окончания. Согласно правилам склонения прилагательных в примере (16) нужно использовать сильное окончание *-em* (*mit einer Tasse schwarzem Kaffee*) или же использовать генитив (*mit einer Tasse schwarzen Kaffees*):

(16) *Eine Ordonnanz kam mit einer Tasse schwarzen Kaffee* (Plivier).

Употребление слабого окончания вместо сильного в дативе достаточно часто встречается в данных именных группах, поэтому мы рассматриваем их как один из способов синтаксической организации групп типа Squant+Attr.S.

е) примыкания: *mit einem Strauß schöne Blumen*

Примыкание как вид синтаксической связи допускается лингвистами лишь для вторых существительных во множественном числе. В авторитетном справочном издании Дудена, посвящённом основным трудностям немецкого языка, можно обнаружить такие примеры *mit einem Korb reife Äpfel*; *mit einem Strauß rote Rosen* [5, с. 105].

Обычно в нормативных грамматиках не упоминается об использовании краткой формы прилагательного в пределах анализируемых именных групп. Однако краткая форма встречается особенно часто в текстах XVI и XVII века. Редкими примерами представлены группы типа Squant+Attr.S в текстах XVIII, XIX и даже XX века.

XVI век: *Nimm ein Stück gesotten Salm/ hack jhn klein mit grünen wolschmeckenden Kräutern/ vnd geriebnein weissen Weck* (Rumpolt);

XVII век: *vnd ein groß Stücke trucken Brod bey dem Brunnen zu essen/ mit mir genommen/ aber nicht glauben können/ daß ich solches würd auffessen können/ wie man mir gesagt* (Glauber);

XVIII век: *Was bin ich doch in meiner Jugend für ein dummer Mensch gewesen, daß ich nicht zu schätzen wußte, was für eine grosse Wohlthat Gottes ein Stück trocken Brod sei!* (Campe);

XIX век: *Ja, versetzte Wilhelm, ein Stück trocken Brod mit auch zu essen, ist angenehmer, als fette Milch mit Wetßbrod und Eierpfannenkuchen* (Jung-Stilling).

Сочетания с краткой формой встречаются крайне редко в художественных текстах XX века и выполняют стилистическую функцию. При этом в роли вторых существительных представлены существительные исключительно среднего рода *einen Kanten trocken Brod* (Грасс); *ein Tropfen siedend Öl* (Thomas Mann).

В некоторых случаях не представляется возможным определить вид связи в именных группах. Так, группы со вторым существительным женского рода в дативе *mit fünf Stunden harter Arbeit* можно отнести и к генитиву, и к согласованию. Окончание прилагательного *-er* указывает на датив и генитив. Если первое существительное стоит в генитиве, то всю группу можно отне-

сти к генитиву и согласованию *in Erwartung eines Stückes freien Wassers*. Данные примеры классифицируются нами как амбивалентные формы.

Для ответа на вопрос о частотности использования генитива в именных группах, в которых первый компонент обозначает меру, мы обратились к прессе швейцарского варианта немецкого языка. Для нас немецкий язык является плюрицентрическим языком, так как он имеет три национальных варианта: собственно немецкий, швейцарский и австрийский [1]. Данные именные группы анализировались языковедами в немецком литературном языке [15; 17; 19], а синтаксис именных групп с обозначением количества в швейцарском варианте немецкого языка не рассматривался ни в одной работе по германистике.

Для анализа тенденций в области малого синтаксиса использовались местные и надрегиональные газеты и журналы. В медиатекстах достаточно часто можно обнаружить лексемы с количественной семантикой. Кроме того, язык представлен в медийном пространстве в его современном виде, а в языке СМИ отражаются, как правило, многие языковые изменения.

Все количественные существительные разделены нами на три группы:

1) **Squant 1** существительные с обозначением чисел (*Paar, Dutzend, Hundert, Drittel, Viertel, Tausend, Million, Milliarde*). Вторые компоненты данных групп стоят во **множественном** числе.

2) **Squant 2 + Ssg** существительные с обозначением меры и количества (*Gramm, Liter, Pfund, Stück, Glas, Flasche, Tasse, Löffel, Karaffe, Menge, Haufen, Prise, Handvoll* и другие). Вторые компоненты группы стоят в **единственном** числе. **Squant 2 + Spl.** Вторые существительные стоят в данной модели во **множественном** числе.

3) **Squant 3** существительные, обозначающие единства живых существ и предметов в прямом смысле (*Gruppe, Mannschaft, Herde, Schaar, Schwarm, Bukett, Strauß*). Вторые компоненты данных групп стоят во **множественном** числе.

Сочетания структурной модели **Squant 1+Attr.S** представлены в нашей выборке 365 примерами. В таблице 1 отражено количественное соотношение групп по падежам и видам связи.

Таблица 1. Зависимость вида связи от падежа первого компонента модели **Squant 1+Attr.S** в швейцарском медиадискурсе

падеж первого компонента	номинатив	генитив	датель	аккузатив	Всего
генитив	44	-	16	30	90 (24,7%)
предложное управление	78	-	6	34	118 (32%)
согласование	54	-	30	69	153 (42%)
примыкание	-	-	3	-	3 (1%)
амбивалентные формы	-	1	-	-	1 (0,3%)
Всего	176 (48%)	1 (0,3%)	55 (15%)	133 (36,7%)	365 (100%)

Из таблицы видно, что группы типа **Squant 1+Attr.S** организованы преимущественно при помощи **согласования** (42%). Первое существительное группы стоит во всех падежах кроме генитива:

(17) Nom. *Seit Anfang Jahr haben Tausende junge Kosovaren ihr Land verlassen...* (Weltwoche);

(18) Dat. *Der FAO-Etat von etwa einer Miiliarde Dollar sei zu klein für die Herausforderung, einer Milliarde hungernden Menschen zu helfen.* (Luzerner Zeitung);

(19) Akk. *50 Millionen neue Jobs will er schaffen* (Weltwoche).

Именные группы типа **Squant 1+Attr.S**, организованные при помощи **предлогов**, составили 32% от общего количества микротекстов. Первое существительное встретилось во всех падежах кроме генитива:

(20) Nom. *1943 protestierten Hunderte von deutschen Frauen gegen die Internierung ihrer jüdischen Ehemänner* (Weltwoche);

(21) Dat. *Das Stück bestand aus Dutzenden von unterschiedlichsten Tonspuren* (Jungfrau Zeitung);

(22) Akk. *Die Schweiz schloss im vergangenen Jahr Hunderte von völkerrechtlichen Verträgen ab* (Weltwoche).

Группы с генитивом составили примерно 25% от всех примеров нашего корпуса, при этом первые существительные встретились во всех падежах кроме генитива:

(23) Nom. *Tausende abgelehnter Asylanten verlassen die Schweiz nicht und tanzen den Kantonen auf der Nase herum* (Weltwoche);

(24) Dat. *... mit einem Dutzend talentierter Künstler* (Jungfrau Zeitung);

(25) Akk. ...für **Millionen chinesischer Wanderarbeiter** (Weltwoche).

В именных группах, оформленных с помощью **примыкания**, первый компонент стоит в дативе в 3 примерах:

(26) Dat. ... mit **einem Paar bequeme Schuhe** (Jungfrau Zeitung).

Корпусные данные показали, что в группе с обозначением чисел преимущественно используется согласование. Можно объяснить эту зависимость тем, что, вероятно, у носителей языка эти существительные ассоциируются с числительными, после которых в немецком языке используется согласование. Примерно треть кор-

пуса принадлежит предложному управлению. Генитив представлен в четвертой части примеров, что не свидетельствует об активном вытеснении генитива. Генитив использовался во всех падежах. Описанное в грамматиках примыкание представлено в прессе Швейцарии. Таким образом, в Швейцарском варианте немецкого языка представлены все типы связи, которые рекомендуются нормативными грамматиками.

Сочетания структурной модели **Squant 2+Attr.Ssg** представлены в нашей выборке 325 примерами. В таблице 2 отражено количественное соотношение групп по падежам, родам и видам связи.

Таблица 2. Зависимость вида связи от падежа первого компонента и рода второго компонента модели **Squant 2+Attr.Ssg** в швейцарском медиадискурсе

падеж первого компонента	номинатив			генитив			датив			аккузатив			всего	доля в %
	m	n	f	m	n	f	m	n	f	m	n	f		
род второго компонента														
генитив	5	12	20				13	10		9	7	12	88	27%
предложное управление	1		2				1	1			2	2	9	3%
согласование	26	25	23				10	17		32	36	34	203	62%
примыкание							1						1	0,3%
амбивалентные формы				2		1			21				24	7%
Всего	32	37	45	2		1	25	28	21	41	45	48	325	
доля в %	114 (35%)			3 (1%)			74 (23%)			134 (41%)			325 (100%)	

Из таблицы видно, что группы типа **Squant 2+Attr.Ssg** организованы преимущественно при помощи **согласования** (62%). Первое существительное группы стоит во всех падежах кроме генитива:

(27) Nom. Ein **Stück personifizierte Natur** (Jungfrau Zeitung);

(28) Dat. Wer sich nach wohliger Wärme sehnt, verwöhnt sich ... am besten mit einer **Tasse dampfendem Kräutertee** (Glueckspost);

(29) Akk. Heide Moll darf sogar auf 55 Jahre **aktives Akkordeonspielen** zurückschauen (Basellandschaftliche Zeitung).

Группы с генитивом составили примерно 27% от всех примеров нашего корпуса, при этом первые существительные встретились во всех падежах кроме генитива:

(30) Nom. Mike Mills gelingt ein federleichtes **Stück witzig verspielter, romantischer Nostalgie** (Weltwoche);

(31) Dat. ... nach elf **Jahren aufreibenden Kampfs** (Weltwoche);

(32) Akk. Zumindest beschert sie dem weihevollen **Geistlichen des Vatikans (Nils Althaus) eine Menge zusätzlicher Arbeit** (Landbote).

Именные группы типа **Squant 2+Attr.Ssg**, организованные при помощи **предлогов**, соста-

вили лишь 3% от общего количества микротекстов. Первое существительное встретилось во всех падежах кроме генитива:

(33) Nom. Wo die Schatten auf den Zeltbezug fielen, wechselten **Streifen von tiefem, aber glühendem Indigo mit Streifen von intensiver Strahlung** (Weltwoche);

(34) Dat. Nach etwa vierzig **Minuten von Brasiliens peinlichem Spiel gegen Australien** gab es eine Pause wegen eines verletzten Australiers (Weltwoche);

(35) Akk. ... verbrauchen 1 **Million Kilowattstunden an elektrischer Energie** (Neue Zürcher Zeitung).

В единственном примере с примыканием первое существительное стоит в дативе:

(36) Dat. Vier Personen versüssten sich ihren **Japanaufenthalt noch mit drei Tagen individuelle Reise** (Jungfrau Zeitung).

Наш материал показал, что в именных группах модели **Squant 2+Attr.Ssg** прослеживается зависимость выбора вида связи от падежа первого существительного и рода второго существительного. Так, в группах с первым существительным в **номинативе и аккузативе** большинство групп оформлялось с помощью **согласования**.

Исследование показало, что большинство существительных *среднего рода* в качестве вторых компонентов именных групп оформляются с помощью *согласования*. Существительные *женского рода* в качестве вторых компонентов преобладают в группах с *генитивом* и *предложным управлением*. Существительные *женского рода* доминируют в группах с двояким толкованием связи.

Таблица 3. Зависимость вида связи от падежа первого компонента модели **Squant 2+Attr.Spl** в швейцарском медиадискурсе

падеж первого компонента	номинатив	генитив	датив	аккузатив	всего	доля в %
генитивное управление	26		23	32	81	51%
предложное управление	4		1	6	11	7%
согласование	29		8	27	64	42%
мбивалентные формы		1			1	0,6%
Всего	58	1	31	64	157	100%
доля в %	38%	0,6%	20%	42%		

Из таблицы видно, что группы типа **Squant 2+Attr.Spl** организованы преимущественно при помощи *генитива* (51%). Первое существительное группы стоит во всех падежах кроме генитива:

(37) Nom. *Die Piraten - ein **Haufen merkwürdiger Typen*** (Luzerner Zeitung);

(38) Dat. *Die SVP 2011 besteht aus einem Papst, einer **Handvoll eifertiger Kurienkardinäle** und vielen, vielen Gläubigen* (Weltwoche);

(39) Akk. *Für die Schweiz hat der Bundesrat am Freitag ein ganzes **Packet neuer Vorschriften** verabschiedet* (Luzerner Zeitung).

Группы с согласованием составили 42% от всех примеров нашего корпуса, при этом первые существительные встретились во всех падежах кроме генитива:

(40) Nom. *Hundert **Kilogramm frische Teeblätter** ergeben 25 Kilogramm Schwarztee* (Weltwoche);

(41) Dat. *Bei Polizeiaktionen in 33 Ländern ist der illegale Handel mit rund 1200 **Tonnen gefälschten Lebensmitteln** aufgefliegen* (Neue Zürcher Zeitung);

(42) Akk. *Bei einer... **Hausdurchsuchung** hat die Polizei ... 100 **Gramm getrocknete Mohnkapseln** und Muniton sichergestellt* (Neue Zürcher Zeitung).

Таблица 4. Зависимость вида связи от падежа первого компонента модели **Squant 3+Attr.S** в швейцарском медиадискурсе

падеж первого компонента	номинатив	генитив	датив	аккузатив	всего	доля в %
генитив	64		34	51	149	71%
предложное управление	17	5	13	20	55	27%
согласование				3	3	1%
амбивалентные формы		3			3	1%
Всего	81	8	47	74	210	100%
доля в %	39%	4%	22%	35%		

Таким образом, несмотря на преимущество согласования, генитив не так активно вытесняется из группы типа **Squant 2+Attr.Ssg**.

Сочетания структурной модели **Squant 2+Attr.Spl** представлены в нашей выборке 154 примерами. В таблице 3 отражено количественное соотношение групп по падежам и видам связи.

Именные группы типа **Squant 2+Attr.Spl**, организованные при помощи *предлогов*, составили лишь 7% от общего количества микротекстов. Первое существительное встретилось во всех падежах кроме генитива:

(43) Nom. *Im Schnitt wurden 2012 und 2013 nur knapp 15 **Prozent von etwa 3000 gestellten Anträgen** positiv bewertet* (Weltwoche);

(44) Dat. *Nachdem er sich bereits mit einer stattlichen **Anzahl von 12- und 13-jährigen Mädchen** vermählt hatte, verhinderte Satan in Gestalt des FBI die Vollendung des Planes* (Weltwoche);

(45) Akk. *Eine Fernsehdokumentation der BBC ....hatte die Regierung Kanadas bewogen, eine **Anzahl von potenziellen Opfern** und deren Familien aufzunehmen* (Weltwoche).

Таким образом, в номинативе и аккузативе именные группы были организованы примерно в равном соотношении при помощи генитива и согласования, а вот в дативе преимущественно использовался генитив.

Сочетания структурной модели **Squant 3+Attr.S** представлены в нашей выборке 210 примерами. В таблице 4 отражено количественное соотношение групп по падежам и видам связи.

Иначе выглядит соотношение видов связи в именной группе типа **Squant 3+Attr.S**. Из таблицы видно, что группы типа **Squant 3+Attr.S** организованы преимущественно при помощи *zenitivа* (71%). Первое существительное группы стоит во всех падежах кроме генитива:

(46) Nom. ... *eine Herde buntscheckiger Ziegen kreuzt unbekümmert die Fahrbahn* (Luzerner Zeitung);

(47) Dat. *Sie reist, von Theater zu Theater, solo zwar, aber immer mit einem ganzen Pulk interessanter Figuren im Gepäck* (Weltwoche);

(48) Akk. ... *für eine Gruppe älterer Feministinnen* (Weltwoche).

Именные группы типа **Squant 3+Attr.S**, организованные при помощи *предлогов*, составили 27% от общего количества микротекстов. Первое существительное встретилось во всех падежах кроме генитива:

(49) Nom. *Das Quintett, ... ist eine Gruppe von grossen Melodikern* (um nicht zu sagen Melomanen) (Weltwoche);

(50) Dat. ... *die Interessen einer kleinen Gruppe von nationalen politischen und wirtschaftlichen Eliten zu versammeln* (Weltwoche);

(51) Akk. ... *könnte das Grossformat auch mal der Anlass sein. eine Gruppe von lebenslustigen Frauen zu versammeln* (Weltwoche).

Группы с согласованием составили только 1% от всех примеров нашего корпуса, при этом первые существительные встретились только в аккумулятиве:

(52) Akk. ... *dies brachte eine Gruppe „Junge Bosnier“ dazu* (Weltwoche).

В нашем исследовании была показана синтаксическая организация именных групп с количе-

ственным значением в медиадискурсе швейцарского варианта немецкого языка. Построение именных групп с распространённым вторым компонентом **Squant+Attr.S** существенно отличается от построения групп типа **Squant+Attr.S**. В то время как в нераспространённых группах генитив использовался нечасто начиная с XVI века и почти полностью исчез в современном языке, доля групп с генитивом в распространённых именных группах стабильно сохраняется. Особенно высока доля генитива (72%) в группах с первым компонентом, обозначающим совокупности живых существ и предметов (*Gruppe, Mannschaft, Herde, Schaar, Schwarm, Bukett, Strauß*). Примерно половина групп с первым компонентом, обозначающим меру и количество, была оформлена при помощи генитива. Эта статистика касается групп с множественным числом. Наиболее активно вытесняется генитив из групп с множественным числом с обозначением чисел. Однако и в этом случае говорить об исчезновении генитива не приходится. В группе с первым компонентом, обозначающим меру и количество, происходит активное вытеснение генитива из групп с существительными мужского и среднего рода в единственном числе.

Таким образом, наш материал показал, что в швейцарском варианте немецкого языка генитив преобладает в группах с множественным числом и женским родом. Неоспоримым представляется утверждение, что выбор вида подчинительной связи определяется семантикой первого существительного, что оправдывает разделение всех существительных с количественным значением на три группы.

Список литературы

1. Клиенкова И.Б. Влияние различных факторов на выбор синтаксической связи субстантивных словосочетаний с количественным значением в швейцарском варианте немецкого литературного языка // Сборник статей VII Международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук». М. 2015. С. 52-62.
2. Andresen K.G. Sprachgebrauch und Sprachrichtigkeit im Deutschen. Leipzig.: O.R. Reisland, 1898. 465 S.
3. Betcke B. Deutscher Sprach – Ratgeber. Leipzig.: Brockhaus, 1947. 267 S.
4. Blatz Fr. Neuhochdeutsche Grammatik mit Berücksichtigung der historischen Entwicklung der deutschen Sprache. – Bd. II. Satzlehre. – Karlsruhe: Lang, 1896. 1314 S.
5. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. 5., neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. 953 S.
6. Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 8., überarbeitete Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. – Mannheim u.a.: Dudenverlag (Duden Band 4), 2009. 939 S.
7. Eisenberg P. Grundriß der deutschen Grammatik, Bd. 1: Das Wort, Bd. 2: Der Satz, 4. Auflage. Stuttgart: 2013. 435 S.
8. Engel E. Gutes Deutsch: Ein Führer durch Falsch und Richtig. 4. durchges. Aufl. Leipzig: Hesse u. Becker, 1929. 375 S.
9. Engel U. Deutsche Grammatik. –3. Auflage. Heidelberg: 1996. 307 S.
10. Erdmann O., Mensing O. Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt. Stuttgart: Gotta, 1898. 276 S.

11. Flückiger M. Richtiges Deutsch. Berlin: Langenscheidt, 1988. 375 S.
12. Hallwass E. Mehr Erfolg mit gutem Deutsch. Stuttgart, Zürich, Wien: Das Beste, 1979. 736 S.
13. Hirschbold K. Besseres Deutsch von A bis Z: Ein Nachschlagewerk für Österreicher. Wien: Österr. Bundesverl. für Unterricht, Wiss. und Kunst, 1976. 227 S.
14. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig.: Bibliogr. Inst., 1980. 448 S.
15. Löbel E. Apposition und Komposition in der Quantifizierung: Syntaktische, semantische und morphologische Aspekte quantifizierender Nomina im Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 1986. 215 S.
16. Paul H. Deutsche Grammatik. Bd. 2, Teil III. Flexionslehre. 345 S.; Bd. 3, Teil IV. Syntax. 456 S. Halle (Saale): Niemeyer, 1954.
17. Shubina E.L., Blühdorn H. Pseudopartitive Nominalgruppen vom Typ Nquant+Adj+N in der deutschen Literatursprache des 17. bis 20. Jahrhunderts. // Deutsche Sprache. 43. 2015. S. 220-254.
18. Zifonun G. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin, New York: 1997. 489 S.
19. Zimmer Ch. Bei einem Glas guten Wein(es): Der Abbau des partitiven Genitivs und seine Reflexe im Gegenwartsdeutschen. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur (PBB). 137. 2015. S. 220 – 254.

Сведения об авторах:

Шубина Эльвира Леонидовна – профессор кафедры немецкого языка МГИМО МИД России, доктор филологических наук, доцент. E-mail: elvira.shubina@mail.ru

Клиенкова Ирина Борисовна – старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России, кандидат филологических наук. E-mail: irina.klienкова@mail.ru

GENITIVE AND NOUN GROUPS IN THE SWISS VERSION OF THE GERMAN LANGUAGE

E.L. Shubina, I.B. Klienкова

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The disappearance of inflexion -es from the noun groups denoting quantity or measure (eine Tasse Tees > eine Tasse Tee) is in the focus of the article. In the groups without distribution partitive genitive was dropped in the XVIII century already. However, the genitive remains in the groups extended by attributes. In contemporary German there are several syntactic types of such groups. Groups with attribution can be formed by means of the genitive case (ein Glas warmer Milch), prepositions (Hunderte von jungen Mädchen), cordination of both nouns in case (einen Becher heißen Tee) and attachment (mit einem Strauß schöne Blumen). A corpus of examples from the press of Switzerland is adduced in the article to demonstrate the dependence of syntactic construction on the semantics of nouns denoting quantity. All quantitative nouns have been divided into three groups: **Squant 1** noun by the designation of the numbers (Paar, Dutzend, Hundert, Drittel ...); **Squant 2 + Ssg** and **Squant 2 + Spl** noun c by the designation of a measure and quantity (Gramm, Liter, Pfund, Stück, Glas, Flasche...); **Squant 3** the noun, designating totalities of the living beings and objects (Gruppe, Mannschaft, Herde, Schaar, Schwarm, Bukett, Strauß). The study has showed that not only has the genitive not disappeared from the analyzed groups but it also remains in certain cases a predominant form of subordination.*

Key Words: *the Swiss version of German language, noun phrases, genitive, prepositional constructions, case agreement constructions, variation.*

References

1. Klienкова I.B. Vliianie razlichnykh faktorov na vybor sintaksicheskoi svyazi substantivnykh slovosochetanii s kolichestvennym znacheniem v shveitsarskom variante nemetskogo literaturnogo iazyka [Influence of different factors on the choice of syntactic type of substantive word-combinations with quality meanings in the Swedish variant of literary German] // Sbornik statei VII Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy sovremennoi lingvistiki i gumanitar-

- nykh nauk». [Proceedings of VII International conference “Topical problems of modern linguistics and humanities”] М.: 2015. S. 52-62.
2. Andresen K.G. Sprachgebrauch und Sprachrichtigkeit im Deutschen. Leipzig.: O.R. Reisland, 1898. 465 S.
  3. Betcke B. Deutscher Sprach – Ratgeber. Lpz.: Brockhaus, 1947. 267 S.
  4. Blatz Fr. Neuhochdeutsche Grammatik mit Berücksichtigung der historischen Entwicklung der deutschen Sprache. Bd. II. Satzlehre. Karlsruhe: Lang, 1896. 1314 S.
  5. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. 953 S.
  6. Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 8., überarbeitete Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Mannheim u.a.: Dudenverlag (Duden Band 4), 2009. 939 S.
  7. Eisenberg P. Grundriß der deutschen Grammatik, Bd. 1: Das Wort, Bd. 2: Der Satz, 4. Auflage. Stuttgart: 2013. 435S.
  8. Engel E. Gutes Deutsch: Ein Führer durch Falsch und Richtig. – 4. durchges. Aufl. Lpz.: Hesse u. Becker, 1929. 375 S.
  9. Engel U. Deutsche Grammatik. 3. Auflage, Heidelberg: 1996. 307 S.
  10. Erdmann O., Mensing O. Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt. Stuttgart: Gotta, 1898. 276 S.
  11. Flückiger M. Richtiges Deutsch. Berlin: Langenscheidt, 1988. 375 S.
  12. Hallwass E. Mehr Erfolg mit gutem Deutsch. Stuttgart, Zürich, Wien: Das Beste, 1979. 736 S.
  13. Hirschbold K. Besseres Deutsch von A bis Z: Ein Nachschlagewerk für Österreicher. Wien: Österr. Bundesverl. für Unterricht, Wiss. und Kunst, 1976. Halle (Saale): Niemeyer, 1954. 227 S.
  14. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache./ Bearb. von G. Starke. – 6. neubearb. Aufl. Leipzig.: Bibliogr. Inst., 1980. 448 S.
  15. Löbel E. Apposition und Komposition in der Quantifizierung: Syntaktische, semantische und morphologische Aspekte quantifizierender Nomina im Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 1986. 215 S.
  16. Paul H. Deutsche Grammatik. Bd. 2, Teil III. Flexionslehre. 345 S.; Bd. 3, Teil IV. Syntax. 456 S. Halle (Saale): Niemeyer, 1954.
  17. Shubina E.L., Blühdorn H. Pseudopartitive Nominalgruppen vom Typ Nquant+Adj+N in der deutschen Literatursprache des 17. bis 20. Jahrhunderts.// Deutsche Sprache. 43. 2015. S. 220-254.
  18. Zifonun G. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin, New York: 1997. S. 489.
  19. Zimmer Ch. Bei einem Glas guten Wein(es): Der Abbau des partitiven Genitivs und seine Reflexe im Gegenwartsdeutschen. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur (PBB). 137. 2015. S.250 –254.

About the authors:

Elvira L. Shubina – Advanced PhD, Professor at the German Language Department, MGIMO University.
E-mail: elvira.shubina@mail.ru

Irina B. Klienкова – Assistant Professor at the German language Department, MGIMO University.
E-mail: irina.klienкова@mail.ru

* * *

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ПЕРЕВОДУ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

М.Е. Коровкина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

А.Л. Семёнов

Московский государственный лингвистический университет,
119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38

В.И. Ершов

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Одинцовский филиал, 143007, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3

В статье представлена авторская модель профессиональных переводческих компетенций – коммуникативной, экстралингвистической и специальной, увязанных со структурой вторичной языковой личности. Описывается процесс формирования переводческих компетенций специалиста-нелингвиста на основе развития компетентности по основной специальности. С учётом результатов более ранних лингвистических исследований соотношения мышления и речи изучается процесс порождения высказывания на основе устойчивого мыслительного образа, уже имеющего интерпретацию в других языковых кодах. Языковая интерпретация привычного образа требует коммуникативного навыка, фоновых знаний и практического опыта. Языковая интерпретация в данной ситуации рассматривается как аналитико-синтетический процесс, в котором происходит интерполяция имеющегося или аналогичного образа на базу сформированных речевым опытом стереотипных высказываний в конкретной предметной области. Развитие практического переводческого навыка усматривается в сближении имеющейся коммуникативной компетенции и формируемой специальной переводческой компетенции.

Подчёркивается необходимость внедрения в процесс обучения интегрированных программ, объединяющих несколько предметных областей и способствующих формированию специальных переводческих компетенций на основе знаний в предметной области изучаемой специальности на родном языке и овладения коммуникативной компетенцией в иностранном языке (ИЯ).

Ключевые слова: профессиональные переводческие компетенции, вторичная языковая личность, концептуальный тезаурус, языковая картина мира, аналитико-синтетический процесс, коммуникативная компетенция.

Перевод – когнитивный процесс

Современная ситуация в сфере обмена информацией характеризуется расширением интереса к изучению иностранных языков как необходимого коммуникативного средства. Эта ситуация требует поиска новых

активных методик обучения переводу. Целью нашего исследования является разработка функциональных методов формирования и активизации переводческих компетенций для решения профессиональных коммуникативных проблем, проецируемых на информационные потоки. Используя практические аспекты существующих

компетентностных подходов в теории языковой личности Ю.Н. Караулова [4], вторичной языковой личности И.И. Халеевой [10], в проведённом исследовании проанализированы потенциальные возможности языковой личности переводчика как активного соучастника коммуникативного процесса. В данном случае использована аргументация Н.Н. Гавриленко, и под термином «компетенция» понимается внутренний ресурс, готовность, позволяющая специалисту действовать в своей профессиональной области и означающая знания, умения и навыки [1, с. 13].

Перевод с родного на иностранный язык часто используется в качестве активного приёма при развитии прикладных знаний иностранного языка. Собственно перевод как коммуникативное средство является основной целью изучения иностранного языка специалистами лингвистического профиля. Предпринятое исследование было инициировано проблемой поиска инструмента для расширения коммуникативного опыта студента в среде изучаемого иностранного языка. Специфической особенностью когнитивного процесса в такой ситуации является то, что студент обладает развитым речемыслительным навыком ещё и в терминах той предметной области, которая становится областью его профессиональной деятельности.

В методическом плане исследование исходит из того, что к моменту начала изучения иностранного языка студент лингвистического профиля уже устойчиво владеет родным языком как средством профессиональной коммуникации. Это означает, что в таком случае методика обучения иностранному языку в переводческих целях должна строиться не в направлении от слова к мысли, а, наоборот, от мысли к слову. То есть необходимо создать иноязычный речевой аппарат на уже существующих мыслительных навыках, используя имеющийся коммуникативный опыт студента, который он уже накопил в коммуникации на родном языке.

В.Н. Комиссаров выделил четыре основные компетенции переводчика: языковую, коммуникативную, текстообразующую, техническую и отдельно добавил характеристику личностной составляющей профессиональной компетенции [5, с. 21]. Под языковой компетенцией он понимал владение иностранным языком во всех его аспектах, под текстообразующей – умение строить тексты, а под коммуникативной – способность к интерпретации смысла и логическим выводам. Коммуникативная компетенция объ-

единяет языковую и дискурсивную (текстообразующую). Отдельно В.Н. Комиссаров выделил чисто переводческие умения, назвав их технической компетенцией [5, с. 27].

Примерно в это же время свою собственную модель переводческих компетенций представил Л.К. Латышев. Он выделил базовую и прагматическую составляющие. В первую входят «элементы ПК, задействованные в профессиональном переводе постоянно – во всех его видах...» [7, с. 5] и включающие концептуальную составляющую, означающую понимание стратегии перевода, знание теории перевода, и технологическую, относящуюся к овладению переводческими приёмами. Вторая (прагматическая) часть содержит компетенции, или, по терминологии Л.К. Латышева, знания, умения, навыки, относящиеся к видам перевода и жанрам исходного текста и предметным областям: специфическая составляющая относится к видам перевода, а специальная – к его жанрам и тематике исходного текста [7, с. 18]. В дальнейших исследованиях [8, с. 192] на материалах английского и немецкого языка было доказано, что переводческие компетенции имеют универсальные свойства и не зависят от частных особенностей языков, участвующих в коммуникации.

Ещё одна модель переводческих компетенций была представлена С.В. Евтеевым. Им было выделено три блока компетенций, увязанных с тремя фазами процесса перевода. Это рецептивная компетенция, представляющая собой понимание и интерпретацию текста ИЯ (исходного языка), продуктивная компетенция, отвечающая за порождение ПТ, и компетенция оценки качества перевода – переводческий самоконтроль при отборе вариантов перевода. При этом в модели был конкретизирован набор компетенций, связанных с первым рецептивным блоком, куда вошли лингвистическая, межкультурная, прагматическая и специальная предметная составляющие. Продуктивная компетенция подразумевает наличие чисто переводческих умений и навыков (знание теории перевода и умение применять её на практике). Также в неё была включена текстообразующая (или дискурсивная) подкомпетенция [3].

Аналитико-синтетический комплекс в переводе

Наше исследование показывает, что рецепция в трёхфазовом процессе перевода связана с анализом смысла исходного текста, а продукция с его

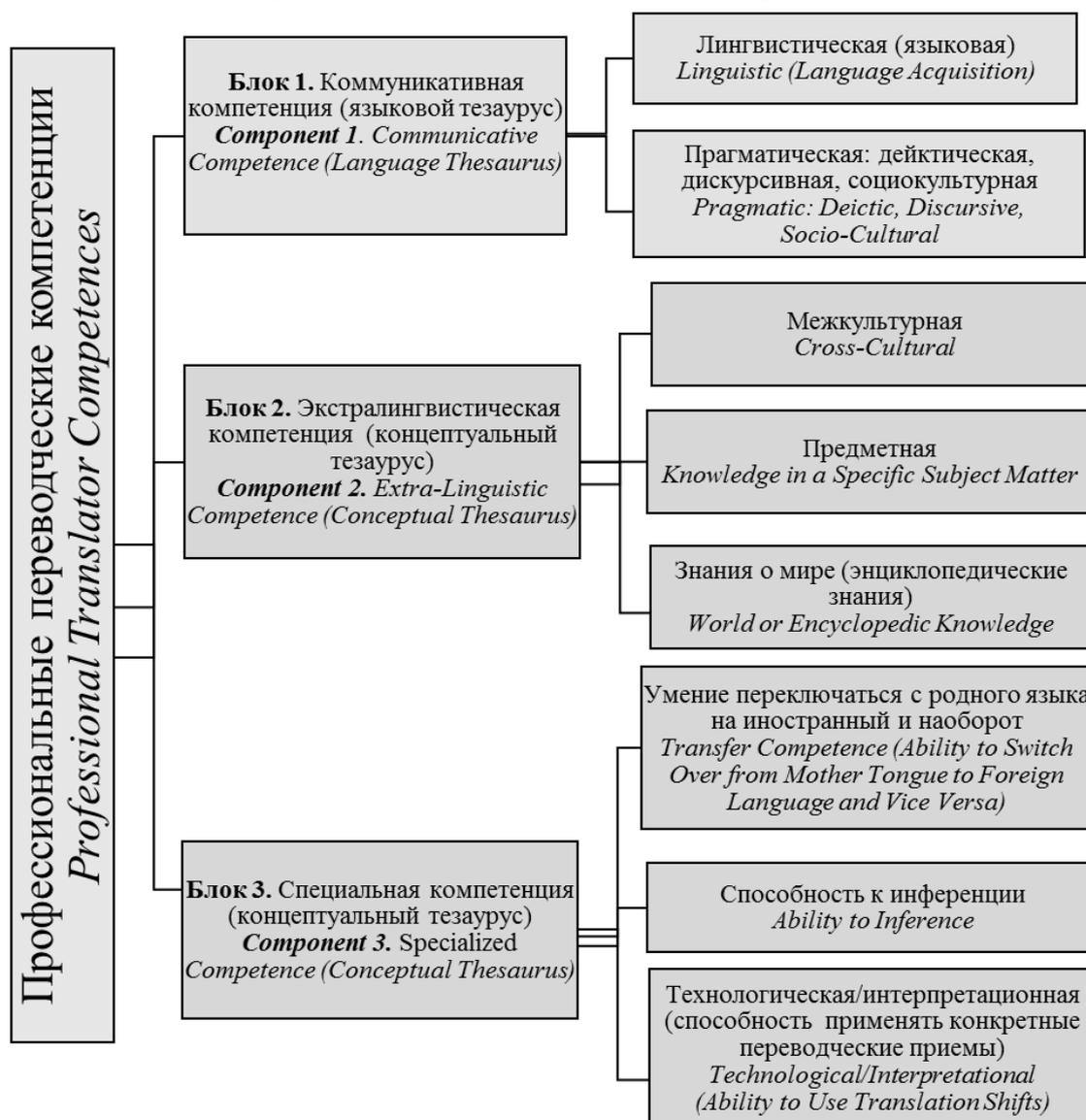
синтезом в тексте перевода. Поэтому в процессе перевода задействованы все компетенции: при анализе текста оригинала – в фазе рецепции, а при синтезе текста перевода – в фазе продукции. При этом межкодовый переход в аналитико-синтетическом процессе (в переводе) возможен при устойчивых навыках и умениях переключения между исходным и переводящим языками.

Результаты нашего исследования в основном коррелируют с моделью профессиональных переводческих компетенций на материале перевода с французского языка на русский, которая разработана Н.Н. Гавриленко. Её модель отражает особенности обучения переводу с иностранного языка на родной на материале текстов профессионально ориентированной тематики. Н.Н. Гавриленко рассматривает «профессио-

нальную личность переводчика текстов по специальности» и понимает это явление как профессиональную компетентность специалиста в своей предметной области, так и его переводческую компетенцию в коммуникативной ситуации. Это сближает наши позиции в понимании речемыслительного процесса с его особенностями в ситуации переводчика-нелингвиста, но с достаточно высокими прикладными знаниями иностранного языка.

На основе анализа существующих моделей нами была разработана универсальная модель профессиональных переводческих компетенций, уже представленная в ранее опубликованных работах [6]. На практике эта модель также актуальна и в системе обучения переводу в нелингвистическом (неязыковом) вузе.

Рис. 1. Модель профессиональных переводческих компетенций
Fig. 1. Model of Professional Translator Competences

В модели показана корреляция трёхуровневой организации вторичной языковой личности, как это теоретически обосновывалось в исследовании И. И. Халеевой [10] – вербально-семантического уровня, языкового и концептуального тезаурусов – с определённым набором компетенций.

Одной из ключевых компетенций при обучении всех видов перевода на всех уровнях является коммуникативная компетенция – «способность понимать и порождать иноязычные высказывания в разнообразных социально детерминированных ситуациях с учётом лингвистических и социальных правил, которых придерживаются носители языка» [2, с. 19].

В модели профессиональных переводческих компетенций коммуникативная компетенция, структура которой была разработана отечественными лингводидактами [2] на основе модели Ван Эка [11], функционирует на вербально-семантическом уровне и сочетает в себе лингвистический (языковой) и прагматический аспекты. Формально и практически происходит объединение дейктической (коммуникативная ситуация), дискурсивной (синтез текста) и социокультурной (межкультурная адаптация) функций.

При формировании коммуникативной компетенции в нелингвистическом вузе в процессе обучения переводу специальных текстов особое внимание обращается на изучение терминологии и общеупотребительной лексики языка, наиболее частотной в предметной области основной специальности. Смыслоразличительной является и фиксация особенностей построения текстов соответствующей предметной области, то есть дискурсивных характеристик текстов на языках оригинала и перевода. Особенно важным ориентиром для нас в этом аспекте уже много лет является вывод Р.Г. Пиотровского о том, что до 85% синтаксической и семантико-прагматической информации заложено в лексике текста, и что правильный перевод 70% словоупотреблений иностранного текста даёт возможность достаточно полно понять смысловое содержание этого текста [9, с. 4].

Знания в предметной области специалиста входят во второй блок модели профессиональных переводческих компетенций – в экстралингвистическую компетенцию. Рассмотрим её более подробно. Экстралингвистическая компетенция соотносится с концептуальным тезаурусом. Это предполагает овладение знаниями культурного контекста двух языков (межкультурная компетенция); системами основных по-

нятий предметной области и фоновыми общими энциклопедическими знаниями.

Знания общих понятий предметной области основной специальности способствуют формированию переводческих компетенций в сфере профессионально-ориентированного перевода. Это означает, что концептуальная система у обучающегося переводу сформирована, он/она знает термины на родном языке и понимает понятия, стоящие за терминами, что составляет основу для освоения терминологии той же предметной области на иностранном языке.

Третий блок компетенций модели связан с когнитивными способностями языковой личности, развитием логического мышления и автоматизацией на его основе переводческих навыков. Важным дополнением в формировании этого блока компетенций является ознакомление с теорией перевода и автоматизация практического применения переводческих преобразований (трансформаций и приёмов перевода). Как мы отметили выше, специфику в этом аспекте для изучающего иностранный язык в прикладных целях создают уже сложившиеся когнитивные способности языковой личности.

Специальная профессиональная переводческая компетенция также состоит из нескольких компонентов:

- Компетенция переключения – умение переключаться с одного языка на другой язык, переходить от поверхностных структур выражения смысла к глубинным и наоборот (то есть девербализация и ревербализация инварианта смысла).
- Способность к инференции, то есть способность к логическому выводу. Эта способность связана с когнитивными способностями языковой личности, развитием логического мышления, что также активно формируется в процессе изучения основной специальности.
- Технологическая (интерпретационная) компетенция – способность применять конкретные переводческие трансформации и приёмы, что подразумевает овладение теоретическими основами переводоведения. Эту составляющую нужно целенаправленно формировать в процессе обучения профессионально-ориентированному переводу.

Выводы

Анализируя в полевых условиях проблемы, с которыми сталкиваются неязыковые вузы в

преподавании перевода, можно отметить недостаток количества аудиторных часов, выделяемых программами на преподавание перевода и иностранных языков, что выражается в недостаточной сформированности коммуникативной компетенции. В этой связи нужно отметить, что существует два подхода к обучению переводу:

- Развитие коммуникативной компетенции и обучение переводу, то есть формирование специальных переводческих компетенций, идут параллельно.

- При хорошем уровне сформированности коммуникативной компетенции всё внимание уделяется специальным переводческим компетенциям.

На практике в нелингвистических (неязыковых) вузах обучение переводу и иностранному языку проходит параллельно, при одновременном формировании коммуникативной и специальной переводческой компетенций. Этому способствуют интегрированные программы, в рамках которых происходит взаимодействие нескольких специальностей, например, эконо-

мики, юриспруденции, культуры, иностранного языка и собственно перевода.

Хорошим примером таких интегрированных программ может служить организация обучения иностранному языку и переводу в МГИМО МИД. Высокий уровень развития коммуникативной компетенции в иностранном языке (С 1 и С 2 – по европейской шкале) на старших курсах бакалавриата и магистратуры и профессиональной компетентности в предметной области дипломатии и международных отношений позволяют сформировать в процессе обучения в университете профессиональные переводческие компетенции, формирование которых начинается на младших курсах бакалавриата параллельно с совершенствованием коммуникативной компетенции в ИЯ. При этом основное внимание уделяется переводу с иностранного языка на родной, где достигается профессиональный уровень перевода, а перевод с родного языка на иностранный по разным причинам продолжает рассматриваться лишь в качестве учебного приёма.

Список литературы

1. Гавриленко Н. Обучение переводу в сфере профессиональной коммуникации. М.: РУДН, 2008. 176 с.
2. Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. М.: Академия, 2007. 336 с.
3. Евтеев С.В. Немецкий язык. Теория перевода. Основные положения / Под общ. ред. А. Л. Семенова. М.: МГИМО-Университет, 2014. 184 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: УРСС, 2004. 264с.
5. Комиссаров В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу. М.: Рема, 1997. 110 с.
6. Коровкина М. Е. Модель профессиональных переводческих компетенций сквозь призму вторичной языковой личности // Вестник ПНИПУ Проблемы языкознания и педагогики № 3 (13). Пермь: ПНИПУ, 2015. С. 89 – 94.
7. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 278 с.
8. Латышев Л. К. Теория, практика и методика преподавания./ Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 192с.
9. Пиотровский Р. Г. Предисловие // Нелюбин Л. Л. Перевод и прикладная лингвистика. М.: Высшая школа, 1983.
10. Халева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: Высшая школа, 1989. 238 с.
11. Ek J. A. Van. Coping / The Language Teacher. Dublin, 1988. № 1/1. – 24 p.

Сведения об авторах:

Коровкина Марина Евгеньевна – кандидат филологических наук, преподает перевод и синхронный перевод в МГИМО (преподаватель кафедры английского языка № 1). Сфера научных интересов: проблемы перевода, в том числе синхронного, в частности, моделирование смысла, компаративистика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация (русский, английский, испанский). E-mail: mekorovkina@gmail.com

Семёнов Аркадий Львович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка Переводческого факультета Московского Государственного Лингвистического Университета. Сфера научных интересов: теория перевода, новые информационные технологии в переводе. E-mail: arksem@gmail.com

Ершов Виктор Иванович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Одинцовского филиала МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: теория перевода, инновационные подходы в обучении переводу. E-mail: ershovik@mail.ru

COMPETENCE-BASED APPROACH TO LSP-TRANSLATION

Marina Ye. Korovkina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Arkady I. Semenov

Moscow State Linguistic University,
38, Ostozhenka, Moscow, 119034, Russia

Viktor I. Ershov

Odintsovo Campus of Moscow State Institute of International Relations (University),
3, Novo-Sportivnaya, Odintsovo, Moscow region, 143007, Russia

Abstract: *The article presents the model of professional translator competences related to three levels of the 'second language personality'. The article describes the development of translator competences (communicative, extra-linguistic and specialized ones) on the basis of the well-formed competence in the basic branch of study (the student's major). Taking stock of the earlier research that has studied the relation between thinking and speech, the authors look into the process of generating the utterance on the basis of a stable mental image that can be interpreted in other language codes. The language interpretation of a conventional familiar mental image requires communicative skills, background knowledge and practical experience. In this case the language interpretation is regarded as an analytical and synthetic process that interpolates similar mental images into the base of stereotyped utterances in a specific subject matter developed through speech experience. Practical translation skills can be built on the basis of well-developed communicative competence and enhanced specialized translator competence.*

The article highlights the need to introduce integrated programs that include several LSP areas, as they may facilitate the development of the specialized translator competences on the basis of the knowledge in the LSP area of the student's major in the mother tongue and the communicative competence in the foreign language.

Key Words: *model of professional translator competences, 'second language personality', conceptual and language thesaurus, language worldview, analytical and synthetic process, communicative competence.*

References

1. Garilenko N. Obuchenie perevodu v sfere professionalnoy kommunikatsii [Translation teaching in the field of professional communication]. Moscow: RUDN, 2008, p.176.
2. Galskova N. D. Teoriia obucheniia inostrannym iazykam. Lingvodidaktika i metodika [Theory of foreign languages teaching. Linguodeductics and methodics]. /N.D. Galskova, N.I. Gez Moscow: Akademiia, 2007, p.336.
3. Yevteev S. V. Nemetskiy iazyk. Teoriia perevoda. Osnovnye polozheniia / Pod obsch.red. A. L. Semenova [Theory of translation. Fundamental provisions/under general editorship of A.L. Semenov]. Moscow: MGIMO-Universitet - MGIMO University, 2014, p.184.
4. Karaulov Yu. N. Russkiy iazyk i iazykovaia lichnost [Russian language and language personality]. Moscow: URSS, 2004, p.264.
5. Komissarov V. N. Teoreticheskie osnovy metodiki obucheniia perevodu [Theoretical basis of the methods of teaching languages]. Moscow: Rema, 1997, p. 110.
6. Korovkina M. Ye. Model professionalnykh perevodcheskikh kompetentsiy skvos prizmu vtorichnoy iazykovoy lichnosti [The model of professional pedagogical competences through the prism of the second language personality]. Vestnik PNIPU - Herald of PNIPU. Problems of Language Theory and Pedagogy Journal, 2015, no.3 (13), pp.89 – 94.
7. Latyshev L.K. Tekhnologiia perevoda [Technology of translation]. Moscow: NVI-TESAURUS, 2001, p. 278.
8. Latyshev L.K., Perevod: Teoriia, praktika i metodika prepodavaniia [Translation: theory, practice and methods of teaching]. / L.K. Latyshev, A.L. Semenov Moscow: Akademiya - Academy Publishing house, 2008, p.192.

9. Piotrovskiy R.G. Predisloviie // Neliubin L.L. Perevod i prikladnaia lingvistika [Translation and applied linguistics]. Moscow: Vysshaya shkola - Higher school. 1983.
10. Khaleeva I.I. Osnovy teorii obucheniia ponimaniiu inoiazychnoi rechi [Fundamentals of teaching the foreign speech comprehension]. Moscow: Vysshaya shkola - Higher school, 238.
11. Ekj. A. Van. Coping / The Language Teacher. Dublin, 1988. № 1/1. 24 p.

About the authors:

M.YE. Korovkina – PhD (Philology), Senior Lecturer at the English Language Department № 1, MGIMO University (Russia, Moscow). Research interests: problems of translation including simultaneous translation, in particular, modeling of meaning, comparative studies, cognitive linguistics, intercultural communication (Russian, English, Spanish). E-mail mekorovkina@gmail.com

A.L. Semenov – Doctor of Philology, Professor, professor at the Department of Translation Theory and Practical Translation of English, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University. Research interests: theory of translation, innovative information techniques in translation. E-mail: arksem@gmail.com

V.I. Ershov – PhD, Associate professor, associate professor at the English Language Department, Odintsovo Campus of MGIMO. Research interests: theory of translation, innovative approaches in translation teaching. E-mail: ershovich@mail.ru

* * *

СВАДЕБНЫЕ АССОЦИАЦИИ РУССКОГО НАРОДА

Г.З. Аллахвердиева

Бакинский славянский университет
AZ 1014. Баку. Азербайджан. Ул. Сулеймана Рустама, 33

Основная цель исследования заключается в анализе свадебных концептосфер, представленных в русском языке. Теоретическая значимость исследования непосредственно связана с разработкой теоретической базы изучения языковых единиц, определением моделей аналитической работы, описанием и обобщением результатов анализа, составлением тезисов, представляющих выводы по исследованию. Практическая ценность исследования состоит в том, что его материалы и результаты могут использоваться в дальнейших исследованиях семантических систем языков, в работах по когнитивному языкознанию, в двуязычной лексикографии и фразеологии, а также при составлении общих и специальных курсов по лексикологии, фразеологии, паремиологии, когнитивному языкознанию, лексикографии, лингводидактике, читаемых в вузах Республики в бакалавриате и магистратуре. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в настоящем исследовании определён корпус лексико-семантических, фразеологических и паремиологических единиц русского языка, реализующих вербализацию концепта «свадьба». Также впервые выявлены когнитивные признаки, осуществляющие конкретную связь языковых единиц с концептом «свадьба». Основными методами исследования явились метод сравнительного анализа, метод темного анализа, а также метод когнитивного анализа. Использование каждого метода было обусловлено конкретными задачами исследования. В работе использовались лингвотеоретические и лексикографические источники. При необходимости к исследованию привлекались также тексты, демонстрирующие функционирование языковых единиц.

Ключевые слова: свадьба, концепт, фразеологические единицы, паремиологические единицы, когнитивные характеристики, русский народ, словари В.И. Даля

Представления о свадьбе, свадебном обряде являются одними из ключевых в пространстве любого национального менталитета. Подобный статус этих представлений вполне закономерен. Дело в том, что свадьба занимает одно из центральных мест в жизни человечества, не только отдельного человека. В этом смысле русская поговорка *до свадьбы заживёт* имеет очень глубокий смысл. Свадьба становится как бы центральным событием жизни. По ней измеряются все события человеческой жизни.

В Словаре В.И. Даля значение слово *свадьба* определяется следующим образом: «Свадь-

ба [сватъба ж.] от *свадить*, *сводить*; *свадить* и *сватать* общего корня, обручение, совершение брака, женитьба и замужество, повенчанье, со всеми брачными обрядами и пирушками. Справлять запд. Играть свадьбу. *Не было свадьбы, а все плясали?* Грелись на морозе. *Свадьба уходом*, краденая, без согласия родителей невесты. *Слушал чёрт свадьбу, да сам и тягу* (гов. О сплетнях). *Вся свадьба песни не стоит. Добрая свадьба неделю* (празднуется попойкою). *С трубами свадьба, и без труб свадьба. На свадьбу с глазами, а на поминки с брюхом. После свадьбы всякий тысяцкий. Маланьина свадьба. Чёртова свадьба* (когда вихорь пыль столбом несёт; также говорится о

чете, живущей в споре, даже в драке). Свадьба в нвг. Произнс. Сварьба, сварёбка) (в Царицыне на Волге: сварба), а свадебных гостей зовут сваребными, сваребными. Относительно частностей свадьбы и отдельных обрядов см. рукобитье. Ср. свадебичный; ср. сватать» [2, с. 49].

Как можно заметить, *свадьба* употребляется в устойчивых конфигурациях и формально, и содержательно. Например, в структуре выражения *Вся свадьба песни не стоит* слово *свадьба* носит символический характер. Эта поговорка синонимична выражению *Овчинка выделки не стоит*. Ср. азербайджанское *Astarı üzündən bahadır*. Выражение *Добрая свадьба неделю*, то есть неделю люди пьют по поводу свадьбы, носит реальный характер. Видимо, в русских деревнях свадебные «пирушки» длились неделю. Если попойка была короче, для русского человека это была плохая свадьба. Возможна и другая мотивация: эту послесвадебную неделю ели и пили то, что осталось после свадьбы, то есть фактически свадебные угощения. Потому-то и считалась свадьба доброй, что остатков хватало на целую неделю. Ср. также: *Свадебные остатки доедаем* [2, с. 49].

Очень мудрым является выражение *С трубами свадьба, и без труб свадьба*. Иными словами, любая, даже бедная, свадьба – это большое веселье. Кроме того, здесь содержится успокоительный совет беднякам: не надо печалиться, если не всё так, как вам хочется. И с трубами, и без труб она может быть, – не это главное.

Выражение *На свадьбу с глазами, а на поминки с брюхом* также отражает стандарты поведения народа. Это означает, что на поминки приходят поест. С другой стороны, на поминках не есть, сидеть и ни к чему не притрагиваться неправильно. Степеньность может восприниматься как гордость, чванство. Кроме того, еда на поминках интерпретируется как тризна в честь покойного, поминание его, то есть не только хозяева делают богоугодное дело, устраивая такого рода поминальный стол, но богоугодное дело делают и те люди, которые едят и пьют, поминая покойного. Можно провести параллель с азербайджанской культурой. В народе считается, что не поест на поминках грех. Еда на поминках считается «добрым делом» – *ehsan* – к которому не притронуться нельзя. Поэтому люди, оправдываясь, произносят фразы типа «Ну я же выпил стаканчик чая, чай это тоже *ehsan*», то есть я свой долг выполнил, а хозяева могут быть спокойны. Если на поминках стандартное пове-

дение предписывает есть и пить, то на свадьбе главное – это веселиться и смотреть на танцующих и поющих. Нельзя только сидеть за столом и есть, надо активно участвовать в веселии. Очевидно, что здесь представлены стандарты, раскрывающие миропонимание русского народа.

Выражение *После свадьбы каждый тысяцкий* также отражает миропонимание народа и поэтому носит когнитивное содержание. Ясно, что в структуре этой поговорки концепт «свадьба» не реализуется, здесь не идёт речь о свадьбе. Лексема же *свадьба* используется здесь формально и носит символический характер. Ср. в азербайджанском языке *Toydan sonra nağara, Daldan atılan daş topuğa dəuər*. Вместе с тем надо отметить, что эти азербайджанские выражения только отчасти синонимичны русской поговорке. Пословица *После свадьбы каждый тысяцкий* отражает стандартную ситуацию, когда после того, как буря уляжется, пройдёт напряжение, каждый старается приукрасить свою роль, показать, что именно он был на переднем крае и способствовал снятию напряжения. Азербайджанское *Toydan sonra nağara* также отражает стандарт, но другой: буря улеглась, а кто-то начинает проявлять уже ненужную бурную активность. Пословица *Daldan atılan daş topuğa dəuər* буквально означает: «камень, брошенный вдогонку, попадает в щиколотку». Ситуация носит стандартный характер, и все три выражения соответствуют друг другу, хотя и различаются по нюансам.

Маланьина свадьба не объясняется В.И. Далем, но можно строить определённые догадки. Например, во Фразеологическом словаре русского языка под редакцией А.И. Молоткова отмечается устойчивое сравнение *как на Маланьину свадьбу*, значение которого определяется следующим образом: «В изобилии, в очень большом количестве, очень много (готовить, наготовить, наварить и т.п.)» [6, с. 410]. Таким образом, можно предположить, что Маланья становится своеобразным символом изобилия. Следовательно, *Маланьина свадьба* может объясняться как свадьба, на которой очень много угощений.

Чёртову свадьбу Даль специально и подробно объясняет. Исходя из этого, можно провести сравнение и вывести когнитивный признак, представляющий здесь концепт «чёрт». Например, в сознании русского народа чёрт всегда ассоциировался с вихрем. В сказках он и появляется с вихрем и с вихрем исчезает.

В статье на слово *свадьба* Даль даёт отсылку на слово свадебичный. В статье приводится не-

сколько лексических единиц, раскрывающих историко-культурное содержание обряда. Статья начинается с устойчивого выражения *свадебные остатки доедаем*. Устойчивость здесь мотивирована логико-предметными связями, следовательно, носит и когнитивный характер. Дело в том, что после свадьбы некоторое время доедали оставшееся. Следовательно, устойчивой была сама жизненная ситуация. Приводится слово «свадебник (сваребник) новг. = ница (ж.). один, одна из гостей свадебных из поезжан» [2, с. 48].

«Свадебничать (сваребничать) пировать на свадьбе или отправлять на ней какую-либо должность *арх.* Просвадебничали неделю, а хлеб в поле стоит. Свадебное ср. стар. *Пошлина*, подать с каждой свадьбы: обычай этот местами держался до уничтожения крепостного быта; брали по несколько рублей, по два полотенца или новину, холст с новожёнов. Свадебный *поезд*. Свадебный поезд выезжает нечетом. Свадебные песни, на девичнике это плачи, по невесте; после венца, величание молодых и родителей их, пожелания и предречения счастья, богатства, напр. Свадебщик (м.) – щица (ж.) один, одна из гостей свадебных, как поезжан, свадебник (ср. свадьба, сватать) [2, с. 48-49].

Рассмотренные статьи из Словаря В.И. Даля охватывают случаи вербализации концепта «свадьба». Как можно заметить, статьи носят этнографический характер, раскрывая содержание лексических и фразеологических единиц, В.И. Даль приводит выражения, содержание которых непосредственно представляет место и статус «свадьбы» в картине мира русского народа. Причём необходимо обратить внимание на то обстоятельство, как данный концепт отражает стандартные ситуации, повторяющиеся от пространства к пространству и от времени к времени. Например, можно предположить, что иногда только люди могли настолько увлечься свадьбой, что забывали о работе. На наш взгляд, выражение *Просвадебничали неделю, а хлеб в поле стоит* отражает стандартную и повторяющуюся ситуацию, только поэтому В.И. Даль и приводит это предложение в качестве иллюстрации в данной статье. Здесь нет никакого афористического содержания, это не пословица и не поговорка. Однако само содержание этого обычного предложения имеет глубокий когнитивный смысл. Следовательно, оно носит назидательный характер. На первый взгляд предложение является нейтральным, на самом деле оно характеризуется очевидной сниженностью. Пер-

вая часть ни о чём не говорит, просвадебничали неделю – пожалуйста. Вторая часть содержит в себе укор. Когнитивная ценность предложения не вызывает сомнения. Содержащаяся в данной статье остальная информация также носит этнографический и, следовательно, когнитивный характер.

«Для свадьбы характерно то, что вся система свадебных процессуальных действий и каждое отдельное свадебное действие производятся в предусмотренном свадебным обычаем и традицией процессуальном порядке, обязательном для всех (свадебная процессуальная процедура), следование которому рассматривается как обеспечение законности бракосочетания, создаёт гарантии достоверности доказательств (напр., венчание, первая брачная ночь и т.п.). Свадебные ритуальные действия в масс-медиа, иницирующие процедуру, развивают, завершают или прекращают её на определённом этапе, выступают поводом для инициации других процедур» [4, с. 38].

Концепт «свадьба» представлен также в словаре В.И. Даля «Пословицы русского народа». Здесь также достаточно много этнографизмов, то есть пословиц и поговорок, а также просто стандартных выражений, сопровождающих свадебный обряд. Глава «свадьба» открывается выражением *Девка после сговора на улицу, ни в церковь не ходит* [1, с. 219]. Данное выражение может быть интерпретировано по-разному. Например, можно представить себе, что это обычное выражение, констатирующее факт, разумеется, факт этнокультурно значимый. Иными словами, было не принято, чтобы девки (девушки) после сговора, то есть после того, как согласились их отдать за кого-то, выходили на люди.

Вместе с тем можно предположить, что это предложение носит назидательный характер, то есть оно предписывает девушкам не ходить даже в церковь. Потому что и в церкви, где много людей, их могут увидеть, они могут кому-то понравиться, кто-то захочет отбить их у жениха и т.д. Если исходить из фактора назидания, то следует признать, что здесь мы имеем дело с пословицей. «Традиционная русская свадьба имеет множество локальных вариантов, которые группируются в два основных – северный и южный, имеющие принципиальные отличия в драматургии. Если северорусская свадьба представляет собой драму для невесты и её родни, то южнорусский вариант обряда режиссируется как игровое весёлое действо» [7, с. 2]

В любом случае пословица или просто фиксация этнографического опыта носит высоконравственный характер, обладает нравственным содержанием. Можно даже сравнить её содержание с исламским менталитетом, когда на обручённую девушку даже смотреть нельзя.

«Ментальные операции анализа и синтеза позволяют вычленять в свадебном медиасобытии наиболее яркие образы, привлекательные фрагменты, вызывающие положительные эмоции, которые затем обязательно распознаются адресатом в медианарративе» [3, с. 34].

Ироничный характер носит вторая поговорка или просто второе устойчивое выражение данной главы: *Пошла смывать девьи гульбы, прохладушки* (предсвадебная баня) [1, с. 219]. Это выражение также может быть прочитано и истолковано по-разному. Первое прочтение связывает поговорку со стандартной ситуацией, предсвадебной баней. Два фактора – баня (очищение) и то, что она перед свадьбой, накануне свадьбы – напрашивается на иронию, то есть девка очищается перед свадьбой, смывает грехи. Второе прочтение уже лишено иронии и носит назидательный характер: мол, всё, что было до свадьбы (гулянки, возможные свидания), нужно смыть с себя и оставаться верной мужу. Забыть обо всём, кроме мужа и семьи. И в том, и в другом случае выражение обнаруживает глубокое когнитивное содержание.

Глава содержит много буквальных этнографизмов, то есть выражений, устойчивых фраз, сопровождающих различные свадебные ритуалы. Например, *На мыльце, белильце, на шёлковом венчике, малиновом паре* (благодарность за баню) [1, с. 219]. Казалось бы, это обычное свадебное выражение, однако сложность его заключается в том, что здесь перечислены все составляющие бани. Не отмечена только вода как, возможно, ничего не стоящий продукт, один из составляющих бани.

Характер приметы носит выражение *Чтоб молодой не бил жены своей, не бить клюкой головёшку в бане* [1, с. 219]. Выражение носит также содержание суеверия.

Чистым этнографизмом является выражение *Выбирай такого дружку, чтоб загадки разгады-*

вал [1, с. 219]. В.И. Даль даёт объяснение: «женихов поезд не впускается в избу невесты, доколе не разгадают всех предложенных подругами загадок. Псков» [1, с. 219].

Или: *Кунами ли богаты, ногами ли* (то есть силою) *доступны до нашего дитяти?* (*Вопрос родственников невесты на стук тысяцкого у ворот; ответ: «И кунами, и ногами»*) [1, с. 219].

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Концепт «свадьба» занимает особое место в языковой картине мира русского народа. Он вербализируется на различных уровнях и охватывает многие сферы жизни. Лексическая единица *свадьба* употребляется в русском языке и символически, и в соответствии со своим специальным значением. Символическое употребление также свидетельствует о значимости самого явления. Представления о свадьбе, свадебном обряде являются одними из ключевых в пространстве любого национального менталитета. Подобный статус этих представлений вполне закономерен. Дело в том, что свадьба занимает одно из центральных мест в жизни человечества, не только отдельного человека. В этом смысле русская поговорка *до свадьбы заживёт* имеет очень глубокий смысл. Свадьба становится как бы центральным событием жизни. По ней измеряются все события человеческой жизни. «В современной свадьбе изменились роли и статус половозрастных групп. Например, традиционно в ритуале важную роль играли дружка, тысяцкий. Теперь же роль распорядителей на свадьбе часто выполняет подружка невесты (то есть, от страты женатых мужчин функция переходит к страте девушек) или приглашённое лицо (тамада) – профессиональный актёр, музыкант» [5].

Современное языкознание ставит перед собой цель определения национально-культурного содержания языковых форм. Вот почему сегодня лингвистические исследования исходят из понимания существенных различий между сигнификатом лексического значения и историко-культурными представлениями, которые только и могут делать значения языковыми реальностями, лишая их отвлечённого характера, конкретизировать.

Список литературы

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. Том 1. М.: Художественная литература, 1984. Том 2. М.: Художественная литература, 1984.

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. СПб.-Москва: Издание т-ва М. О. Вольф, 1912. Том 4. СПб.-Москва: Издание т-ва М. О. Вольф, 1912.
3. Доброниченко Е.В. Презентация свадебного ритуала в современном медиадискурсе: дисс. канд филол. наук. Волгоград, 2014, 207 с.
4. Доброниченко Е.В. Свадебный ритуал: от содержания повествования к моделируемости в современном медиадискурсе / Е.В. Доброниченко, М.Р. Желтухина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017, № 3, с. 35-47.
5. Тищенко Т.В. Традиционная свадьба Смоленщины: адаптация в современности: Докторская диссертация. Ростов-на-Дону, 2015, 243 с. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.dissercat.com/content/traditsionnaya-svadba-smolenshchiny-adaptatsiya-v-sovremennosti>. (Дата обращения: 03.12.2019)
6. Фразеологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.
7. Чиркова Н.В. Современная свадьба как социальная и культурная практика: традиции и инновации. Самара. 2017.

Сведения об авторе:

Аллахвердиева Гюнель Зохраб гызы – докторант Бакинского славянского университета (Азербайджан, Баку). E-mail: sevinc.n@mail.ru

WEDDING ASSOCIATIONS OF THE RUSSIAN PEOPLE

Allahverdiyeva Gunel Zohrab

Baku Slavic University;
AZ 1014. Baku. Azerbaijan. Suleyman Rustam St. 33

Abstract: *The main goal of the research is to analyze the concept spheres of wedding presented in the Russian language. The theoretical significance of the study is in working out the theoretical basis of the specific language units study and the models for analytical work, in the description and generalization of the results of the analysis and the conclusions made. The practical significance of the study lies in the fact that its materials and results can be used in further studies of semantic systems of languages, in works on cognitive linguistics, in bilingual lexicography and phraseography, as well as in the preparation of general and special courses in lexicology, phraseology, paremiology, cognitive linguistics, lexicography, linguodidactics, read in universities of the Republic in undergraduate and graduate courses. The novelty of the research consists in determining the corpus of lexico-semantic, phraseological and paremiological units of the Russian language, verbalizing the “wedding” concept, as well as in revealing its cognitive characteristics. The methods applied are comparative, seme and cognitive ones.*

Key Words: *wedding, phraseological units, concept, cognitive characteristics, the Russian people, dictionaries by V.I. Dal*

References

1. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people]. Tom 1. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1984. Tom 2. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1984.
2. Dal' V. I. Tolkovy slovar zhivogo velikorusskogo iazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Tom 1. SPb.-Moskva: Izdanie t-va M. O. Volf, 1912. Tom 4. SPb.-Moskva: Izdanie t-va M. O. Volf, 1912.
3. Dobronichenko E.V. Prezentatsiia svadebnogo rituala v sovremennom mediadiskurse [Presentation of the wedding ritual in a modern media discourse]: diss.. kand filol. nauk. Volgograd, 2014, 207 s.
4. Dobronichenko E.V. Svadebny ritual: ot sodержaniia povestvovaniia k modeliruemosti v sovremennom mediadiskurse [Wedding ritual: from the content of the narrative to the modeling in the modern media discourse] /E.V. Dobronichenko, M.R. Zheltukhina M.R. // Aktualnye problemi filologii i pedagogicheskoi lingvistiki, 2017, № 3, s. 35-47.

5. Tishhenkova T.V. Traditsionnaia svadba Smolenshchiny: adaptatsiia v sovremennosti [Traditional wedding of Smolensk region: adaptation in modern times]: Doktorskaia dissertatsiia. Rostov-na-Donu, 2015, 243 s., www.dissercat.com/content/traditsionnaya-svadba-smolenshchiny-adaptatsiya-v-sovremennosti (Accessed 03.12.2019)
6. Frazеologicheskii slovar' russkogo iazyka [Phraseological dictionary of the Russian language]. M.: Russkii iazyk, 1986.
7. Chirkova N.V. Sovremennaia svadba kak sotsialnaia i kulturnaia praktika: traditsii i innovatsii [Modern wedding as a social and cultural practice: traditions and innovations]. Samara. 2017.

About the author:

Allahverdiyev Gunel Zohrab – doctoral candidate at the Baku Slavic University (Azerbaijan, Baku).
E-mail: sevinc.n@mail.ru

* * *

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПРОТЕСТНОМ ДИСКУРСЕ 2018-2020 ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЛАКАТОВ И ГРАФФИТИ)

О.Е. Белкина, Ю.А. Балыш, М.К. Огородов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена прецедентным феноменам во французском протестном дискурсе 2018-2020 годов. Авторы статьи анализируют прецедентные феномены, используемые в лозунгах движения Жёлтых жилетов, а также противников реформы французской пенсионной системы, предлагаемой президентом Франции Эммануэлем Макроном. Анализ содержания плакатов и граффити, которые были опубликованы в средствах массовой информации и социальных сетях, позволил констатировать высокую частотность обращения к прецедентным ситуациям и текстам, выявить их основные источники, объяснить причины обращения именно к этим источникам, проследить за трансформацией прецедентных высказываний в новых контекстах, а также понять, каким образом недавно появившиеся протестные движения, в свою очередь, становятся прецедентными. Результаты исследования позволили сделать вывод о важной роли прецедентных феноменов, которые выполняют не только информационную, но и эмоционально-оценочную функцию, способствующую консолидации граждан в борьбе за свои права. Также был сделан вывод о необходимости владения когнитивной базой иностранной лингвокультуры для успешной коммуникации и адекватной интерпретации текстов, создаваемых представителями этой лингвокультуры, а значит и реалий общественно-политической жизни страны изучаемого языка. Статья представляет интерес для специалистов в области политического дискурса, коммуникации и перевода. В статье анализируется большое количество примеров, которые могут использоваться как лингвострановедческий материал.

Ключевые слова: политический дискурс, прецедентные феномены, протестные движения, лозунги, коммуникация, лингвокультура, лингвострановедение, Франция, Эммануэль Макрон.

Ещё со времен Великой Французской революции Франция имеет репутацию страны с мощным протестным потенциалом. Митинги, демонстрации, забастовки являются неотъемлемыми элементами французской политической культуры, способом общения между гражданами и властью. Французов часто называют самой недовольной нацией в мире. Действительно, такую практику можно считать проявлением гражданской сознательности и защитой прав и свобод, а можно – подменой цивилизованных инструментов демократии пост-

янным давлением улицы, встречающей в штыки любые политические решения, не совпадающие с позицией одной из групп населения. Так или иначе, эпоха Эммануэля Макрона не стала исключением, ознаменовавшись яркими выступлениями французов, не согласных с проводимыми им реформами.

Наиболее масштабной и заметной акцией коллективной мобилизации французов последнего времени стало движение Жёлтых жилетов, протестовавших на протяжении долгих месяцев 2018-2019 гг. против введения так называемого

«углеродного налога» на ископаемое топливо и выразивших, в целом, недовольство качеством жизни и углублением социального неравенства во французском обществе. А осенью 2019 года началась широкая волна забастовок против реформы пенсионной системы, предполагающей отказ от специальных режимов выхода на пенсию и переход на универсальную единую для всех систему. Оба протестных движения, хотя и разные по выдвигаемым требованиям, методам мобилизации и социальному профилю участников, отличаются беспрецедентным размахом, вызывают большой международный резонанс и свидетельствуют о серьёзных трудностях диалога между обществом и представителями власти.

Рассматриваемые протестные движения, благодаря социальным сетям и с трудом поспевающими за ними СМИ, очень быстро завоёвывают информационное пространство и становятся предметом научного интереса как политологов и социологов (G. Noiriel, M. Onfray, P. Vermeren, S. Boulouque, M. Niango, J.-M. Vernochet, D. Tartakowsky и др.), так и лингвистов (E. Mielczarek, B. Cerquiglini, J. Bordeau, M. Darrigrand, C. Canut, и др.).

Предметом нашего исследования стали такие яркие и выразительные средства выражения протестного дискурса, как слоганы плакатов и граффити. Для того, чтобы обратить на себя внимание, слоганы должны быть информативными, лёгкими для восприятия и креативными, и этому нередко способствуют прецедентные тексты, на которые они опираются. Что такое прецедентные тексты и какой интерес они представляют для нашего исследования?

Первым определением прецедентных текстов дал Ю. Н. Караулов, назвав прецедентными тексты «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 216]. Явление может претендовать на статус прецедентного, если обладает следующим набором признаков: 1) является фактом; 2) отличается повторяемостью; 3) обладает маркированностью; 4) обладает рефлексированностью; 5) отличается клишированностью; 6) представляет собой свёрнутую ассоциативную цепочку; 7) обладает шкальной оценкой» [3, с. 33].

Таким образом, феномен прецедентности основывается на общности социальных, культурных или языковых – фоновых знаний адресата и адресанта, а сами прецедентные феномены являются важнейшими составляющими когнитивной базы. Нас, в первую очередь, интересуют «национально-прецедентные феномены» [1, с. 102-104], то есть те, которые известны среднему представителю французского лингвокультурного сообщества, поскольку именно они позволяют выявить специфику опыта представителей французской лингвокультуры и обозначить зоны, представляющие сложности для обеспечения успешной межкультурной коммуникации, а значит требующие пристального внимания при изучении и преподавании французского языка и культуры.

Для выявления наиболее часто встречающихся в протестном дискурсе последних лет национально-прецедентных феноменов и их источников, мы проанализировали около трёхсот плакатов и граффити. Мы использовали метод сплошной выборки, обратившись к фотографиям и видеозаписям, сделанным во время протестных акций во Франции в 2018-2020 годах и предоставляемым поисковой системой Google.

При анализе лозунгов Жёлтых жилетов мы наблюдаем, в первую очередь, обращение к богатой революциями и протестами истории Франции.

Бросается в глаза высокая частотность употребления самого слова *révolution* (революция) и его аналогов, например, в таких слоганах как «*Révolution française 2018*» (французская революция 2018), «*La France en rebellion*» (Франция бунтует), «*Insurrection populaire*» (народное восстание), «*C'est une révolte? Non, sire! C'est une révolution!*» (Это мятеж? Нет, сэр! Это революция!), «*L'heure de la révolte a sonné*» (Час восстания пробил), «*La révolte du peuple peut aboutir à une révolution*» (Восстание народа может привести к революции) и т.д. Употребляя слова «революция», «восстание», «бунт», протестующие, с одной стороны, стремятся подчеркнуть общенародный характер борьбы и сделать акцент на радикальности требований, предполагающих смену власти, с другой стороны, они тем самым пытаются противостоять официальному дискурсу, дискурсу государства, политических элит и средств массовой информации, который пытается либо снизить значение происходящего, называя выступления нейтральным словом «*manifestations*» (демонстрации),

либо объявить участников хулиганствующими экстремистами – casseurs» (погромщиками).

Среди анализируемых лозунгов много вариаций на тему зародившегося в 1789 году национального девиза Французской Республики. Например, вопросительный знак на плакате Жёлтых жилетов «Liberté, égalité, fraternité?» (свобода, равенство, братство?), ставящий под сомнение актуальность фундаментальных республиканских ценностей, или добавление компонентов в традиционную триаду для того, чтобы наполнить её новыми смысловыми оттенками и нагляднее показать несовершенство сегодняшнего устройства французского общества – «Liberté relative, égalité utopique, fraternité consensuelle» (относительная свобода, утопическое равенство, консенсуальное братство), «Liberté, égalité, fraternité, laïcité» (свобода, равенство, братство, светское государство).

Обыгрываются также цвета французского триколора, ставшего символом борьбы против монархии, например, «Bleue est notre peur, Blanche est notre marche, Rouge est notre colère» (синий – наш страх, белый – наш марш, красный – наш гнев). Не обходится и без упоминания гильотины – «Sortez les guillotines» (ставьте гильотины), «On n'a coupé les têtes pour moins que ça» (головы отрубали и не за такое), и цитат из Марсельезы – «Aux armes!» (к оружию!). Макрона сравнивают с Людовиком XIV и Людовиком XVI – «Macron roi ou président?» (Макрон король или президент?), «Le roi-soleil Macron» (король-солнце Макрон), «Le roi Macron donne des miettes aux gueux» (король Макрон бросает крохи нищим), а Жёлтые жилеты – с санкюлотами «Gilet jaune sans culotte». Народ, в целом, противопоставляется элитам: «Le peuple décide» (народ решает), «Je suis le peuple» (я – народ), «Le peuple est la véritable richesse de la France. Ecoute-le!» (Народ – подлинное богатство Франции. Слушай его!), «17 novembre 2018 – le jour où le peuple a dit non!» (17 ноября 2018 года – день, когда народ сказал нет), и т.д.

Многочисленные параллели с революционными событиями 1789 года в лозунгах Жёлтых жилетов так же, как и во внешней атрибутике – фригийские колпаки, картонные гильотины, пение Марсельезы и т.д., вероятно, объясняются не только желанием показать радикальность требований, общенародный характер протеста, выходящего за рамки одного социального класса, но и, как любое использование символики прошлого, являющейся частью культурно-

исторического наследия, спланирует участников акций и легко находит отклик у французов, принадлежащих к самым разным слоям общества.

Второе место среди прецедентных событий при анализе лозунгов 2018-2020 годов, несомненно, занимают студенческие волнения и общезападная стихийная забастовка весны-лета 1968 года, которые переросли в серьёзнейший политический кризис и вошли в историю как «Май 68 года», оказав огромное влияние на трансформацию власти и общества. Мы наблюдаем аллюзии на преемственность – схожесть масштаба и перспектив движений – «Attention Mai 68» (осторожно, Май 68!), «J'ai fait Mai 68, je fais Novembre 2018» (я выходил в Мае 68, выхожу и в Ноябре 2018), «Je cours moins vite qu'en 1968, mais je gueule plus fort» (я бегаю уже не так быстро, как в 1968, но кричу громче), «De Mai 68 aux gilets jaunes» (от Мая 68 к жёлтым жилетам).

В то же время, блокирование Жёлтыми жилетами крупных транспортных артерий и центральных городских кварталов, жёсткость стычек с полицией и отсутствие официальных лидеров не отменяют серьёзных отличий этого движения от студенческих волнений 1968 года, различия слишком очевидны – совершенно другой идеологический контекст, а самое главное – иная возрастная группа и иная социальная база протеста. Что действительно позволяет проводить параллель, это непосредственное использование знаменитых лозунгов Мая 1968 – «Prenez vos désirs pour des réalités» (сделайте мечты реальностью), «Je participe, ils profitent» (я участвую, они наживаются), а очевидная адаптация лозунгов 68 года к актуальным реалиям – так, знаменитое «Métro, boulot, dodo» (метро, работа, кровать) путём замены одного из компонентов превращается в «Métro, boulot, tombeau» (метро, работа, могила), а «Ni patrie, ni patron!» (ни (ради) родины, ни (ради) хозяина) добавлением нового элемента – в «Ni patrie, ni patron, encore moins Macron!» (ни (ради) родины, ни (ради) хозяина, и уж точно не (ради) Макрона). Кроме того, как в лозунгах Жёлтых жилетов, так и позже в лозунгах участников акций против реформы пенсионной системы, узнаваема сама стилистика слоганов Мая 68, которую отличала своеобразная революционная поэтика, ирония и парадоксальность, например, «En grève jusqu'à la retraite» (бастуем до пенсии), «Pour notre avenir contre leur monde» (за наше будущее против их мира), «Ne rien dire c'est consentir» (промолчать, значит согласиться), «Survivre n'est pas mon projet

de vie» (выживание не входит в мои планы на жизнь) или «L'histoire s'écrit dans la rue» (историю пишет улица).

Таким образом, при анализе контента плакатов и граффити прослеживается высокая частотность употребления текстов с исторической референтностью. Проводя параллели между сегодняшними формами протеста и революционными событиями прошлого, широко обращаясь к символике богатой протестной истории своей страны, протестующие стремятся легитимировать происходящее, вписав в уже существующие традиции, в том числе и более чем двухсотлетней давности.

Вторая по частотности группа прецедентных феноменов в слоганах протестующих – это имена и высказывания с актуально-политической референтностью. Многие плакаты адресованы непосредственно президенту Эммануэлю Макрону, подчёркивая пропасть между ним и простыми французами и предостерегая его от негативного развития событий: «Manu, dans quel monde tu vis ?» (Маню, в каком мире ты живёшь?), «Macron on n'est pas des banquiers» (Макрон, мы не банкиры), «Macron, regarde ton rolex, c'est l'heure de la révolte» (Макрон, посмотри на свой ролекс, настал час восстания), «M. Macron, vous devez démissionner, sinon – la révolution» (господин Макрон, вы должны уйти в отставку, иначе – революция).

Много лозунгов, основанных на игре слов вокруг названия политического движения Эммануэля Макрона «La République en Marche!» (Вперед республика!) и стремящихся подчеркнуть несогласие протестующих с поддерживаемым им курсом либеральных реформ. Например, «La révolution en marche!» (вперёд революция!), «On est en marche mais pas Macron!» (это мы идём вперёд, а не Макрон) или «Et nous aussi nous sommes en marche» (а мы тоже идём вперёд).

Многие плакаты и граффити основаны на высказываниях самого Эммануэля Макрона, который не раз подвергался критике за неудачную риторику, негативно сказывающуюся на имидже французского президента. Например, плакат «J'ai traversé la rue et après?» (я перешёл через дорогу, и что дальше?) или граффити на

одной из парижских улиц «La rue on la traverse pas, on la prend» (Мы улицу не переходим, мы улицу занимаем). Дело в том, что во время одной из встреч с французами, в ответ на сетования молодого безработного на сложности с поиском работы, Макрон сказал: «Il faut y aller! Maintenant, hôtels, cafés, restaurants, je traverse la rue, je vous en trouve! Ils veulent simplement des gens qui sont prêts à travailler, avec les contraintes du métier»¹. (Нужно искать! Отели, кафе, рестораны, стоит только пересечь улицу, и работа тотчас же найдётся! Они просто ищут людей, готовых работать, не боящихся трудностей.) Фразу тотчас же подхватили журналисты, посчитав её очередным свидетельством непонимания президентом трудностей положения, в котором оказались многие его сограждане.

На многих плакатах также обыгрывается выражение Макрона, которое он употребил во время встречи с королевой Дании Маргарет II, позволив себе сравнение не в пользу французов, назвав последних «Gaulois réfractaires au changement»² (галлами, не любящими изменения). Например, «Je suis un Gaulois réfractaire» (я – галл, не терпящий изменений), «Gaulois en colère» (галлы в гневе), «Les Gaulois en ont marre!» (галлам надоело) или «Macron t'es foutu, les Gaulois sont dans la rue!» (Макрон, тебе крышка, галлы вышли на улицы).

Кроме того, Макрон, вероятно, желая показать свою открытость разным группам населения, а значит и разным регистрам речи, использует довольно много сниженной лексики, что даёт ещё один повод для обвинений в классовом высокомерии. Например, во время одной из рабочих встреч он упомянул о «rognon de dingue»³ (сумасшедших бабках), которые государство тратит на социальные пособия. Это высказывание мгновенно становится прецедентным, подстёгивая креативность манифестантов: «Je coûte un rognon de dingue» (я стою безумных бабок) или «Macron rends-nous notre rognon de dingue» (Макрон, верни нам наши бабки). Плакат «Les vrais casseurs sont en costard» (настоящие погромщики – те, кто в костюмах), это ещё одна иллюстрация использования Макроном сниженной лексики в беседе с забастовщиками: «Vous n'allez

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LN1STeplwSI> (дата обращения: 29.09.2019)

² URL: https://www.lemonde.fr/emmanuel-macron/article/2018/08/29/emmanuel-macron-compare-les-francais-a-des-gaulois-refractaires-au-changement_5347766_5008430.html (дата обращения: 20.12.2019)

³ URL: <https://www.lci.fr/politique/emmanuel-macron-on-met-un-rognon-de-dingue-dans-les-minima-sociaux-video-2090364.html> (дата обращения: 20.12.2019)

pas me faire peur avec votre tee-shirt. La meilleure façon de se payer un *costard*, c'est de travailler»⁴ (Вы меня своими майками не напугаете. Хотите купить костюм, работайте).

А плакаты «Je roule à la poudre de perlimpinpin» (Я заправляю машину перлин-пинпином) Жёлтых жилетов и «Régime universel = poudre de perlimpinpin» (универсальная пенсионная система = пирлин-пинпин) противников пенсионной реформы, наоборот, высмеивают излишнюю витиеватость языка Макрона, который в предвыборных дебатах с Марин Ле Пен использовал давно забытое словосочетание «poudre de pirlimpinpin»⁵ (колдовское зелье). Сложность и литературоцентричность языка Макрона часто становится поводом для иронии журналистов и очередных упрёков в оторванности от реалий современной французской жизни.

Нельзя не отметить, что прецедентность речи Эммануэля Макрона свидетельствует о выразительности его языка и богатом словарном запасе. В то же время, в контексте постоянных обвинений Макрона в неолиберальной политике, связях с крупным капиталом и наступлении на социальные права граждан, крайности его дискурса: с одной стороны, элитарность, употребление большого числа редких и литературных слов, а с другой, не всегда уместная откровенность и неумение найти правильную тональность при неформальном общении с избирателями, наносят серьёзный вред его имиджу, мешают налаживанию диалога между властью и гражданами и, в конечном итоге, становятся одним из препятствий на пути задуманных им реформ.

И, наконец, анализируя содержание слогов, мы наблюдаем, как быстро протестные движения последних лет становятся автореферентными, обрастают собственным «набором определённых коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу» [4, с. 47], и, в свою очередь, становятся эталонными, прецедентными, ситуациями, вербализуемыми в виде прецедентных имён и прецедентных высказываний.

Так, например, Жёлтые жилеты ассоциируются с *ronds-points* (перекрёстками с круговым движением), которые наряду с автодорогами и подъездами к заправкам участники движения блокировали во время своих акций, затрудняя движение на дорогах. Этот термин часто фигу-

рирует в слоганах, как, например, в граффити на одной из парижских улиц: «Enfin, les ronds-points servent à quelque chose» (ну, наконец, от круговых перекрёстков хоть какая-то польза). Или становится поводом для игры слов – «Un peuple debout ne rompt point» (восставший народ не сдаётся). Ещё один пример. Поскольку акции Жёлтых жилетов проходили по субботам, этот день недели также приобретает символическое значение: «Lundi, mardi, mercredi, jeudi, vendredi, GJ, dimanche» (понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, ЖЖ, воскресенье). Несомненно, прецедентными стали и выражения «la France périphérique» (периферийная Франция) и «la France d'en bas» (нижняя Франция), используемые Жёлтыми жилетами для того, чтобы подчеркнуть социальное и имущественное неравенство, разрыв между элитами и «народом», жителями метрополий и жителями мелких населённых пунктов.

Стал прецедентным и жёлтый цвет. Его неоднократно обыгрывали в лозунгах как сами Жёлтые жилеты, например, плакат «Colère noire, gilet jaune» (чёрная ярость, жёлтый жилет), так и, например, участники экологического марша «Marche pour le climat», подчёркивающие лозунгом «Rouge, jaune, vert» (красный, жёлтый, зелёный) преемственность протестных движений и общее недовольство ситуацией в стране и действиями властей. Само словосочетание «жёлтые жилеты» также стало прецедентным, повлияв на название других социальных движений, и стало, в определённой степени, выражением идеи конвергенции борьбы за свои права. Наряду с «жёлтыми жилетами», заговорили о «красных жилетах» (части профсоюзных активистов, поддержавших движение жёлтых жилетов), «красных косынках» (тех, кто призывал государство вмешаться с целью пресечения беспорядков, провоцируемых жёлтыми жилетами), «голубых жилетах» (выступающих против акций жёлтых жилетов, но за защиту основных гражданских свобод), зелёных жилетах (настаивающих на необходимости развития экологических видов транспорта), и, наконец, «красных ручках» (учителей, борющихся за улучшение условий труда).

Проанализировав лозунги протестных движений во Франции в 2018-2020 гг., мы констатировали высокую частотность обращения к прецедентным ситуациям и текстам с исторической

⁴ URL: https://www.youtube.com/watch?v=DQ0Lq-afGCM&feature=emb_logo (дата обращения: 30.09.2019)

⁵ URL: https://www.youtube.com/watch?v=a_AkC7MEw_U (дата обращения: 20.12.2019)

и актуально-политической референтностью. Анализ показал, что источником прецедентных феноменов являются, прежде всего, дискурсы протестных движений прошлого, их символика, а также названия политических движений, имена и высказывания политических деятелей. Мы видим, что прецедентные феномены, становясь элементами протестной культуры, обладают не только информационной функцией, но и играют существенную эмоционально-оценочную роль, вызывая определённые ассоциативные связи и активируя пласты коллективного сознания представителей французской лингвокультуры. Мы наблюдаем и то, как совсем недавно появившиеся протестные движения тут же, в свою очередь, становятся прецедентными феноменами, обрстая собственной символикой, собственными прецедентными именами и высказываниями.

Таким образом, возможность опознания и адекватной интерпретации прецедентных феноменов, составляющих важнейшую часть французского когнитивного пространства, является, наряду с владением французским языком, важнейшим условием успешной коммуникации. А значит, работа на занятиях иностранного языка с материалами, освещающими сегодняшние французские реалии, в том числе и протестные движения, является одним из залогов эффективного понимания текстов, создаваемых представителями французской лингвокультуры.

Результаты исследования могут быть полезны в преподавании языка, перевода, а также могут использоваться в качестве страноведческого материала. Кроме того, результаты проведённого анализа свидетельствуют об интересе, который может представлять составление постоянно пополняемого словаря прецедентных текстов.

Список литературы

1. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
3. Сорокин Ю.А. Феномен прецедентности и прецедентные феномены / Ю.А. Сорокин, Д.Б. Губков, В.В. Красных и др. // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей, выпуск 4. М., 1998. С. 5–33.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М., 2002. 257 с. [Электронный ресурс] URL: <https://klex.ru/nl3> (Дата доступа 7 февраля 2020 г.)

Сведения об авторах:

Белкина Ольга Ефимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка МГИМО (У) МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика, лингвокультурология, лингвострановедение, устный перевод. E-mail: olgabelkin@gmail.com

Балыш Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка МГИМО (У) МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика, языкознание, лингвострановедение, методика преподавания французского языка. E-mail: jbalych@gmail.com

Огородов Михаил Константинович – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой французского языка МГИМО (У) МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика, переводоведение, методика преподавания перевода, синхронный перевод. E-mail: mike_box@inbox.ru

PRECEDENT PHENOMENA IN THE FRENCH PROTEST DISCOURSE OF 2018-2020 (POSTERS AND GRAFFITI)

Olga E. Belkina, Yulia A. Balysh, Mikhail K. Ogorodov

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article dwells upon precedent phenomena in the French protest discourse of 2018-2020. The authors of the article analyze the precedent phenomena used in the slogans of the Yellow Vests movement, as well as opponents of the reform of the French pension system proposed by French President Emmanuel Macron. The analysis of the content of posters and graffiti that were published in the media and social networks made it possible to ascertain the high frequency of accessing precedent situations and texts, identifying their main sources, explaining the reasons for referring to these sources, and tracing the transformation of precedent statements in new contexts, and also understand how recently emerging protest movements, in turn, are becoming precedent. The results of the study led to the conclusion that the role of precedent phenomena is important, which perform not only informational, but also emotional-evaluative functions, which contribute to the consolidation of citizens in the struggle for their rights. It was also concluded that the cognitive base of foreign linguistic culture is necessary for successful communication and an adequate interpretation of texts created by representatives of this linguistic culture, and therefore the realities of the socio-political life of the country of the language being studied. The article contains a large number of examples. The article may be of interest to experts in the field of political discourse, communication and translation/interpretation. It can also be used for the purpose of linguistic and cultural studies.*

Key Words: *political discourse, precedent phenomena, protest movements, slogans, communication, linguistic culture, linguistic and cultural studies, France, Emmanuel Macron*

References

1. Gudkov D. B. Teoriia i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii [Theory and practice of intercultural communication]. M.: Gnozis, 2003, 288 p.
2. Karaulov Y. N. Russkiy iazyk i iazykovaia lichnost' [Russian language and linguistic personality]. M.: Nauka, 1987. 261 p.
3. Sorokin Y.A., Fenomen pretsedentnosti i pretsedentnyye fenomeny [The phenomenon of precedent and precedent phenomena] / Y.A. Sorokin, D.B. Gudkov, V.V. Krasnykh, N.P. Vol'skaia // Iazyk, soznanie, kommunikatsiia [Language, consciousness, communication]. Collection of articles, issue 4. M., 1998. pp. 5–33.
4. Krasnykh V.V. Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiia: kurs lektsiy [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics]. M., 2002. 257 p., klex.ru/nl3 (accessed 7 February 2020).

About the authors:

Olga E. Belkina – PhD in Philology, Assistant Professor at the French Language Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: linguistics, linguistic and cultural studies, country study, interpretation. E-mail: olgabelkin@gmail.com

Yulia A. Balysh – PhD in Philology, Assistant Professor at the French Language Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: linguistics, linguistic and country studies, methods of teaching the French language. E-mail: jbalych@gmail.com

Mikhail K. Ogorodov – PhD in Philology, Head of the French Language Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: linguistics, translation studies, methods of teaching translation, simultaneous translation. E-mail: mike_box@inbox.ru

* * *

ПРОБЛЕМЫ АРАБСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В КОРОЛЕВСТВЕ МАРОККО И ИХ РЕШЕНИЕ В УНИВЕРСИТЕТЕ АБДЕЛЬМАЛИКА АС-СААДИ (ТЕТУАН)

Е.В. Кухарева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматривается языковая ситуация в современном Марокко, а также место арабского литературного языка в общей системе функционирующих в марокканском обществе языков, его проблемы и пути их решения. Роль арабского языка как важного фактора в укреплении и сохранении единства арабской нации, её исторически сложившейся арабо-мусульманской идентичности закреплена в Конституции Марокко. Вместе с тем, полиэтничный состав марокканского общества и стремление коренного берберского населения укрепить роль берберского языка во всех сферах жизни, колониальное прошлое и связанные с ним до сих пор сильные позиции французского и испанского языков, активное проникновение английского языка – всё это создаёт определённые трудности для выхода арабского литературного языка за рамки статусных для него сфер (религия, СМИ, книгоиздание, международные контакты, образование и ряд других). Решить возникающие проблемы, минимизировать вызовы, с которыми сталкивается арабский литературный язык в марокканском обществе призваны учебные учреждения высокого уровня. Среди таких учебных заведений важное место занимает Университет Абдельмалика ас-Саади в Тетуане. На его Факультете литературы и гуманитарных наук, Факультете основ религии и диалога цивилизаций, а также в Высшей школе перевода имени короля Фахда в Танжере, разработаны уникальные программы подготовки специалистов в области арабского языка для научной, культурной, социальной областей деятельности и жизни общества. Эти программы позволяют не только овладевать арабским литературным языком, но и активно использовать его в эпоху современных технических средств.

Ключевые слова: арабский язык, берберский язык, языковая ситуация, национальная идентичность, билингвизм, диглоссия, университеты Марокко, арабские лингвистические программы и методики.

Арабский язык распространён на огромной территории от Атлантического до Индийского океана и охватывает более 20 государств с населением, которое на 1 января 2016 года составляло около 400 млн. человек, что отражено в статистических отчётах ООН [9]. Учитывая тот факт, что для большей части населения стран Ближнего Востока и Персидского залива, арабский язык является родным, а для другой части внедрённым, что

особенно заметно в государствах Северной и Восточной Африки, вопрос о его изучении имеет немаловажное значение. Во всех этих странах арабский язык является государственным (официальным, основным), что зафиксировано в их конституциях. Так в Конституции Ливана, в статье 11 Главы 2 говорится: «Официальным национальным языком является арабский. Закон устанавливает случаи, когда может применяться французский язык» [5]. Текст новой Конститу-

ции Туниса от 26 января 2014 года закрепляет статус арабского литературного языка как государственного (Глава 1 «Общие положения», Раздел 1) и написан на нём [17]. В Главе 1, Статье 2 Египетской конституции указано, что «Ислам является религией государства, а арабский язык является официальным языком» [6]. В разделе 5 Главы 1 «Общие положения» Конституции Марокко от 2011 г. говорится, что «арабский язык остаётся официальным государственным языком. Государство будет способствовать его сохранению, развитию и расширению (сфер) его применения» [7]. Приведённые примеры – это лишь малая часть аналогичных положений, внесённых в конституции других арабских стран. Такое отношение к литературному арабскому языку – важный фактор в укреплении единства и взаимопонимания между арабскими народами, в сохранении исторически сложившейся арабо-мусульманской идентичности. На нём ведётся официальная переписка, издаются печатные издания, все виды СМИ свои новостные, просветительские программы подают на арабском литературном языке, его используют во время международных и межарабских встреч, конференций и т.д. Кроме того, роль арабского классического языка подкрепляется статьями, закрепляющими приоритетное положение ислама. Так, Конституция Марокко (Статья 3) провозглашает ислам государственной религией и гарантирует «свободное отправление культов». Король Марокко обладает почётным титулом Амир аль-муминина («повелителя правоверных») и заботится об уважении ислама (Статья 41). Согласно Статье 175, положения, относящиеся к исламу, не могут явиться предметом конституционной реформы [16].

Безусловно, в каждой стране, в том числе и Марокко, складывается своя лингвистическая, или языковая ситуация (далее – языковая ситуация), которая зависит от исторического развития, этнического состава населения, культурных традиций, а также языковой политики государства. Языковая ситуация в Марокко рассматривалась рядом российских и зарубежных исследователей. Например, Ж. Багана, Д.В. Тупейко в статье «Языковая ситуация в современном Марокко» подробно рассматривают общую картину функционирования и взаимодействия различных языков, которые используются в процессе коммуникации, считая многоязычие, сложившееся в стране, «отражением исторических событий, логическим продолжением куль-

турного и научного прогресса страны и условием благополучного развития многонационального государства, учитываемым при реализации языковой политики» [2, с. 14]. В своей статье «Особенности языковой ситуации в странах Северной Африки» О.И. Дагбаева рассматривает функционирование современного французского языка в странах Магриба, уделяя особое внимание анализу лексических особенностей франкоязычных блогов в арабских странах Северной Африки [4]. Арабскому народно-разговорному языку в культурной политике стран Магриба во второй половине XX – начале XXI века посвящена работа Араслановой А.Н. [1]. В нашей статье о литературном арабском языке мы коснёмся не только современной языковой ситуации в Марокко и места арабского литературного языка в его общей социально-коммуникативной системе, но и покажем, как марокканское научно-педагогическое сообщество пытается решить проблему более активного внедрения и распространения литературного языка в различных сферах жизни марокканского общества на примере деятельности одного из крупнейших университетов Марокко – Университета Абдельмалика ас-Саади в Тетуане.

Как одно из фундаментальных научных понятий социолингвистики *языковая ситуация*, как правило, означает совокупность языковых образований, участвующих в обслуживании процессов общения в определённой этнической общности или на определённой территории [8, с. 79-80]. «Понятие “языковая ситуация” применяется обычно к большим языковым сообществам – странам, регионам, республикам. Для этого понятия важен фактор времени: по существу, языковая ситуация – это характеристика социально-коммуникативной системы в определённый период её функционирования» [3, с. 20]. При этом наиболее сложно складывается языковая ситуация в полиэтнических обществах и/или в странах, в том числе арабских, получивших независимость, где большое место во всех сферах общественной жизни, культурном развитии и как связующее звено между различными социальными группами занимал и продолжает занимать язык бывшей метрополии, а также где требовалась национальная консолидация общества на основе важного объединяющего фактора.

Таким фактором, по мнению ряда арабских исследователей, выступает арабский язык, причём в его литературной форме. Многие араб-

ские авторы указывают на то, что арабский язык (литературный) – это язык, сохраняющий связь времён и традиций арабо-мусульманской цивилизации, её достижений, язык, закрепляющий общие этические, эстетические, социальные, культурные представления арабских народов о жизни и окружающей действительности. Язык – барометр крепости национального духа любого народа. Так, алжирский учёный, доктор Бен Яхья Тахир Наус пишет в статье «Арабский язык и вызовы билингвизма (реальность и решения)»: «Язык – это инструмент для выражения творческих достижений разума, возникновения и развития культуры. Это – сосуд, сохраняющий цивилизацию, зеркало ценностей и путеводитель по жизни (перев. – Е.В. Кухаревой)» [18]. Это высказывание перекликается с представлениями и российских учёных. Так, С.Г. Тер-Минасова рассматривает язык как «мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос» [10, с. 18]. По её мнению, этнос приобретает черты нации благодаря языку, который способствует сохранению и передаче культуры, традиций, общественного самосознания людей, говорящих на данном языке. Этот феномен хорошо объясняется известными советскими социолингвистами Л.Б. Никольским и А.Д. Швейцером. Говоря о социальных функциях языка, они указывают на три таких функции – консолидирующую, разъединяющую и интегрирующую. При этом, как пишет Л.Б. Никольский, консолидирующая функция реализуется в процессе стихийного объединения этнических общностей и способствует возникновению более крупных этнических единиц. Что касается интегрирующей функции языка, то она возникает и усиливается в результате осознанных шагов общества или государства, которые направлены на распространение языка, необходимого для межнационального общения и формирования национально-политических общностей [12, с. 22].

Поэтому доктор Наус выражает тревогу при сравнении отношения многих европейских (особенно Франции) и арабских стран к арабскому языку, причём как к литературному, так и народно-разговорному. Он считает, что европейские государства, заботясь о своих национальных языках и культуре, смогли не только завоевать арабские страны, но и победить завоеванные народы культурно, внедрить свой образ мысли, завоевать любовь и лояльность этих народов, приучить их к своему образу жизни. Доктор Наус с сожалением констатирует, что

современное арабо-мусульманское общество уже после завоевания независимости часто игнорировало арабский язык как важный фактор внутренней консолидации и не превратило его в средство сплочения и проявления силы и могущества арабской нации. По его мнению, возможно, именно это привело к тому, что к языку Священного Корана относились презрительно и уничижительно не только его противники, но что ещё хуже, сами носители языка. Он восклицает: «Насколько его мало используют на уровне административного аппарата, часто избегают в университетах и институтах, пренебрегают им в некоторых профессиях и чиновничьей среде!» [18].

Следует заметить, что такая ситуация с арабским литературным языком характерна для всего Арабского мира, о чём пишет доктор Абдалла ад-Данан в своём исследовании «Теория и практика обучение арабскому языку» [15]. По его мнению, это результат колониальной политики, которая была направлена на то, чтобы исключить арабский язык из системы образования и получения научных знаний. Поэтому, как пишет доктор ад-Данан, одним из первых документов созданной в 1945 году Лиги арабских государств, направленных на укрепление и развитие арабского языка и возвращение ему достойного места в мировой цивилизации, был Межарабский пакт о культуре, в 9 статье которого говорилось: «Государства-члены Лиги арабских государств будут стремиться унифицировать научную терминологию в рамках проводимых ими совещаний и конференций, создания совместных комитетов, а также распространения издаваемых этими структурами брошюр» (перев. – Е.В. Кухаревой). В соответствии с Пактом о культуре арабские страны должны способствовать с помощью арабского языка получению всех достижений современной науки и научной мысли и превращению арабского языка в этом регионе в язык обучения по всем предметам и на всех этапах образования.

А ведь арабский язык в своём историческом прошлом получил широкое распространение и стал объединяющим фактором для народов, принявших ислам. Выйдя далеко за «национальные (арабские) рамки», он укоренился в завоеванных арабами странах Северной, Северо-западной и Восточной Африки. Новообращённые мусульмане этих стран, чтобы проникнуться идеями Священного Корана, должны были и стремились изучать арабский классический,

или литературный, язык (фусха), на котором изложена главная книга мусульман. Неслучайно в VIII-X веках на территории главных арабских стран Северной Африки (Туниса, Марокко, Египта)¹ появляются первые учебные учреждения (действуют в качестве таковых по сей день), постепенно развившиеся в образовательные заведения университетского толка, в которых изучался Коран, фикх (мусульманская юриспруденция), законы шариата (мусульманского права), хадисы (учение Мухаммеда), а также арабский классический литературный язык, без которого постижение всех этих исламских премудростей было бы невозможно. История распространения арабского языка вполне соответствует положениям, изложенным А.Д. Швейцером и Л.Б. Никольским о том, что «полифункциональный национальный литературный язык складывается в период национальной консолидации. Становление такого литературного языка есть процесс, характеризующийся распространением на данной территории этнического ареала обычно одной из локальных форм речи» [12, с. 49]. Эта локальная форма речи в конкретных социально-исторических условиях становится наиболее престижной, выступает как образцовая в отличие от других локальных форм речи, используемых формирующейся нацией. Данное мнение полностью отражает процесс формирования арабского литературного языка, когда локальный арабский язык, распространённый на территории, контролируемой племенным союзом Курейш (выходцем из которого был пророк Мухаммед), включая Мекку с её святынями, в силу возникновения и распространения ислама стал превращаться в образцовый, кодифицированный арабский литературный язык.

Арабский литературный язык в период своего расцвета стал языком науки и культуры. Благодаря ему жители Халифата и европейское общество того времени познакомились с трудами греческих, индийских, даже китайских учёных, философов, литераторов. Его знали и на нём разговаривали образованные люди во всех странах, где был распространён ислам. На нём писались научные труды и литературные произведения, различные указы и директивы органов власти.

Однако ход истории непредсказуем, и спустя несколько веков многие арабские страны оказались под властью турецких, а потом и европей-

ских завоевателей, которые стремились утвердить в них свои порядки, свою культуру и свой язык. Арабский язык стал утрачивать свои позиции как одной из скреп арабо-мусульманской культуры и идентичности, хотя иногда он продолжал влиять даже на язык завоевателей, как это имело место с турецким языком в период османского владычества. Тем не менее, его преподавание оказалось ограниченным, а различие диалектов в разных арабских странах было одним из факторов, которые препятствовали объединению народов этих стран в борьбе с общим врагом – в первую очередь, европейским колониализмом. Более того, колонизаторы, особенно французы, внедряли в арабское общество завоеванных стран не только свой язык, но свои ценности, свою культуру и своё пренебрежительное отношение к местной культуре и ценностям, а также к арабскому языку как к одному из фундаментальных основ этой культуры. В результате в этих странах возникает такое явление как билингвизм, при котором доминирующее положение занимает чуждый, иноязычный элемент. Именно поэтому доктор Наус видит в этом наиболее опасный вызов арабскому классическому языку и арабской культуре. Неслучайно он приводит слова генерала де Голля из опубликованных в Бейруте вскоре после обретения Алжиром независимости его воспоминаний, писавшего: «Означает ли то, что оставив их (алжирцев – прим. *Е.В. Кухаревой*) управлять собой, мы потеряем их из виду и изгоним из наших сердец? Конечно нет. Мы должны помогать им, потому что они разговаривают на нашем языке и разделяют с нами нашу культуру (перев. – *Е.В. Кухаревой*)». Установление культурной гегемонии над умами жителей бывших колоний – вот главная опасность для укрепления и развития арабского языка в современных условиях. При этом речь идёт не только о классическом арабском языке, но и народно-разговорном, который оказывается более податливым в части восприятия иноязычных элементов [18]. Ибо, как отмечал в своей работе В.Э. Шагаль, до сих пор европейские языки продолжают оказывать большое влияние на арабские народно-разговорные языки, или диалекты, что проявляется как в активных процессах заимствования (адаптации) слов и выражений, так и во включении иностранных слов в арабский текст [11, с. 276].

¹ Университеты «Аз-Зайтуна» (جامعة الزيتونة) (г. Тунис, Тунис) – основан в 732 г.; Аль-Карауин (جامعة القرويين) (Фес, Марокко) – основан в 841 г.; Кайруана (Кайруан, Тунис) – основан в 859 г.; Аль-Азхар (جامعة الأزهر) (Каир, Египет) – основан в 969 г.

Эти опасения не беспочвенны для стран Магриба, особенно Марокко, где существует очень пёстрая языковая картина. Так, в Марокко функционируют: арабский классический и современный литературный арабский язык на уровне всех государственных структур, различных официальных учреждений, а также печатных и информационных СМИ, книгоиздания и других; марокканский диалект, или разговорный марокканский арабский язык, общий практически для всего населения Марокко; берберские языки (амазиг и другие), на которых говорят 40% жителей страны; французский, который широко используется в школах, в культурной сфере; испанский для незначительного числа жителей северной части Марокко и, наконец, английский, который не имеет широкого распространения, но пытается утвердиться в рамках модных тенденций. При этом следует отметить, что именно арабский язык, имеется в виду классический, упоминается в марокканской конституции как основной государственный язык. Этот статус подтверждён Указом от 2003 года, подтверждающим Закон о создании Академии арабского языка имени Мухаммеда VI [14].

Все действия марокканских властей – это не прихоть, а необходимый шаг, чтобы язык арабского единства не исчез с лингвистической карты Марокко. В Марокко около 23,5 млн. марокканских арабов (65,3%) и приблизительно 1,4 млн. представителей других этнических групп, включая часть арабоязычных берберов (4,1%), говорят на марокканском варианте арабского языка, то есть на марокканском диалекте, который является для них основным языком. Это составляет почти 2/3 всего населения страны. Около 5 млн. жителей Марокко (13,3%) говорят исключительно на различных берберских языках. Оставшиеся около 18% населения используют в качестве главных для себя другие языки, среди которых ливанский диалект арабского языка. На нём говорят представители крупной ливанской диаспоры (1,5%), обосновавшейся на марокканской земле. Далее широко представлен язык хассания (язык арабо-берберского населения (0,8%), проживающего на западе Сахары, Мавритании и северо-западе Мали) и алжирский диалект, на котором говорят бедуины яхья и жиль (0,3%). Другие языки, используемые на-

селением как основные – это французский, испанский, турецкий, отдельные местные берберские говоры и даже русский и белорусский. Но количество их носителей не дотягивает даже до статистической погрешности [14].

Такая неоднородность общества в странах Магриба, особенно марокканского, борьба коренного берберского населения за право участвовать в общественной жизни и приобщаться к мировым культурным ценностям, научным достижениям, используя родной язык, привела к тому, что в Конституции Марокко, текст которой был утверждён 1 июля 2011 года и опубликован 29 июля 2011 года, в Статье 5 говорится, что амазигский² язык также является официальным языком государства Марокко – общей родины для всех без исключения марокканцев. Кроме того, в этой же статье говорится, что государство создало национальный совет по культуре, который *обязан* защищать и развивать арабский и амазигский языки, а также различные марокканские местные культуры, которые и формируют неповторимый облик марокканского государства и являются культурным и духовным источником развития современного марокканского общества.

Гибкая языковая политика марокканского правительства, которая проводилась в области культурно-просветительского движения берберского населения на фоне арабизации как стержня лингвистической и культурной политики государства после достижения независимости (диверсификация языков рассматривалась многими политиками как угроза национальному единству), позволила смягчить противостояние и взять под контроль эти процессы. Это было необходимо сделать, так как после получения независимости в 1956 году до 70-х годов прошлого века марокканские власти сталкивались с активным сопротивлением горцев-берберов, которые хотели большей самостоятельности от центральной власти, где преобладали арабы. Сейчас в Марокко на берберском языке выходят печатные издания, ведутся радио- и телепередачи, названия официальных учреждений, учебных заведений, культурных объектов пишутся на арабском, амазигском и иногда французском языках. Значение амазигского (берберского) языка и берберской культуры подкреплено, по-

² Амазигский язык (amazig) – берберский язык, на котором говорит около 40 % населения Марокко. Имеет несколько подвидов: *рифский* – распространён в районе Рифских гор на Севере Марокко. *Тамазихт* – язык племён Среднего Атласа. *Ташели*, на котором говорят жители района Сус.

мимо Конституции 2011 года, другими законодательными актами: Дахиром (Указом) о создании Королевского института амазигской культуры (2001); проектом Органического закона, определяющего процесс применения официального характера амазигского языка (2016) [14].

Казалось бы, с точки зрения языковой ситуации, в Марокко нашли консенсус между всеми функционирующими в стране языками и культурами, все они заняли соответствующее своей значимости место. Однако не всё так просто. Французский язык продолжает соперничать с арабским в таких областях, как образование, управление, торговля, СМИ, культура. Марокканская интеллигенция, особенно та её часть, которая получила образование во Франции, пользуется французским языком при создании произведений национальной художественной литературы, научных трудов, в СМИ. Французский язык часто рассматривается как язык международного общения и сотрудничества, позволяющий приобщиться к более прогрессивным современным технологиям. Этому в немалой степени способствует ряд законов, среди которых можно выделить Конвенцию о партнёрстве для культурного сотрудничества и развития между правительством Французской республики и правительством Королевства Марокко от 25 июля 2003 года [13]. В соответствии с этой Конвенцией Институтом Франции при французском посольстве в Марокко и марокканской стороной в лице Министерства высшего образования, научных исследований и подготовки кадров готовятся совместные проекты для поддержания развития инновационных методик в сфере подготовки кадров для системы высшего образования в Марокко. Такие проекты активно внедряются с 2012 года [13].

На этом фоне положение арабского литературного языка вызывает у многих арабских общественных деятелей тревогу. Причём не только в Магрибе. Наряду с *билингвизмом*, когда человек в равной или почти равной степени владеет родным языком и каким-либо иностранным (чаще всего языком бывшей метрополии) и с лёгкостью переходит с одного на другой в зависимости от ситуации, в арабских странах существует другое явление, называемое *диглоссией*. Этот языковой феномен предполагает функционирование как разговорного арабского языка (диалекта), так и кодифицированного, образцового, литературного арабского языка, с чётко прописанными, устоявшимися и поэтому доста-

точно сложными правилами, которые мало подвержены веяньям времени. Доктор ад-Данан в своей статье отмечает, что арабский литературный язык занимает более высокое положение в лингвистической иерархии. Он используется на более продвинутых уровнях в образовательной системе. На нём издаётся литература, ведутся официальные переговоры и т.д. Однако, по мнению доктора ад-Данана, вызывает сожаление и тревогу, что арабский литературный язык практически не функционирует как язык обычного, ежедневного общения ни в одной из сфер жизни арабского общества. А ведь, как указывает доктор ад-Данан, арабский ученик, который в течение 12 лет в школе изучает арабский язык как отдельную дисциплину, осваивает на нём же другие предметы, в результате, закончив учёбу, не в состоянии разговаривать на нём [15].

В Марокко преодолеть все указанные трудности стремятся не только на законодательном уровне, но и на практике. Решить эту задачу призван ряд высших учебных заведений, среди которых важное место занимает Университет Абдельмалика ас-Саади в Тетуане.

Этот университет был создан в 1989 году и включил в себя 11 учебных заведений. Среди них назовём некоторые:

- Факультет литературы и гуманитарных наук в Тетуане,
- Факультет естественных наук в Тетуане,
- Школа повышения квалификации преподавателей в Тетуане,
- Национальная школа прикладных наук в Тетуане,
- Научно-технический факультет в Тетуане,
- Высшая школа перевода имени короля Фахда в Танжере,
- Факультет основ религии и диалога цивилизаций в Тетуане.

Учебные подразделения Университета Абдельмалика ас-Саади, которые занимаются изучением, пропагандой и продвижением арабского литературного языка, это, прежде всего, Факультет литературы и гуманитарных наук, Факультет основ религии и диалога цивилизаций в Тетуане, а также Высшая школа перевода имени короля Фахда в Танжере. Остановимся на их деятельности подробнее.

Факультет литературы и гуманитарных наук был создан в 1982 году и первоначально входил в систему учебных факультетов Университета Сиди Мухаммеда бен Абдаллы в Фесе. Однако

в 1990 году он был передан Университету Абдельмалика ас-Саади в Тетуане. На Факультете в рамках основной программы осуществляется обучение на 8 кафедрах по 9 направлениям. На 2019 год на нём училось более 14 тыс. студентов. Кроме того, в рамках диверсификации образовательных программ 73 студента получали профессиональную подготовку в области туризма, кинематографии и организации культурных мероприятий. На Факультете осуществляется подготовка по 13 различным магистерским программам, которые охватили в 2019 году 762 студента. При Факультете литературы и гуманитарных наук работает Центр докторских исследований в области литературы, гуманитарных наук и перевода (Отдел аспирантуры – прим. Е.В. Кухаревой), который включает 4 лаборатории и 12 исследовательских групп.

Главной кафедрой, на которой обучение ведётся исключительно на литературном языке и на которой арабский язык, а также арабская литература изучаются как учебный предмет, является Кафедра арабского языка и арабской литературы. Также студенты постигают премудрости арабского языка и на таких кафедрах, как Кафедра исламских исследований и Кафедра философии, социологии и психологии. Кафедра географии и Кафедра истории и цивилизации также опираются на арабский литературный язык. И это не случайно, если учесть тот вклад, который внесли в своё время арабские учёные в развитие этих наук³.

Среди учебных и научных направлений, связанных с различными аспектами изучения арабского литературного языка и культуры, можно назвать Лабораторию по речевым и текстовым исследованиям и комментариям (толкованиям) (مختبر التأويلات والدراسات النصية واللغوية), Группу по исследованию литературы и семантики (والسينيمائي فرقة البحث الادبي), Группу по исследованию

женской литературы (فرقة البحث في الكتابات النسائية), Группу по исследованиям в области риторики и анализа речей, Группу по исследованиям в области поэзии (فرقة البحث في الدراسات الشعرية) и ряд других. Кроме того, арабские исследования проводятся в рамках таких направлений, как «Исламская доктрина: наука и цивилизация», «Арабская литература в алавитском Марокко: истоки и распространение», «Древнеарабская проза: исследования в области форм и направлений», «Наука перевода и речевое поведение», «Речевое поведение: исследования и комментарии». Все эти направления обучения и исследования в Университете Абдельмалика ас-Саади запрограммированы на уровне бакалавриата и магистратуры. В аспирантуре будущие докторанты могут выбирать из филологических и близких им направлений следующие: «Речевое поведение, коммуникация, перевод», «Древнеарабский литературный текст», «Искусство красноречия и анализ речевого произведения», «Исламские исследования: догма, наука, культурное наследие».

Все эти направления и сферы изучения арабского литературного языка в рамках учебных программ, разработанных на Филологическом факультете Университета Абдельмалика ас-Саади, имеют целью: совершенствование знаний студентов в области лингвистики, литературы и искусства, а также в области владения литературным арабским языком; соответствие мировым тенденциям в исследованиях языка, литературы и искусства; внедрение новых современных научных методов обучения; превращение филологии как науки в область, восприимчивую к различным видам искусств и различным формам устного, письменного и цифрового выражения. Осуществление этих целей должно привести к углублению связи арабского литературного языка с общественной и культурной жизнью марокканского общества,

³ Например, **Ибн Хальдун**, Абу Зейд Абдуррахман ибн Мухаммад (1332–1406) – арабский государственный и общественный деятель, философ-социолог и историк, который был первым арабским мыслителем, создавшим теорию о социальных и политических изменениях в обществе, об эволюции политической власти. Наиболее значимое его произведение – это «Большая история», или «Книга поучительных примеров и диван сообщений о днях арабов, аджамов и берберов и их современников, обладавших огромной властью». Особенно знаменито «Введение» к «Большой истории», известное под названием «Мукаддима». Это работа – своего рода энциклопедия социально-экономической и политической жизни современной ему эпохи [Отец социологии – Ибн Халдун. Мухамед Саляхетдинов. <https://mirznanii.com/a/318418/otets-sotsiologii-ibn-khaldun>].

Ибн Рущд, Абуль Валид Мухаммад ибн Ахмад, более известный под латинизированным именем Аверроис (1126–1198) – испано-арабский философ и врач. Его сочинение «Опровержение опровержения» было написано в защиту греческой философской традиции против нападок философов-ортодоксов [https://studme.org/42214/filosofiya/ibn_rushd_rassuzhdenie_vynosyaschee_reshenie_otnositelno_svyazi_mezhdu_religiey_filosofiey#512].

Ибн Баттута, или Абу 'Абдуллах Мухаммад ибн 'Абдулла ат-Танджи (1304[– 1377) – арабский путешественник и странствующий купец, объехавший все страны исламского мира – от Булгара до Момбасы, от Томбуку до Китая. Автор книги «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий» [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ибн_Батута].

расширить сферу его применения, включая ежедневную обыденную жизнь простых марокканцев, подготовить специалистов, владеющих на высоком профессиональном уровне арабским языком, к более значимой их роли в обществе. Это могут быть аналитики (стиль), литературные критики, люди, не только владеющие информацией, но и знающие производственные процессы [19].

Конкретные задачи, непосредственно связанные с процессом обучения, формулируются в рамках учебных программ следующим образом:

- к концу обучения студент должен хорошо владеть арабским литературным языком и знать историю арабской литературы, арабской культуры с древних веков до наших дней;
- студент должен хорошо владеть навыками и методикой чтения литературных и технических текстов, уметь определить эстетическую и структурную ценность литературного текста;
- студент должен владеть навыками аргументирования и комментирования различных аспектов литературного текста;
- студент должен уметь грамотно выражать свои мысли на арабском литературном языке как устно, так и письменно, знать арабский счёт на литературном языке. При этом он должен учитывать особенности выразительных средств в каждой форме арабского языка, знать требования и соблюдать правила каждой из них, будь то законы красноречия, диспута или эстетики;
- студент также должен уметь применять свои знания в области литературного арабского языка, используя современные средства (компьютер, Интернет и другие), уметь с их помощью добывать информацию, чтобы трансформировать её в знания [19].

Кроме того, популяризацией арабского литературного языка в Университете Абдельмалика ас-Саади занимаются также и в Центре арабского языка при Факультете основ религии и диалога цивилизаций в Тетуане. Этот Центр имеет широкие связи с учебными заведениями в разных странах, в том числе и с Центром арабской культуры «Аль-Хадара», который сотрудничает с Казанским федеральным университетом. Группы студентов из России могут во время полугода или двухмесячных стажировок изучать или совершенствовать арабский литературный язык. В этом им помогают преподаватели Университета Абдельмалика ас-Саади, которые от-

вечают за соответствующие направления языковой подготовки.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- Языковая ситуация в Марокко отличается разнообразием циркулирующих в обществе языков. В стране имеет хождение арабский литературный и арабский разговорный языки, берберские языки, французский, испанский и другие.
- Географическое распределение этих языков зависит от этнического состава населения тех или иных регионов страны, но марокканский диалект арабского языка является общим для всех жителей страны.
- Функционирование арабского языка в Марокко характеризуется диглоссией (наличием литературной и разговорной форм арабского языка), а также часто сопровождается билингвизмом (использованием французского или испанского языков наряду с арабским), свойственным жителям страны в силу исторического развития и колониального прошлого.
- Арабский литературный язык используется в официальных материалах, СМИ, печатных изданиях, официальных мероприятиях с участием представителей других арабских и зарубежных стран.
- Арабский литературный язык изучается в школах и высших учебных заведениях. В университетах на арабском литературном языке ведутся занятия по ряду направлений, а также пишутся магистерские и докторские диссертации.
- Однако существует ряд проблем, которые вызывают тревогу у представителей марокканской интеллигенции. В первую очередь это то, что арабский литературный язык пока так и не стал языком повседневного общения. На бытовом уровне используются национальные языки или марокканский диалект. Школьники после окончания школы затрудняются выражать свои мысли на арабском литературном языке. Кроме того, берберское население оказывало активное сопротивление политике арабизации в стране, что привело к внесению в Конституцию положений, закрепляющих официальный статус берберского языка наряду с арабским, что не способствует распространению и активному употреблению не только арабского литературного, но и арабского разговорного языка среди берберов, особенно в отдалённых регионах Марокко.
- Вместе с тем, в стране делается многое, чтобы арабский язык оставался символом един-

ства арабской нации, не утратил своей роли как языка посредника между различными арабскими народами, населяющими как западные, так и восточные регионы арабского мира. Для этого в стране действуют учебные заведения, задачей которых является изучение, сохранение, развитие и распространение арабского литературного языка. Среди таких учреждений заметная роль принадлежит Университету Абдельмалика ас-Саади в Тетуане.

Список литературы

1. Арасланова А.Н. Арабский народно-разговорный язык в культурной политике стран Магриба во второй половине XX - начале XXI века. Выпускная квалификационная работа по направлению подготовки 51.03.01 «Культурология», Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2018. 50 с.
2. Багана Ж. Языковая ситуация в современном Марокко / Ж. Багана, Д.В. Тупейко // Вестник РУДН, серия Лингвистика. 2015, № 2, С. 9-15.
3. Беликов И. В. Социоллингвистика : учебник для бакалавриата и магистратуры / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2016. 337 с. Серия : Авторский учебник.
4. Дагбаева О.И. Особенности языковой ситуации в странах Северной Африки // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. 2015, № 1, С. 55-59.
5. Конституции государств (стран) мира. Конституция Ливанской республики. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс] / Роман Пашков. – URL: <https://archive.is/20130802161349/worldconstitutions.ru/archives/90#selection-25.0-25.46> (Дата доступа 13.10.2019).
6. Конституции государств (стран) мира. Конституция Арабской Республики Египет. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс] / Роман Пашков. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1013> (Дата доступа 13.10.2019).
7. Конституции государств (стран) мира. Библиотека конституций Пашкова Романа. Конституция Марокко. [Электронный ресурс] / Конституция Марокко. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=481> (Дата доступа 13.10.2019).
8. Никольский, Леонид Борисович. Синхронная социоллингвистика [Текст] : (Теория и проблемы) / Л. Б. Никольский. АН СССР, Ин-т востоковедения. Москва : Наука, 1976. 168 с.; 22 см.
9. Отдел народонаселения ООН. Перспективы народонаселения мира; Статистический отдел Организации Объединенных Наций. Отчет по статистике народонаселения и жизнедеятельности [Электронный ресурс] / Отдел народонаселения ООН. – URL: <https://time.graphics.ru/statistic/wb24442> (Дата доступа 10.09.2019).
10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
11. Шагаль В.Э. Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык / В.Э. Шагаль. М.: ИВ РАН, 2001. 288 с.
12. Швейцер А.Д. Введение в социоллингвистику (Для институтов и факультетов иностранных языков) / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. Москва: «Высшая школа», 1978. 213 с.
13. Cooperation maroco-française [Электронный ресурс] . – URL: https://www.enssup.gov.ma/sites/default/files/PAGES/482/TDR_AP-ES-2015.pdf (Дата доступа 07.09.2019).
14. Maroc. (1) Situation démographique [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.axl.cefane.ulaval.ca/afrique/maroc-1demo.htm> (Дата доступа 15.09.2019).
15. ад-Данан, Абдалла. Таалим ал-люга ль-арабия би-ль-фитра ва ль-мумараса. [Обучение арабскому языку на уровне интуиции и через прак-тику] Аль-Хамисийа, №1, Эр-Рияд, 2011. 242 с. С. 105-138 (араб.)
16. Дустур аль-мамляка аль-магрибийа [Конституции Марокканского Королевства] (араб.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.freemorocco.com/tamendawt.pdf> (Дата доступа 13.10.2019).
17. Дустур Тунис [Конституции Тунисской республики] [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aljazeera.net/encyclopedia/events/2015/7/5/> (Дата доступа 13.10.2019).
18. Наус, Бен Яхья Тахир. Ал-люга арабийа ва тахадийат аль-издиваджийат ал-люгавийа (аль-вакья ва ль-хулуль). [Арабский язык и опасности билингвизма (реальность и решения)] / Бен Яхья Тахир Наус. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.alukah.net/literature_language/0/68064/ (Дата доступа 19.09.2019).
19. Аль-миляф аль-ватани ли талаб аль-иатимад. Аль-мамляка аль-магрибийа. Визарат ат-таалим аль-али ва-ль-бахс аль-илмий ва таквин аль-утур. Сильк аль-иджаза. [219:2014]7. [Учебные программы для аккредитации. Королевство Марокко. Министерство образования, научных исследований и подготовки кадров.[219:2014]7]

Сведения об авторе:

Елена Владимировна Кухарева – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока ФГАОУ ВО МГИМО МИД России, научные интересы: преподавание арабского языка, арабский фольклор, лингвокультурология; e-mail: elena_koukhareva@mail.ru

PROBLEMS OF THE ARABIC LITERARY LANGUAGE IN MOROCCO AND THEIR SOLUTION AT ABDELMALIK AL-SAADI UNIVERSITY (TETUAN)

E.V. Kukhareva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article considers the language situation in modern Morocco, as well as the place of the Arabic literary language in the whole social and communicative system of Moroccan society, its problems and ways of their solution. The role of the Arabic language as an important factor in strengthening and preserving the unity of the Arab nation and its historical Arab-Muslim identity is enshrined in the Moroccan Constitution. However, the multiethnic composition of Moroccan society and the desire of the indigenous Berber population to strengthen the role of the Amazigh language in all spheres of life, the colonial past and still strong position of French and Spanish associated with it, as well as the active penetration of the English language – all these create certain difficulties for the Arabic literary language to be used in other spheres but assigned (religion, media, publishing industry, international contacts, education and a number of others). High-level educational institutions are called upon to solve the emerging problems and minimize the challenges faced by the Arabic literary language in Moroccan society. Among such institutions, Abdelmalik al-Saadi University in Tetuan occupies an important place. Its faculty of Literature and Humanities, the faculty of the Foundations of Religion and the Dialogue of Civilizations, as well as the King Fahd Graduate School of translation in Tangier, have developed unique Arabic language programs training specialists for scientific, cultural and social spheres of life and activities. These programs allow not only to master the Arabic literary language, but also to actively use it in the era of modern technology.*

Key Words: *Arabic language, Berber language, language situation, national identity, bilingualism, diglossia, Moroccan universities, Arabic linguistic programs and methods.*

References

1. Araslanova A.N. Arabskii narodno-razgovorny iazyk v kul'turnoi politike stran Magriba vo vtoroi polovine XX – nachale XXI veka [Arab folk-spoken language in the cultural policy of the Maghreb countries in the second half of the XX-early XXI century] / A.N. Araslanova. Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet. Sankt-Peterburg, 2018. 50 s.
2. Bagana Zh., Tupeiko D.V. Iazykovaia situatsiia v sovremennom Marokko [The Language situation in contemporary Morocco] // Zh. Bagana, D.V. Tu-peiko. Vestnik RUDN, seriia Lingvistika. 2015, № 2, S. 9-15.
3. Belikov I.V., Krysin L. P. Sotsiolingvistika : uchebnik dlia bakalavriata i magistratury [Sociolinguistics: textbook for bachelor and master programs] / V. I. Belikov, L. P. Krysin. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Izdatel'stvo YUrait, 2016. 337 s. Seriia : Avtorskii uchebник.
4. Dagbaeva O.I. Osobennosti iazykovoi situatsii v stranakh Severnoi Afriki [Features of the language situation in the countries of North Africa] // Vestnik RUDN, seriia Voprosy obrazovaniia: iazyki i spetsial'nost'. 2015, № 1, S. 55-59.
5. Konstitutsii gosudarstv (stran) mira. Konstitutsiia Livanskoi respubliki [Constitutions of States (countries) of the world. The Constitution of the Lebanese Republic] Internet-biblioteka konstitutsii Romana Pashkova/ Roman Pashkov, archive. is/20130802161349/worldconstitutions.ru/archives/90#selection-25.0-25.46 (accessed 13.10.2019).
6. Konstitutsii gosudarstv (stran) mira. Konstitutsiia Arabskoi Respubliki Egipet [Constitutions of States (countries) of the world. The Constitution of the Arab Republic of Egypt]. Internet-biblioteka konstitutsii Romana Pashkova / Roman Pashkov. [Electronic resource], worldconstitutions.ru/?p=1013 (accessed 13.10.2019).
7. Konstitutsii gosudarstv (stran) mira. Konstitutsiia Marokko. [Constitutions of States (countries) of the world. The Constitution of the Moroccan Kingdom] Biblioteka konstitutsii Pashkova Romana. [Electronic resource] / Konstitutsiia Marokko, worldconstitutions.ru/?p=481 (accessed 13.10.2019).
8. Nikol'skii, Leonid Borisovich. Sinhronnaia sotsiolingvistika [Tekst] : (Teoriia i problemy) [Synchronous sociolinguistics [Text]: (Theory and problems)] / L. B. Nikol'skii. AN SSSR, In-t vostokovedeniia. Moskva : Nauka, 1976. 168 s.; 22 sm.
9. Otdel narodonaseleniia OON. Perspektivy narodonaseleniia mira; Statisticheskii otdel Organizatsii Ob'edinennykh Natsii. Otchet po statistike narodonaseleniia i zhiznedeiateľnosti [UN population division. World population Outlook; United Nations Statistics division. Report on population and life statistics] / Otdel narodonaseleniia OON. [Electronic resource], time. graphics/ru/statistic/wb24442 (accessed 10.09.2019).

10. Ter-Minasova S.G. Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia [Language and intercultural communication] / S.G. Ter-Minasova. M.: Slovo, 2000. 624 s.
11. Shagal' V.E. Arabskii mir: puti poznaniia. Mezhkul'turnaia kommunikatsiya i arabskii iazyk [The Arab world: the path of knowledge. Intercultural communication and the Arabic language] / V.E. Shagal'. M.: IV RAN, 2001. 288 s.
12. Shveitser A.D. Vvedenie v sotsiolingvistiku (Dlia institutov i fakul'tetov inostrannykh iazykov) [Introduction to sociolinguistics (for institutes and faculties of foreign languages)] / A.D. Shveitser, L.B. Nikol'skii. Moskva: «Vysshaya shkola», 1978. 213 s.
13. Cooperation maroco-française [Electronic resource], www.enssup.gov.ma/sites/default/files/PAGES/482/TDR_AP-ES-2015.pdf (accessed 07.09.2019).
14. Maroc. (1) Situation démologique [Electronic resource], www.axl.cefanelaval.ca/afrique/maroc-1demo.htm (accessed 15.09.2019).
15. ad-Danan, Abdalla. Taalim al-lyuga l'-arabiya bi-l'-fitra va l'-mumarasa. [Learning Arabic through intuition and practice]// Abdalla ad-Danan. Al'-Hamisija, №1, Er-Riyad, 2011. 242 s. S. 105-138 (arab.)
16. Dustur al'-mamlyaka al'-magribija [The Constitution of the Moroccan Kingdom] (arab.), www.freemorocco.com/tamendawt.pdf (accessed 13.10.2019).
17. Dustur Tunis [Constitution of the Republic of Tunisia], www.aljazeera.net/encyclopedia/events/2015/7/5/(accessed 13.10.2019).
18. Naus, Ben YAh'ya Tahir. Al-lyuga arabija va tahadijat al'-izdivadzhiyat –al-lyugavija (al'-vakya va l'-hulul'). [The Arabic language and the dangers of bilingualism (reality and solutions)] / Ben YAh'ya Tahir Naus, www.alukah.net/literature_language/0/68064/ (accessed 19.09.2019).
19. Al'-milyaff al'-vatani li talab al'-iatimad. Al'-mamlyaka al'-magribija. Vizar-at at-taalim al'-ali va l'-bahs al'-ilmij va takvin al'-utur. Sil'k al'-idzhaza. [219:2014]7. [Training programs for accreditation. Kingdom of Morocco. Ministry of education, research and training] [219:2014]7.

About the author:

Elena V. Kukhareva – Candidate of Philology, Associate Professor, Middle East Federal State Autonomous Educational Institution MGIMO (University). Research interests: teaching Arabic, Arabic folklore, linguoculturology;
e-mail: elena_koukhareva@mail.ru

* * *

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОК ФРАНЦУЗСКИХ, ИТАЛЬЯНСКИХ И РУССКИХ СТЕРЕОТИПОВ

А.С. Овчинникова

Частная образовательная организация высшего образования-Ассоциация «Тульский университет»
300026, Россия, г. Тула, Рязанская, 1

Г.В. Овчинникова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 76,
Московский государственный областной университет,
141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д.24

Впервые в статье проводится сопоставительный анализ межкультурного общения на примере анализа стереотипов французского, итальянского и русского языков. Студенты, изучающие русский язык как иностранный, используют его для межкультурного общения, в котором разность культур собеседников могут породить «конфликт культур». Задача преподавателя заключается в подведении обучающихся к перекрёстку культур, а не к этническому конфликту. Цель статьи включает попытку определения и разграничения таких новых терминов, как: межкультурная интеракция, акультурация и декультурация, стереотип, клише с применением методов интеракционного, семного анализа и метода словарных дефиниций. До настоящего времени отсутствует единая методологическая основа, разработка которой позволит объединить различные подходы к проблеме, внести уточнение в определение интеракции. Социальная природа всех процессов коммуникации, межкультурной коммуникации, в частности, требует рассмотрения проблемы в системе лингвокультурных исследований, что представляет собой наиболее полное и качественно новое осмысление процессов становления и развития межкультурного взаимодействия, а также определения механизмов формирования поликультурной личности, способной к успешной социализации в глобальном мире. Как считают некоторые исследователи, обучение межкультурной коммуникации может породить противоречия с собственной культурной идентичностью: возникает страх потерять ориентацию в привычном социокультурном пространстве, утратить идентичность и потерять поддержку своей группы. Предлагаемая статья доказывает, что процесс межкультурного общения французов, итальянцев и русских на занятиях русского языка способствует устранению появления такого рода противоречий. Естественным приёмом против возникновения таких ситуаций служит принцип открытости и спорности в организации процесса обучения. Последний должен восприниматься студентами как процесс поиска, в котором должны быть задействованы как познавательный, так и эмоциональный уровни сознания.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, конфликт и перекресток культур, интеракция

Le sujet proposé c'est un résultat de nos démarches, retiré de notre expérience lors de l'enseignement du russe comme langue étrangère aux Français et aux Italiens en Russie et en France. Nous avons réalisé notre sondage pendant les stages à différentes périodes: octobre - décembre 2014, les étudiants de l'Università Ca' Foscari de Venise à l'Université de Toula, octobre 2018, les étudiants de l'Università Roma Tre, mai-juin 2011-2018, les étudiants de l'Université Grenoble-Alpes à l'Université de Toula, avril 2018, les stagiaires de Reggio-Emilia à l'Université de Toula, octobre-mai 2015-2016, les lycéens du lycée de Staël de Paris, une assistante du russe à Paris dans le cadre du programme de l'Ambassade de France à Moscou, décembre 2018-2019, Centre de Russie pour la recherche et la culture à Paris, 2018-2019, les étudiants qui apprennent le français à l'Université de Toula, les étudiants qui apprennent l'italien à l'Université d'État pour la région de Moscou. Nous avons recueilli les réponses de la part de 152 apprenants, âgés de 14 à 60 ans.

Pendant leur stage de russe de longue durée ou de courte durée, les apprenants français et italiens étudient et s'expriment, en recourant à la même langue commune qui est le russe pour eux, mais il arrive des moments, où il y a des malentendus, dus à la diversité des cultures des interlocuteurs, qui peuvent provoquer potentiellement «le conflit des cultures». L'objectif de l'enseignant est d'emmener les apprenants au carrefour interculturel, en évitant le conflit ethnique.

On a introduit ces exemples concrets pour montrer en pratique que le problème du conflit interculturel des stéréotypes sur l'exemple des étudiants étrangers est très aigu et demande une étude détaillée des chercheurs et des enseignants.

Il en suit le besoin des chercheurs d'établir les rapports entre de nouveaux concepts, tels que: «interaction interculturelle», «acculturation» et «déculturation», en se basant sur un éventail de méthodes de recherches (sondage des apprenants dans les groupes trilingues, bilingues et unilingues, analyse conversationnelle, analyse interactionnelle, analyse componentielle, analyse et synthèse dérivationnelles).

En nous basant sur la définition de la communication interculturelle comme un entretien verbal qui donne accès aux identités culturelles de l'Autre, nous constatons que la communication interculturelle est composée d'interactions de l'individu dans la situation des relations avec des cultures différentes, autrement dit, avec l'Étranger. Les étudiants qui arrivent des autres pays pour le stage du russe à Toula ou apprennent le russe dans leur pays tombent par-

fois dans une interculturelité multilinguistique, si les groupes sont multinationaux bilingues ou dilingues. Nous avons eu plusieurs groupes d'étudiants dilingues les derniers 10 ans, mais ces groupes ne font pas l'objet de la présente analyse, car ils parlent leur langue maternelle et le français en plus. Nous préférons rester dans le cadre de l'expérience qui ne prévoit qu'une langue maternelle et une langue étrangère (le russe comme langue étrangère).

C'est pourquoi nous prenons un groupe de Français qui apprend le russe et un groupe d'Italiens qui apprend le russe. Comme nous sommes devant trois cultures différentes, il y a une nécessité de recourir en plus au terme d'acculturation réciproque pour définir la rencontre entre les cultures différentes – française, italienne, russe. Ce concept est issu de l'anthropologie anglo-saxonne dont les racines remontent au XIXe siècle. Son utilisation s'est développée dans le domaine des sciences sociales à partir des années 1950. Dans cet article nous exploitons cette notion dans le sens de l'acquisition des connaissances de la culture étrangère. Par contre, il ne faut pas oublier le terme de «déculcuration partielle», c'est le moment, où les stagiaires étrangers perdent leurs coutumes de la vie quotidienne, par exemple, si nous prenons le champ sémantique des rituels, liés au transport, les stagiaires italiens et français ont leur permis de conduire international, mais ils s'adressent rarement à l'agence de location de voitures en Russie, car le Code de la route russe a des différences par rapport à celui de leur pays. Un exemple analogique pour les Russes en France – pour éviter le conflit avec la gendarmerie routière française les Russes ont peur de louer une voiture en France, parce qu'ils peuvent être privés de leurs permis de conduire de 3 à 6 mois à cause de la vitesse qui dépasse la norme.

S'ils sont arrivés en voiture de la Russie en France, l'interaction entre le gendarme français et le conducteur russe peut amener à un conflit, provoqué par les différences du Code de la route.

En ce qui concerne les interactions du champ sémantique «transport public» les étudiants français et italiens se débrouillent parfaitement dans le métro à Moscou, et ils s'habituent facilement au transport public (le tram, le bus ou le trolley) à Toula, mais ils découvrent pour la première fois une catégorie de transport public qui n'existe pas dans leurs pays c'est une marchroutka. Presque tous les trajets de transport public dans la capitale et à Toula sont asservis par ces *minibus* qui sont devenus des stéréotypes russes dans le domaine du transport public depuis les années de la *péréstroïka*. Il faut expliquer aux étudiants étrangers le comporte-

ment dans les marchroutkas, afin d'éviter le conflit interactionnel:

- 1) il n'est pas obligatoire de saluer le conducteur, en entrant;
- 2) il faut payer en liquide son titre de transport directement au conducteur à l'entrée;
- 3) il faut faire passer l'argent de son voisin qui n'a pas eu le temps de payer à l'entrée;
- 4) il ne faut pas s'attendre à ce que le conducteur vous réponde «au revoir» à votre sortie de son minibus.

Le champ sémantique « repas » contient aussi des rituels qui ont des désaccords interactionnels. On peut citer des exemples multiples pour le prouver.

Les stagiaires étrangers s'habituent à manger de la soupe à midi et pas le soir, ils commencent à apprendre à manger de l'okrochka (de la soupe froide) en été. Ils sont obligés de prendre l'habitude de fumer leur cigarette en dehors de la Cité Universitaire ce qui demande de la patience le premier temps pour éviter tout le conflit avec l'Administration universitaire, en apprenant bien le proverbe russe «со своим уставом в чужой монастырь не ходят» («so svoim oustavom v tchoujoï monastyr' ne khodiat»), «on ne va pas dans un monastère d'autrui avec son règlement», «non andare all'altro monastero con le sue condizioni».

Cet article a pour but d'étudier les stéréotypes des étudiants italiens et français qui apprennent les stéréotypes russes pour éviter le conflit et trouver le consensus interculturel dans les groupes bilingues. Le premier obstacle contre lequel ces étudiants se heurtent lors de la communication interculturelle est la langue. Pourtant, c'est le russe qui aide à franchir cette barrière interlinguistique dans notre cas concret. Quand un stagiaire italien ou français est intégré dans un groupe, il a l'obligation d'abandonner une certaine individualité de ses origines pour se mettre en accord avec la norme trilingue du groupe, afin que le partage des valeurs soit réalisé et qu'un certain système de notions culturelles soit formé. La tâche du professeur de russe est d'éviter les conflits interculturels et interactionnels pendant les cours et faire découvrir aux étudiants la différence des stéréotypes italiens, français et russes. Sans avoir eu notre expérience pratique avec les Français et les Italiens qui apprennent le russe, nous n'aurions jamais pu comprendre profondément les mécanismes psychologiques et les enjeux pédagogiques de la communication interculturelle et certains éléments conflictuels. En effet, il vaut mieux présenter quelques réflexions théoriques sur la définition de la notion «stéréotype» avant de passer aux résultats du travail expérimental.

Les stéréotypes et leur fonctionnement sont devenus un objet de plein droit de plusieurs colloques internationaux dont les intervenants appartiennent aux sciences diverses: langage, didactologie, psychologie sociale, politologie, sciences de la communication, analyse littéraire, étude des discours cinématographiques et, certainement, sociologie et anthropologie. La palette des auteurs cités va de M. Bakhtine [2, p.22, 29, 37] à E.Goffman [3, p. 48-52].

L'analyse des stéréotypes français et italiens, vus dans le miroir de la langue et de la culture russe c'est une sorte d'approche de schématiser l'environnement interculturel pour mieux reconnaître la diversité de chaque éthos. La théorie de R. Amossy et d'A. Herschberg-Pierrot, concernant les stéréotypes, les clichés et les préjugés présente l'analyse des «évidences partagées», «des représentations collectives» et «des automatismes de langage» [1, p. 59, 61, 64], permet d'appliquer cet appareil notionnel aux interactions interculturelles. On constate la pluralité des définitions autour du terme «interaction» ce qui provoque des débats continus des linguistes qui défendent chacun son opinion. Le terme d'interaction s'emploie souvent comme synonyme de «conversation», «dialogue», «entretien», «négociation» d'une façon inadéquate. En nous rejoignant à l'opinion de C. Kerbrat-Orecchioni, nous utilisons le terme de l'interaction verbale dans cet article comme un processus, dans lequel les interlocuteurs présupposent leur relation réciproque en tant que protagonistes sociaux [4, p. 113-123]. Une interaction selon l'école de Genève prévoit un modèle standard à trois rangs [5, p. 177], celui de Vion est à six rangs [6, p. 94], mais nous nous rallions au modèle à 5 rangs qui est plus convenable à notre corpus illustratif: l'interaction, la séquence, l'échange, l'intervention et l'acte de langage [4, p. 213].

Comme notre étude est visée vers l'analyse contrastive du fonctionnement des interactions verbales en italien, en français et en russe, elle débouche inéluctablement sur l'interculturel, basé sur la stéréotypie. Le stéréotype est construit selon deux options : ou par le contraste, en accentuant des différences entre le groupe concerné et les autres, ou par l'assimilation, en mettant en relief des ressemblances au sein du groupe. L'analyse des stéréotypes de trois cultures différentes prouve que le décalage dans le comportement stéréotypé provoque souvent un choc interculturel.

En continuant la série d'exemples du champ sémantique «transport», le Français ou l'Italien, bousculé dans le transport public en Russie, s'attend aux ex-

cuses selon toutes les règles de politesse de leur pays, par contre les résultats du sondage montrent que l'invité étranger a ces excuses plus fréquemment à Moscou (89%), mais plus rarement à Toula (76%). Parfois, le Toulaïen, en voyant la surprise dans les yeux de son voisin bousculé peut recourir aux excuses sous forme «de l'humour noir»: «Извините, что мало» («Izvinité, chto malo») - «Excusez-moi de ne pas vous avoir bousculé un peu plus». Ce Russe cache son désir de s'excuser franchement, et cela ne veut pas dire qu'il va «rebousculer» son voisin (sa voisine), c'est une façon de demander pardon «à la russe».

En revenant au champ sémantique «repas», on en tire un exemple éloquent: après les repas de fête la patronne d'une maison russe s'attend aux louanges pour ses plats préparés et les remerciements de la part de ses invités français et italiens. Elle sera très déçue, si elle ne les reçoit pas. Bien sûr, qu'il s'agit des stéréotypes sans oublier un comportement individuel et inattendu dans chaque situation concrète.

En développant la théorie de R. Amossy et de A. Herschberg-Pierrot, et, en nous basant sur le corpus des stéréotypes russes, français et italiens, on constate que les représentations deviennent un moteur créateur de l'identité sociale, langagière et culturelle, et le cours de russe devient un terrain fertile pour la transmission et la création des stéréotypes.

Les apprenants cherchent à réfléchir surtout sur leur propre culture et sur leur propre identité, ils s'interrogent sur les représentations souvent implicites de leur propre pays, et tentent de dévoiler leurs autostéréotypes. Il faut éviter que l'apprenant survive un choc interculturel qui lui empêche de profiter pleinement de son confort dans un groupe trilingue.

Il en résulte la nécessité d'introduire les éléments interculturels dans l'étude des stéréotypes et créer un climat pour éliminer toute la contrainte, de manière à ce que les cours soient un environnement « idéal », où l'enseignant et les apprenants parviennent à remettre en question leurs visions stéréotypées de la culture de l'autre et en tirer ainsi un profit mutuel.

Il en découle l'objectif de prêter plus d'attention aux stéréotypes et aux nuances de l'interaction interculturelle des apprenants français et italiens. L'enseignant et l'apprenant doivent reconnaître l'autre comme différent, c'est un fait d'accepter et de relativiser son propre système de valeurs, d'admettre les interactions qui puissent avoir d'autres motivations, d'autres références, d'autres habitudes, autrement dit, il est nécessaire d'éviter le conflit entre le comportement de l'étranger dans sa propre culture et son propre langage et le comportement dans l'ambiance inconnue qui ne lui est pas familière.

Par exemple, si le Français recourt à un calque, lors de la traduction de la phrase du français en russe: «C'est idiot de dire comme ça» - «Так говорить глупо (tak govorit' gloupo)» qui signifie en français «ce n'est pas évident», «ce n'est pas du nougat», «ce n'est pas rose», 82% des étudiants russes, selon le sondage, réalisé dans le groupe expérimental en été 2018 (le groupe comprenait 14 étudiants russes, 14 étudiants italiens), ont été trop gênés par cette réplique qui leur a été adressée. Le mot emprunté «idiot» a acquis dans le russe une autre signification avec une nuance péjorative assez forte, ce qui veut dire «c'est débile, c'est fou, c'est bête», pour l'Italien «idiotalement» ce n'est pas poli non plus: «c'est stupido, c'est insensato, c'est balordo».

Les Russes ne comprennent pas d'une façon adéquate un échange entre le Français et l'Italien: «J'ignore la Russie» (fr.), «Ignoro la Russia» (it.) ce qui signifie «Je ne connais pas la Russie» (fr.), «Non conosco la Russia» (it.), mais cela ne veut pas dire «Я игнорирую Россию» (rus. «Ya ignorirouyou Rossiyou») «Je ne veux pas faire attention à la Russie», l'analyse componentielle de ce verbe emprunté au latin «игнорировать» (ignorirovat' - rus.) aide à dégager un sème négatif «ne pas remarquer», «mépriser», «considérer comme indigne d'estime, comme moralement condamnable». Cette différence sémantique aurait pu provoquer un conflit interactionnel, si les explications de l'enseignant russe avaient manqué.

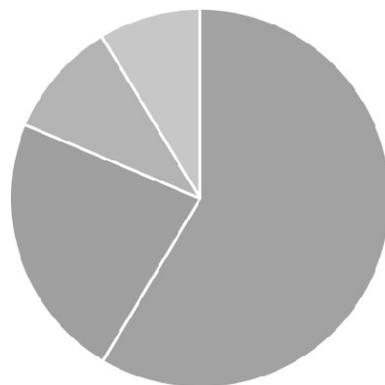
Il ne faut pas oublier les stéréotypes identiques des Français et des Italiens: ils se mettent facilement en colère, mais l'oublient complètement et rétablissent bien vite de très bonnes relations dans un groupe social. Ils préfèrent parler leurs langues et font semblant de ne pas savoir parler l'anglais (32% des Français et 67% des Italiens), bien qu'ils le sachent, mais ils préfèrent s'exprimer avec un grand plaisir en russe.

En faisant plusieurs observations des rituels français, italiens et russes, on trouve une tendance d'être à l'intersection des cultures. En reconnaissant l'altérité de l'autrui, nous devenons des «métis culturels» dans notre conscience, mais nous gardons toujours notre identité nationale.

Les stéréotypes donnent parfois les images négatives du pays. Le sondage anonyme, fait par le professeur pendant la première semaine des cours de russe, donne les résultats suivants: les Français, vus par les Italiens se présentent comme très individualistes (11%), jamais contents (6%), râleurs (72%), formels et froids (2%), chauvinistes (0%). Les Italiens, vus par les Français, sont les rois du système de la débrouille (73%), des arnaqueurs (32%), qui

sont toujours en retard (57%), les hommes restent trop longtemps les enfants de leur mère (91%). Les Français et les Italiens citent plus souvent les stéréotypes russes tels que: le Kremlin (92%), la matriochka (99%), la vodka (83%), le caviar (70%), les ours (26%), la balalaïka (86%) et les kalachnikovs (49%). Les Russes, vus par les Français et les Italiens, ont

la réputation d'être froids et distants (78%), mais, lors des contacts plus étroits, les Russes se révèlent accueillants, chaleureux et très généreux (90%). Les gens de Russie sont ouverts aux arts (85%), à la littérature (90%), au théâtre (75%), très créatifs et très aimables (80%), et ils ont une grande âme (96%).

■ Râleurs ■ Individualistes ■ Mécontents ■ Formels et froids ■ Chauvinistes

Le premier temps les stagiaires français et italiens constataient par méconnaissance, que la Russie c'était un pays qui faisait peur. Comme le risque d'attentat est omniprésent, selon eux, il y a partout des portiques de sécurité, et on ne peut pas prendre le métro ou le bus interurbain avec un sac à dos et un sac à main sans les passer aux rayons X. Malgré tous les risques, ils veulent retourner en Russie (100% d'après leurs enquêtes anonymes) après leur séjour en stage, car leur image de Russie précédente change.

Dans ce contexte on pense toujours à la pédagogie non-interventionniste et aux problèmes imagologiques. On attend le moment, où le stagiaire comprend lui-même le décalage entre les stéréotypes, engendrés par les actualités télévisées dans son pays, et les stéréotypes, créés en Russie. Il vaut mieux considérer les stéréotypes et éviter une vision simplificatrice de l'interculturel.

En apprenant les stéréotypes russes et le mode de vie en Russie, les stagiaires français et italiens commencent à s'adapter à ce comportement «à la russe». Les étudiants se tutoient, mais ils vouvoient les enseignants. Le Français a l'habitude de saluer le professeur: «Bonjour, Madame, Monsieur», l'Italien dit plutôt: «Buongiorno, Signore Professore, Signora Professoressa», mais en Russie l'un et l'autre disent «Здравствуйте, Мария Ивановна» (Zdravstrouyte, Maria Ivanovna) – «Bonjour, Maria Ivanovna». Les Russes ont l'habitude de nommer le professeur par son prénom et son patronyme. L'appellatif patronymique va de pair avec le vouvoiement. Le vouvoiement symétrique est la norme russe dans les

relations avec les étudiants. D'ailleurs, il y a des professeurs-tutoyeurs, et les étudiants français et italiens ne doivent pas considérer ce ton comme le manque de respect envers eux, c'est plutôt le ton de la «mère-poule», maternel/paternel.

Les étudiants étrangers sont aussi surpris que les Russes ne disent jamais ni bonjour, ni au revoir au conducteur d'un tram, d'un bus ou d'un trolley. Ils découvrent le moyen de transport qui n'existe ni en Italie, ni en France, il s'agit de la «marchroutka». C'est un moyen de transport très utile, surtout dans des villes, moins développées par rapport à Moscou. C'est un minibus privé qui sert une ligne régulière, avec un numéro et des arrêts demandés. Il faut bien faire signe au chauffeur pour qu'il s'arrête et pareil à l'intérieur pour demander l'arrêt, autrement le minibus va continuer sa «marche en route» jusqu'à l'arrêt suivant. Les minibus - «marchroutki» ne sont pas équipés de bouton-affichage de l'arrêt. Il faut parler d'une voix forte pour que le chauffeur entende. Si l'on prend place à l'avant, il ne faut pas être surpris du fait que les autres passagers vous donnent de l'argent à transmettre au chauffeur, et vous, comme caissier/-ière, vous rendez la monnaie. On ne donne presque jamais de ticket. Il ne faut pas vous attendre aux remerciements de la part du chauffeur pour votre «gentil travail», il vous interdira en plus de vous servir de votre portable, si vous avez un appel, si vous prenez place devant, à côté du chauffeur.

En continuant le sujet des salutations, il faut parler de la composante non verbale des salutations comme la bise. Elle est très typique pour les Français,

en ce qui concerne les Italiens et les Russes, ils se serrent souvent la main. Si l'Italien fait la bise, elle est toujours double: il faut commencer obligatoirement par la joue gauche. La bise de salutation est très rare dans la vie quotidienne russe. Si elle est présente, elle est triple ce qui est dû au stéréotype russe dont la forme est dérivée du signe de croix, une manière de bénir. Ce triple baiser sur les joues se fait le jour de Pâques orthodoxe. En France on s'embrasse trois fois dans la région de Charente, quatre fois en Berry et en Provence, deux fois à Paris etc. Une observation interculturelle à la fin du stage de russe fait voir que les étudiants russes et italiens ont pris l'habitude de faire la bise sur la joue, en saluant les étudiants français, mais trois fois, comme on le fait en Russie.

Si les stagiaires choisissent la marche à pied, il faudra tenir compte du fait que «l'unité de mesure» de distance dans les interactions françaises, italiennes et russes n'est pas la même. Un échange entre le Russe, le Français et l'Italien: «C'est à deux pas d'ici» doit être compris par l'Italien et le Français que la distance à faire est assez longue. Les Russes ont l'habitude de marcher dix minutes pour trouver un passage souterrain pour pouvoir traverser la route.

Il faut éviter aussi des conflits interculturels «stomacaux» aux restaurants universitaires. On y sert une cuisine simple et typique comme les soupes «борщ», «bortsch» (soupe aux choux avec de la betterave, de l'oignon, des patates et avec de la viande), des viandes gratinées au fromage, des petits gâteaux fourrés - пирожки (pirojki), des accompagnements, tels que: pomme de terre, chou, sarrasin, riz, blinis (crêpes), des pelménis –пельмени (raviolis). Mais les crêpes russes sont différentes des crêpes françaises et les pelménis sont des «cousins culinaires» des raviolis italiens.

Si l'on sert du café, on peut proposer du *cappuccino* le matin aux Italiens, mais jamais après le déjeuner, car le lait ne doit pas participer à la digestion après les repas. Si le Russe ajoute du citron dans son café noir, le Français ne le comprendra pas, car le goût du café change. Mais avec le temps certains stagiaires (2%) prennent aussi ces habitudes étrangères et prennent du café avec du citron.

Les enseignants russes invitent souvent leurs stagiaires à la maison, dans leur petit chez-soi. Les étudiants remarquent à l'entrée des pantoufles (tapotchki) de toutes les couleurs et de toutes les tailles. On se déchausse et on enfile immédiatement les *tapotchki* (тапочки), c'est une tradition ancienne russe de ne pas salir le sol et garder la demeure propre, ainsi que de considérer les invités comme les proches de la famille.

Les Russes ne suivent pas la tradition européenne de commencer les repas par l'apéritif. Il est à noter que l'apéritif français et l'*aperitivo italiano* ont des distinctions. Le mot apéritif vient du verbe latin *aperire* qui signifie «ouvrir». Les Romains savouraient un verre de vin au miel avant le repas, et cette pratique fût également recommandée par la médecine médiévale.

Au Moyen-âge, l'apéritif désignait les boissons aux plantes, peu alcoolisées, qui étaient consommées avant le repas pour ouvrir l'appétit. Ces boissons apéritives étaient plus appréciées pour leurs qualités thérapeutiques que pour leurs qualités gustatives. En 1846, Joseph Dubonnet, chimiste français, élabore une boisson à base de vin et de quinine pour lutter contre le paludisme. Cette boisson thérapeutique avait un goût très amer, et Joseph Dubonnet lui ajoute une décoction d'herbes et d'épices à la saveur intense. Cette boisson est principalement utilisée par les soldats, mais un jour, l'épouse de Joseph Dubonnet a l'idée de servir ce «médicament» à ses amis pour l'apéritif. L'apéritif est apprécié, et le bouche à oreille le rend rapidement très populaire. Ce n'est qu'à la fin de la Seconde Guerre mondiale que l'apéritif se démocratise véritablement, et dans le monde, l'apéritif est considéré comme un digne représentant du savoir-vivre à la française. Ce cultisme désigne le moment de partage, de convivialité et de plaisir en famille ou entre amis. Toutes les occasions sont bonnes pour se retrouver autour d'un apéritif, boire un verre et déguster quelques amuse-bouche après avoir trinqué selon la tradition française. On ne boit jamais seul, même pour le café on cherche de l'ambiance.

Selon la demande du professeur, les stagiaires ont préparé des présentations au sujet des apéritifs en France et en Italie qui contenaient des traits communs et des distinctions de cette tradition.

Comme les étudiants le constatent, on peut traduire «l'aperitivo» par «l'apéritif» en français, ces deux mots ne sont pas synonymes. Si en France l'apéritif se prend surtout le week-end (pour 70% des Français, le sondage du groupe de 14 stagiaires en été 2018) et qu'il s'accompagne de cacahuètes, bretzels ou pistaches pour un moment convivial et simple, en Italie, l'*aperitivo* est une vraie institution. Les prémices de l'*aperitivo* sont apparues à Rome antique. Mais dans le sens moderne, l'*aperitivo* est né à Turin avec Antonio Benedetto Carpano qui en 1876 a inventé le vermouth, un vin blanc mélangé à une infusion d'herbes et d'épices. En Italie, l'*aperitivo* se consomme principalement dans un bar. Dès le jeudi soir, à la sortie du bureau, en été, comme en hiver,

les Italiens s'y retrouvent et s'y mettent avec un grand appétit. En effet, le concept de l'*aperitivo* est simple: tout l'achat d'une boisson permet l'accès à un buffet où l'on retrouve tous les types de spécialités. Que ce soit de la pizza, des olives, de la mozzarella, des toasts, des pâtes, de la pancetta, du caviar d'aubergine, des *grissini* ou de la *bruschetta* etc. En français il y a une variante de l'*apéritif* qui est proche de l'*aperitivo* italien c'est l'*apéritif* dînatoire. Il est à mi-chemin entre l'*apéritif* et le dîner. C'est un moment de détente, affranchi des contraintes de la table, l'*apéritif* dînatoire est aussi un moment gustatif agréable. L'occasion de passer un bon moment autour de petites choses préparées avec amour, de faire découvrir à ses convives de nouvelles contrées, ou de préparer les spécialités culinaires que l'on préfère. En Russie cette coutume n'existe pas, on connaît le mot, mais on l'utilise dans le sens pour nommer une boisson alcoolique.

Le temps viendra, où cette tradition de l'*apéritif* français et italien pénétrera en Russie, comme la tradition de fêter la Saint-Valentin. On a commencé à suivre les traditions de la Saint-Valentin en Russie au début des années 1990. Ce n'est pas un jour férié, on travaille, si le 14 février tombe sur un jour de semaine, sauf samedi, dimanche. Bien qu'il ne soit pas observé en vacances publiques, il est largement célébré et demeure l'une des fêtes, les plus populaires. On s'échange de valentins – валентинки (valentinki) et organisent des événements spéciaux, des concerts et des fêtes pour célébrer la Saint-Valentin. En France et en Italie on offre le plus souvent des roses rouges à sa bien-aimée. Elles sont le symbole de l'amour, leur quantité est toujours paire, mais attention pour la Russie.

Les résultats du sondage des champs sémantiques «rituel floral» et «le nombre» ont donné des résultats bien intéressants du point de vue des conflits des stéréotypes interculturels. Le nombre pair de fleurs en Russie est prévu pour la cérémonie de deuil et pour les cimetières, pour les dates joyeuses le nombre de fleurs est impair. Le langage des fleurs peut aboutir aussi les Italiens, les Français et les Russes au conflit «floral». Les Russes offrent souvent des chrysanthèmes pour la fête des Professeurs le 5 octobre à leurs enseignants, tandis que pour les Italiens et les Français ces fleurs sont destinées pour la Toussaint comme un symbole des morts. Le muguet qui est porte-bonheur pour les Français le jour de la fête du Muguet le Premier Mai, pour les Russes c'est une fête du Travail, et le muguet c'est une jolie fleur sans symbolique précis. Les Italiens considèrent ce jour comme une fête d'amour, dans certaines régions la fleur du Premier Mai reste une camomille.

Le dîner aux chandelles prévoit du champagne que les Français prennent à la fin des repas. Les Russes ouvrent les repas, les plus solennels, avec un verre de champagne au début, les Italiens préfèrent de bons vins pour l'*apéritif* et les liqueurs et la grappa vont à la fin du dîner.

Le Russe ne laissera jamais une bouteille vide sur la table, il l'emportera ou mettra près du pied de la table. Ce porte-malheur est inconnu en France et en Italie. Le Russe ne vous permettra pas de siffloter une chansonnette à table. Le patron et les hôtes de la maison pourraient le prendre mal. Selon les superstitions russes, siffler dans une maison entraîne des pertes d'argent. Les mauvais esprits communiquent à l'aide des sifflements, et il ne faut pas parler leur langue. Il y a aussi la croyance que l'on pourrait faire venir le Vent, en sifflant. Une fois venue à la maison, il pourrait y souffler et emporter tous les biens, y compris l'argent.

Ayant peur du «mauvais présage», les Russes ne se serrent jamais la main, ne s'embrassent pas et ne donnent rien à travers le seuil de la porte. Dans les temps anciens, la maison était une forteresse, capable de protéger contre les mauvais esprits. En faisant un geste à travers le seuil, on pouvait donc laisser entrer ces vilains mauvais esprits chez soi.

Le vendredi 13 fait frémir les Russes et les Français, mais le nombre 17 fait peur aux Italiens. En effet, en chiffres latin (XVII) c'est l'anagramme du XVI, littéralement «j'ai vécu», ce qui sous-entend «je suis mort». Il est également déconseillé pour les hommes de se raser le vendredi, sauf le premier vendredi de mars. Ceux-ci possèdent également un avantage lorsqu'ils croisent un chat noir, indiquant un mauvais présage. Le Russe touche un bouton de son vêtement ou change de route. Les Russes superstitieux ont pour habitude de s'asseoir un moment avant un long trajet ou de regarder le miroir s'ils ont oublié quelque chose.

Les Russes accrochent un fer à cheval au-dessus de la porte comme un porte-bonheur, ce qui est pareil pour les Français et pour les Italiens. Par contre, presque tous les Russes ouvrent les parapluies mouillés à l'intérieur des locaux pour les faire sécher un peu, les Français et les Italiens préfèrent ne pas le faire. Mais en Bretagne et au Pays de la Loire il y a une danse du parapluie : les mariés doivent danser un slow sous un grand parapluie (ou une ombrelle, plus élégante et appréciée des plus superstitieux), tenu par le marié, pendant que les invités leurs jettent des serpentins. Non seulement chaque nation a ses rites, ses habitudes, ses codes, son mode de vie, mais chaque région a aussi ses stéréotypes et ses clichés.

Le croisement des traditions régionales peut parfois créer des situations «délicates», des petits faux pas, des rires et des surprises.

Les stéréotypes régionaux ont une grande utilité lors des voyages touristiques et des stages linguistiques. Il vaut mieux ne pas commander des crêpes salées (des galettes) en Normandie et des crêpes sucrées en Bretagne. Le Mont Saint-Michel reste un point de guerre amicale entre les Bretons et les Normands, car il est à leur frontière.

Pendant une pause-café une stagiaire française s'est rappelé un sujet du film *Bienvenue chez les Ch'tis*, un bon exemple des particularités et des stéréotypes sur les habitants du Nord de la France. Dans le film Philippe goûte le maroilles, un fromage typique pour cette région, mais il ne l'aime pas à cause de son goût assez fort et de son odeur. Les Ch'tis mangent aussi la fricadelle, une spécialité du nord à base de viande cuisinée et généralement en forme de saucisse panée.

L'interactante, originaire de Reggio Emilia, a parlé du *parmigiano reggiano*, le parmesan, qui est un fromage très renommé dans plusieurs provinces de sa région natale. Un autre atout de la région est le vinaigre balsamique, produit dans les provinces de Modène et de Reggio Emilia. Les premiers plats typiques de la cuisine de Reggio Emilia sont nombreux : les «cappelletti» farcis avec de la viande et du parmesan et les «tortelli» aux herbes et à la courge, le «polpettone», des boulettes de dinde, le gâteau de riz et la «spongata reggiana» de Brescello, contenant des fruits secs, du miel et du raisin sec.

La fête traditionnelle de Reggio Emilia est la «Gnoccata» représente un défilé historique, en costumes du XVIIIe siècle. Le héros incontesté de cette fête est le roi des «gnocchi». Le long des rues, dans d'énormes marmites on prépare des gnocchis qui sont distribués chauds à tous les visiteurs.

La ville de Toula est «la famille d'accueil» pour les stagiaires-étudiants étrangers depuis 1987. Dans le cadre de ces programmes nous dirigeons les stages pour les Français et les Italiens depuis l'an 2000, et nous leur proposons chaque année des questionnaires différentes. Nous citons dans cet article un questionnaire sur les stéréotypes, concernant la région de Toula. Ce fichier-questionnaire contenait dix stéréotypes de la région de Toula, il aurait fallu les ranger dans l'ordre d'importance. A l'issue du dépouillement des résultats, nous avons reçu les réponses suivantes :

- 1) le thé dans le samovar (98%);
- 2) le pain d'épices (94%);
- 3) le « kalachnikov » (48%);
- 4) les petits pains à l'ortie (0% – inconnus);

5) le musée de Léon Tolstoï à Yasnaïa Poliana (84%);

6) la guimauve de Bélev (0% – inconnue);

6) l'accordéon de Toula, le bayan (toulskaïa garmon – тульская гармонь) (28%);

7) le jouet en argile de Filimonovo (32%);

8) le musée Polénovo (55%);

9) le Champ Koulikovo (22%);

10) le gaucher de Toula (la vodka «Le gaucher de Toula» – 38%, la légende du Gaucher de Toula de Leskov – 3%, le monument à la puce, forgée par le Gaucher de Toula – 59%).

Les stéréotypes des Français et des Italiens en boisson c'est le café, en Russie c'est le thé. A Toula on boit de sept à dix tasses de thé par jour. On met le samovar au centre de la table, les femmes buvaient le thé dans des tasses de service ou dans les soucoupes, les hommes buvaient dans les verres, maintenant tous boivent dans les tasses de service. Le samovar reste le stéréotype de Toula, en revanche, l'étymologie de ce mot est lié au grec classique *αὐθέψης* (*authepsês*) signifiant «qui bout de soi-même» et l'origine géographique du samovar est Rome antique.

C'est seulement à Krapivna (la traduction littérale de cette petite ville toulaïenne « l'Ortie ») qui se trouve à côté de Yasnaïa Poliana, que l'on sert des petits pains à l'ortie pour le thé. Le premier dimanche du juin on prévoit toute la journée des balades botaniques, des démonstrations, des dégustations, des ateliers pour les enfants.

Les Russes aiment beaucoup la soupe à l'ortie, le printemps surtout, car l'ortie contient beaucoup de vitamine C. Les Italiens préparent le *risotto* à l'ortie, les gnocchis à l'ortie, la pizza à l'ortie. Les Français ont plus de 25 recettes à base d'ortie et il y a même un Festival de l'Ortie à Rebecq. On constate le croisement évolué des stéréotypes français, italiens et russes sur le champ culinaire. Les cultures s'entrecroisent avec le temps, les stages, les voyages touristiques, les stages gastronomiques qui sont devenus le dernier cri de la mode en hotellerie. Les Années croisées de tourisme aident à faire croiser les cultures et à diminuer le nombre de conflits interculturels en interactions en premier lieu.

Nous avons voulu pointer quelques formes de stéréotypage et de gestion interactive des stéréotypes dans des situations de contact interculturel: français, italien et russe.

Les stéréotypes servent, en particulier dans les premiers instants des cours de stage, à faciliter le classement, l'interprétation des données de l'altérité. Puisant dans un savoir commun, mais culturellement spécifique, sur les traits, les comportements,

les habitudes prototypiques de soi-même et de l'autre, les interactants construisent à travers un jeu complexe d'auto-attribution et d'hétéro-attribution, leur propre image identitaire.

On peut citer de nombreux exemples pour montrer les «conflits» des stéréotypes français, italiens et russes, mais les interactions interculturelles et une grande envie d'accepter l'altérité de l'autre permettent d'éviter un ethnocentrisme désolant, en avançant au premier plan une variation culturelle.

Nous avons montré le commun et les différences qui caractérisent les trois ethnolectes. La

prise de conscience de l'ampleur de ces variations peut prévenir les conflits interculturels, sinon, les amortir.

Se comprendre dans l'autre, dans les autres, selon Bakhtine, comprendre sa culture à travers une autre culture, définir son éthos communicatif par comparaison avec les autres, tel a été notre objectif. En même temps, en mesurant les différences entre les stéréotypes français, italiens et russes, nous sommes très à l'aise de constater les ressemblances de fond.

Bibliographie

1. Amossy R., Herschberg-Pierrot A. Stéréotypes et clichés : langue, discours, société, Paris : Colin, 2016. 117 p.
2. Bakhtine M. Esthétique de la création verbale, Paris : Gallimard, 1984. 448 p.
3. Goffman E. Façon de parler, Paris : Éditions de Minuit, 1981. 280 p.
4. Kerbrat-Orecchioni C. Les interactions verbales, t.1, Paris : Colin, 1990. 318 p.
5. Moeschler J. Théorie pragmatique et pragmatique conversationnelle, Paris : Colin, 1996. 254 p.
6. Vion R. La communication verbale. L'analyse des interactions, Paris : Hachette, 1992. 302 p.

Сведения об авторах:

Овчинникова Галина Витальевна – доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии МГОУ (Россия, Московская область), кафедры французского языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: сопоставительная типология, межкультурная коммуникация, перевод. E-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru

Овчинникова Ася Сергеевна – старший преподаватель кафедры лингвистики и гуманитарных дисциплин Тульского университета (Россия, Тула). Сфера научных и профессиональных интересов: сопоставительная типология, межкультурная коммуникация, перевод. E-mail: asyaovchinnikova@gmail.ru

FRENCH, ITALIAN AND RUSSIANS STEREOTYPES IN INTERCULTURAL CROSSING

Asya S. Ovchinnikova

Private educational organization of higher education – Association “Tula University (TIEI)»,
1, Ryazanskaya, Tula, 300026, Russia

Galina V. Ovchinnikova

Moscow State Institute of International Relations (University)
76, prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia,
Moscow State Regional University,
24, Vera Voloshina str., Mytishchi, Moscow region, 141014, Russia

Abstract: For the first time the article presents a comparative analysis of intercultural communication on the example of the analysis of stereotypes of the French, Italian and Russian languages. Students who study Russian as a foreign language, use it for intercultural communication, in which the difference of the interlocutors' cultures can give rise to a “conflict of cultures”. The task of the teacher is to bring students

not to an ethnic conflict but to the crossroads of cultures. The article aims at defining and distinguishing such terms as intercultural interaction, acculturation and deculturation, stereotype, cliché using methods of interactive, and conceptual analysis and the method of dictionary definitions. To date, there is no single methodological basis, which could allow to combine different approaches to the problem and to clarify the definition of interaction. Social nature of all communication processes, inter-cultural communication, in particular, requires analysis of the problem in the system of linguistic and cultural research, which is the most complete and qualitatively new understanding of the processes of formation and development of intercultural interaction, as well as determining the mechanisms of formation of a multicultural personality capable of successful socialization in the global world. According to some researchers, teaching intercultural communication can create contradictions with one's own cultural identity: there is a fear of losing orientation in the usual socio-cultural space, losing identity, and losing support of your group. The article proves that the process of intercultural communication between the French, Italians and Russians at the lessons of the Russian language helps to eliminate the origin of such conflicts. The principle of openness and controversy in the organization of the learning process serves as a natural method to prevent such situations. The latter should be perceived by students as a search process in which both the cognitive and emotional levels of consciousness should be involved.

Key Words: *intercultural communication, conflict and intersection of cultures, interaction*

References

1. Amossy R., Herschberg-Pierrot A. Stéréotypes et clichés : langue, discours, société, Paris : Colin, 2016. 117 p.
2. Bakhtine M. Esthétique de la création verbale, Paris : Gallimard, 1984. 448 p.
3. Goffman E. Façon de parler, Paris : Éditions de Minuit, 1981. 280 p.
4. Kerbrat-Orecchioni C. Les interactions verbales, t.1, Paris : Colin, 1990. 318 p.
5. Moeschler J. Théorie pragmatique et pragmatique conversationnelle, Paris : Colin, 1996. 254 p.
6. Vion R. La communication verbale. L'analyse des interactions, Paris : Hachette, 1992. 302 p.

About the authors:

Galina V. Ovchinnikova – PhD, Professor of the Department of Romance Philology at Moscow State University (Russia, Moscow region), Department of French at MGIMO (Russia, Moscow). Spheres of research and professional interests: comparative typology, intercultural communication, translation. E-mail: galinaovtchinnikova@yandex.ru

Asya S. Ovchinnikova – Lecturer at the Department of Linguistics and Humanities at Tula University (Tula, Russia). Spheres of research and professional interests: comparative typology, intercultural communication, translation. E-mail: asyaovchinnikova@gmail.ru

* * *

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПЕРИФРАЗ ПЕРУ¹

М. Радович, О.С. Чеснокова

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

*В данной статье исследуются языковые и культурологические аспекты перуанских топонимических перифраз посредством анализа языкового материала и опроса информантов-носителей перуанского национального варианта испанского языка. С семиотической точки зрения проведён анализ мотивации и структуры перифраз перуанских топонимов, а также предложена классификация их наиболее употребительных лексем-формантов. Комплексный анализ 70 перифраз названий перуанских городов показывает богатство мотивирующих признаков, а также является доказательством того, что ими создаются эмоционально-оценочные параллели традиционных топонимов. Доминантами в перуанских топонимических перифразах признаны компоненты *ciudad, tierra, capital, sede, cuna, joya, perla*. Авторы также выделяют омонимические совпадения топонимических перифраз Перу и соседних стран, таких как Венесуэла, Колумбия, Эквадор и Бразилия. Сходства в мотивации южноамериканских перифраз можно классифицировать следующим образом: ассоциации с древними европейскими городами (Рим, Афины, Севилья, Лондон); ассоциации с климатическими условиями (*viento, eterno*); признаки промышленного развития местности; характеристики и достижения населения; самоквалификации (верность, преданность, сердечность, гостеприимство, дружелюбие). В качестве научной перспективы намечается выведение параметров топонимической лингвокреативности южноамериканцев в целом.*

Ключевые слова: *топонимика, Перу, топонимические перифразы, испанский язык, лексикология, метафора, лингвокреативность.*

В любой лингвокультуре топонимы как устойчивые обозначения географических объектов могут обладать эмоционально-оценочными перифразами, отражающими лингвокреативность этноса и присущие ему ценностные доминанты. Лингвокультурологический метод ориентирован на «максимальную экспликацию процессов, которые происходят в сознании носителей языка» [4, с. 58]. В дихотомии нейтральных и оценочных номинаций, разработанной В.Г. Гаком, оценочные номинации подразделяются на рациональные и эмоционально-оценочные, которые образуют оппозицию «точная (прямая) – приблизительная

номинация» [3, с. 279]. Исследование топонимических перифраз как эмоционально-оценочных номинаций географических объектов созвучно такой актуальной задаче современной теоретической ономастики, как выведение типологии оценочных перифраз традиционных топонимов [5; 2] как отражения особенностей языковой картины мира социума, что применительно к полинациональному статусу испанского языка особенно важно.

Республика Перу (*República del Perú*) – третья по площади, после Бразилии и Аргентины, страна Южной Америки. До середины XVI века территория современного Перу была центром

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (проект № 19-012-00316)

империи инков, создавших высокоразвитую цивилизацию в условиях сурового высокогорного климата и, в частности, выработавших уникальную систему узелкового письма «кипу».

Основные задачи предпринятого изучения метафорики в топонимии Перу через призму языковой картины мира перуанцев заключались в лингвокультурном анализе и классификации топонимических перифраз для реконструкции и типологизации устойчивых ассоциаций перуанцев, отражённых в топонимии их родины.

Исследовательский корпус статьи составили 70 перифрастических топонимических названий крупнейших (с численностью населения более 100 тыс.) перуанских населённых пунктов.

Названия крупных городов в Перу, как правило, обладают устойчивыми перифразами, отражающими восприятие перуанцами рельефа, ландшафта, а также фактов исторического наследия, связанных с тем или иным населённым пунктом. Лингвокреативность перуанского этноса и вербализация его любви к родине прослеживаются в ассоциациях, возникших в коллективном сознании перуанцев применительно к крупным городам страны, которые и отражены в топонимических перифразах.

Как показал анализ языкового материала и опрос информантов-носителей перуанского национального варианта испанского языка (было опрошено 30 человек), наиболее семиотически значимыми и регулярно воспроизводимыми перифразами оказались конструкции с такими лексемами, как *ciudad* («город»), *tierra* («земля»), *capital* («столица»), *sede* («центр, штаб-квартира»), *cuna* («колыбель»), *joya* («драгоценность, сокровище»), *perla* («жемчужина») и другие. Приведём типичные примеры.

- **Ciudad** – *La Muy Noble y Generosa Ciudad* («Очень благородный и щедрый город») – Huaraz; *Ciudad Blanca* («Белый город»), *Heroica Ciudad de los Libres de Arequipa* («Город-герой свободных арекипецев»), *La Ciudad del Eterno Cielo Azul* («Город вечно голубого неба»), *Ciudad Caudillo* («Город-вождь») – Arequipa; *Ciudad de las 33 Iglesias* («Город 33 церквей»), *Ciudad Señorial* («Город-властелин»), *Muy Noble y Leal Ciudad* («Очень благородный и преданный город») – Ayacucho; *La Ciudad Imperial* («Имперский город») – Cuzco; *Ciudad Incontrastable* («Непобедимый город») – Huancayo; *La Ciudad de los Vientos* («Город ве-

тров») – Juliaca; *La Ciudad de los Reyes* («Город королей») – Lima; *Ciudad de la Eterna Primavera* («Город вечной весны») – Trujillo; *Ciudad de la Amistad* («Город дружбы») – Chiclayo; *La Ciudad Anfibia* («Земноводный город») – Iquitos; *La Ciudad de las Minas* («Город рудников») – Cerro de Pasco; *La Ciudad del Eterno Calor* («Город, в котором всегда тепло»), *Ciudad de los Algarrobos* («Город рожкового дерева»), *Ciudad Errante* («Блуждающий город») – Piura; *Ciudad de Plata* («Серебряный город»), *Ciudad del Lago Sagrado* («Город священного озера») – Puno; *Ciudad de las Orquídeas* («Город орхидей») – Moyobamba; *La Ciudad Heroica del Perú* («Перуанский город-герой») – Tacna.

- **Tierra** – *Tierra de Líderes* («Земля лидеров») – Arequipa; *La Tierra Calurosa* – Iquitos; *Tierra de Artistas y Poetas* («Земля артистов и поэтов») – Puno; *Tierra Colorada* («Цветная земля») – Pucallpa.

- **Capital** – *Capital de la Amistad Internacional* («Столица дружбы народов») – Huaraz; *Capital del Arte Popular y de la Artesanía del Perú* («Столица перуанского народного искусства и ремесел») – Ayacucho; *Capital Religiosa del Perú* («Религиозная столица Перу») – Ayacucho; *Capital del Carnaval Peruano* («Столица перуанского карнавала») – Cajamarca; *Capital de la Pesca y el Acero* («Столица рыболовства и стали») – Chimbote; *Capital de la Cultura* («Культурная столица»), *Capital Nacional de la Marinera* («Национальная столица танца маринера») – Trujillo; *La Capital de la Hospitalidad* («Столица гостеприимства») – Huacho; *Capital de la Amazonia Peruana* («Столица перуанской Амазонии»), *Capital del Imperio del Caucho* («Столица империи каучука») – Iquitos; *Capital del Folklore Peruano* («Столица перуанского фольклора») – Puno; *Antigua Capital de Maynas* («Древняя столица Майнаса²») – Moyobamba.

- **Sede** – *Sede del Gobierno Regional de Lima* («Центр регионального управления Перу») – Huacho.

- **Cuna** – *Cuna de Juristas* («Колыбель юристов») – Arequipa; *Cuna de la Libertad Hispanoamericana* («Колыбель испаноамериканской свободы») – Ayacucho; *Cuna de la Libertad y la Justicia* («Колыбель свободы и справедливости») – Trujillo; *Cuna del Caballo de Paso Peruano* («Колыбель перуанских скаковых лошадей»), *Cuna de la Cultura del Oriente Peruano* («Колыбель культуры восточного Перу») – Moyobamba.

² Майнас – одна из семи провинций перуанского департамента Лорето.

- **Joya** – *Joya de la Arquitectura Colonial* («Сокровище колониальной архитектуры») – Arequipa.

- **Perla** – *La Perla del Pacífico* («Жемчужина Тихого океана») – Lima, Callao.

- **Fidelísima** – *Fidelísima* («Вернейший город») – Chachapoyas; *Fidelísima Ciudad de Huacho* («Вернейший город Уачо») – Huacho.

Как показывает анализ языкового материала и опрос информантов (5; 2), выявленные перифрастические конструкции не являются чем-то уникальным, свойственным лингвокреативности только перуанского этноса. По всей вероятности, в топонимии Латинской Америки, в силу сходства климатических условий, менталитета и особенностей эстетического восприятия действительности латиноамериканцами, существуют похожие или идентичные по форме топонимические метафоры и перифразы, относящиеся к разным городам как внутри Перу, так и в сопоставлении с другими южноамериканскими странами, в частности, с Эквадором, Венесуэлой, Колумбией и португалоязычной Бразилией.

Рассмотрим, например, перифразы-омонимы «Жемчужина Тихого океана» (*La Perla del Pacífico*), относящиеся к Кальяо (Перу) и столице Перу – Лиме, а также к городам Гуаьякиль (*Guayaquil*), в Эквадоре и Вальпараисо (*Valparaíso*) в Чили. Неслучайно поэтому рестораны эквадорской или перуанской кухни могут называться *La Perla del Pacífico*. Устойчивость этой перифразы иллюстрирует медийный дискурс.

Приведём примеры использования в тексте перифразы «Жемчужина Тихого океана» из архива перуанской газеты «Эль Комерсио» (*El Comercio*):

*Luego, de acuerdo a la Municipalidad del Callao, los inspectores llegaron a la avenida Sáenz Peña para inspeccionar la panadería La Perla del Pacífico, la misma que también fue clausurada por falta de condiciones higiénicas en la preparación de pan y pasteles*³. «Затем, по данным муниципалитета Кальяо, инспекторы прибыли на проспект Сэнс-Пенья для осмотра пекарни «Жемчужина

Тихого океана», той самой, которая тоже была закрыта из-за отсутствия гигиенических условий при приготовлении хлеба и пирожных».

*Sus apuntes sobre la capital salieron en revistas de su país y se compilaron en “Recuerdos de la América Española” (“Souvenirs de l’Amérique Espagnole”, 1856), libro imprescindible por su genio literario. El maestro Raúl Porras Barrenechea decía que fue “uno de los creadores de la leyenda de Lima como ‘la perla del Pacífico’ y como centro de la cortesanía y cultura americana del sur*⁴. «Заметки о перуанской столице были опубликованы в журналах у него на родине и вошли в книгу «Воспоминания об Испанской Америке», важной составляющей его литературного гения. Маэстро Рауль Поррас Барречеа говорил, что он был «одним из создателей легенды о Лиме как о «жемчужине Тихого океана» и центре южно-американской изысканности и культуры».

*Los emigrantes que llegaban de Europa para poblar el país convertían a Valparaíso, llamada «La Perla del Pacífico», en la ciudad más cosmopolita de Chile*⁵. «Эмигранты, приезжавшие из Европы, превращали Вальпараисо, известный как «Жемчужина Тихого океана», в самый космополитичный город Чили».

Приведём для сравнения пример из эквадорской газеты *El Diario*:

*Guayaquil, la denominada Perla del Pacífico, celebra hoy 476 años de fundación española*⁶. «Гуаьякиль, называемый «Жемчужина Тихого океана», празднует сегодня 476 годовщину основания испанцами»

Обобщим сходства, касающиеся мотивации перифраз, в виде следующей классификации.

1) Ассоциации с древними европейскими городами:

- **Рим**: *Roma de América* («Рим Америки»), *Roma del Perú* («Перуанский Рим») – Arequipa, Perú; *Ciudad de las Siete Colinas* («Город семи холмов») – Valera, Venezuela; *Ciudad de las Siete Colinas* («Город семи холмов») – Guaranda, Ecuador.

- **Афины**: в Перу данный элемент в перифрастических названиях не обнаружен; *Atenas de Venezuela* («Афины Венесуэлы») – Tovar, Venezuela;

³ *El Comercio*. Callao: clausuran locales por inseguros e informales [Электронный ресурс], elcomercio.pe/lima/sucesos/callao-clausuran-locales-inseguros-e-informales-noticia-523096-noticia/ (дата обращения: 18 декабря 2019 г.)

⁴ *El Comercio*. Un francés, el niño Goyito y los “maricones”, por Martha Meier [Электронный ресурс], elcomercio.pe/opinion/columnistas/frances-nino-goyito-maricones-martha-meier-351875-noticia/ (дата обращения: 13 декабря 2019 г.)

⁵ *El Comercio*. Valparaíso: Suben a 222 las casas destruidas por incendio [Электронный ресурс], elcomercio.pe/mundo/latinoamerica/valparaiso-suben-222-casas-destruidas-incendio-156913-noticia/ (дата обращения: 15 декабря 2019 г.)

⁶ *El Diario*. Guayaquil: La Perla del Pacífico vive sus fiestas [Электронный ресурс], www.eldiario.ec/noticias-manabi-ecuador/199416-la-perla-del-pacifico-vive-sus-fiestas/ (дата обращения: 13 декабря 2019 г.)

Atenas de los Llanos («Афины равнин») – Guanare, Venezuela; *Atenas del Ecuador* («Афины Эквадора») – Cuenca, Ecuador; *Atenas Sudamericana* («Афины Южной Америки») – Bogotá, Colombia.

- **Севилья:** *La Sevilla Peruana* («Перуанская Севилья») – Ayacucho, Perú; *Sevilla de los Andes Venezolanos* («Севилья венесуэльских Анд») – Tovar, Venezuela.

- **Лондон:** *Londres Nordestina* («Лондон Северо-востока (Бразилии)») – Natal, Brasil.

2) Ассоциации с климатическими условиями:

- Лексема **viento** «ветер»: *La Ciudad de los Vientos* («Город ветров») – Juliaca, Perú; *La Ciudad del Viento* («Город ветра») – Punto Fijo, Venezuela; *Ciudad de los Vientos Eternos* («Город вечных ветров») Tovar, Venezuela.

- Лексема **eterno** «вечный» как символ устойчивости климатической характеристики: *La Ciudad del Eterno Calor* («Город, где всегда тепло») – Piura, Perú; *Ciudad de la Eterna Primavera* («Город вечной весны») – Trujillo, Perú; *La Ciudad del Eterno Cielo Azul* («Город вечно голубого неба») – Arequipa, Perú; *La Ciudad de las Nieves Eternas* («Город вечного снега») – Mérida, Venezuela; *Ciudad de la Eterna Primavera* («Город вечной весны») – Medellín, Colombia.

3) Признаки промышленного развития местности:

- **в Перу:** *La Ciudad de las Minas* («Город рудников») – Cerro de Pasco, Perú; *Capital del Imperio del Caucho* («Город империи каучука») – Iquitos, Perú; *Capital de la Pesca y el Acero* («Столица рыболовства и стали») – Chimbote, Perú. В городе Серро-де-Паско ведётся добыча цинка, свинца, а также серебра, в то время как Икитос, крупнейший город перуанской Амазонии, был одним из центров каучуковой лихорадки 1880–1914 годов. Чимботе, в свою очередь, славится сталелитейной промышленностью и самой высокой долей рыболовства в Перу.

- **в соседних испаноязычных странах:** *Sina Petrolera del Ecuador* («Нефтяная колыбель Эквадора») – Sucumbíos, Ecuador; *Ciudad Agroindustrial de Venezuela* («Аграрно-промышленная столица Венесуэлы») – Araure, Venezuela; *La Capital Agroindustrial* («Аграрно-промышленная столица») – Calabozo, Venezuela; *Ciudad Industrial* («Промышленный город») – Ciudad Guayana, Venezuela; *El Patio Industrial de los Andes* («Промышленный двор Анд») – El Vigía, Venezuela; *Ciudad del Hierro* («Город железа») – Ciudad Guayana, Venezuela;

4) Характеристики и достижения населения.

Самоквалификации этноса всегда ценны для обобщения процессов лингвокреативности в сфере номинации. Так, среди самоквалификаций венесуэльцев А.В. Ахренов выделил как наиболее частотные солидарность, толерантность, жизнерадостность и открытость [1, с. 59]. Наши наблюдения над аллюзиями, присущими топонимическим перифразам перуанских городов, показывают, что данные о топонимической лингвокреативности венесуэльцев вполне применимы к перуанскому этносу, что, возможно, будет иметь выход на исследование топонимической лингвокреативности южноамериканцев в целом. Топонимическая лингвокреативность перуанцев подчёркивает такие их качества, которые обнаруживаются и в венесуэльских топонимических перифразах:

- **верность и преданность** – *Muy Noble y Leal* («Очень благородный и преданный») – Maracaibo, Venezuela; *Muy Noble y Leal* – Chachapoyas, Perú; *Muy Noble y Leal* – Arequipa, Perú; *Muy Noble y Leal Ciudad* – Arequipa, Perú; *(La) Muy Noble y Generosa Ciudad* («Очень благородный и щедрый город») – Huaraz, Perú.

- **сердечность и гостеприимство** – *Ciudad de la Cordialidad* («Город радушия») – San Cristóbal, Venezuela; *Ciudad Cordial de Venezuela* («Радушный город Венесуэлы») – Puerto Cabello, Venezuela; *La Capital de la Hospitalidad* («Столица гостеприимства») – Huacho, Perú.

- **дружелюбие** – *Embajada de la Amistad* («Посольство дружбы») – Caicara del Orinoco, Venezuela; *Capital de la Amistad Internacional* («Столица международной дружбы») – Huaraz, Perú; *Ciudad de la Amistad* («Город дружбы») – Chiclayo, Perú.

Итак, комплексный анализ 70 перифраз названий перуанских городов показывает богатство мотивирующих признаков, создающих эмоционально-оценочные параллели традиционных топонимов. В перуанских топонимических перифразах наблюдаются как свойственные только перуанскому этносу механизмы и признаки (*La Ciudad Imperial*, *Valle de las Azucenas*, *Ciudad Caudillo*), так и совпадения с лингвокреативностью жителей соседних с Перу стран, что позволяет наметить как научную перспективу выведение параметров топонимической лингвокреативности южноамериканцев в целом.

Доминантами в перуанских топонимических перифразах нами признаны компоненты *ciudad*,

tierra, capital, sede, cuna, joya, perla. Топонимическая лингвокреативность перуанцев предстаёт как часть южноамериканского языкового континуума, что наблюдается в совпадении мотивации перифраз (*Muy Noble y Leal, Ciudad de la Eterna Primavera*), образующих межвариантные топонимические омонимы.

вазии перифраз (*Muy Noble y Leal, Ciudad de la Eterna Primavera*), образующих межвариантные топонимические омонимы.

Список литературы

1. Ахренов А.В. Испанский язык Венесуэлы: языковая картина мира // Вестник Московского государственного областного университета: серия «Лингвистика», №3/2009. С. 56-62.
2. Бобылева Е.С. Лексико-семантические особенности топонимической системы Чили: Дис. на ... канд. филол. наук/ Е.С. Бобылева. Москва, 2019. С. 182.
3. Гак В.Г. К типологии языковых номинаций. Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977. С. 279.
4. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 456 с.
5. Радович М. Топонимика Южной Испаноамерики и Бразилии: катойконимы и метафорика: Автореферат дисс...канд. филол. Наук. / М. Радович. Москва, 2017. С. 208.

Сведения об авторах:

Радович Мария – кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология, топонимика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология, теория перевода. E-mail: radovic.mar@gmail.com

Чеснокова Ольга Станиславовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: лексикология, семиотика, топонимика, лингвокультурология, художественный перевод. E-mail: tchesnokova_olga@mail.ru

LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF TOPONYMICAL PERIPHRASES IN PERU

M. Radović, O.S. Chesnokova

RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russia

Abstract: *This article focuses on linguistic and cultural aspects of Peruvian toponymical periphrases through the analysis of the linguistic material and surveying native speakers of the Peruvian national variant of Spanish language as informants. The motivation and structure of Peruvian toponymical periphrases is analyzed from the semiotic point of view. The most frequently used lexemes in the formation of the periphrases are classified by their meaning. The complex analysis of 70 toponymical periphrases for Peruvian cities shows the richness of motivating features and proves that they create emotional and evaluative parallels for traditional toponyms. Such components as ciudad, tierra, capital, sede, cuna, joya, perla are recognized as onomastic dominants in Peruvian toponymical periphrases. The authors also put emphasis on homonymic coincidences of toponymical periphrases in Peru and in the neighbouring countries like Venezuela, Columbia, Ecuador and Brazil.*

The similarities in the motivation of South American toponyms are classified as: associations with ancient European cities (Rome, Athens, Sevilla, London); associations with climatic conditions (viento, eterno); signs of local industrial development, characteristics and achievements of the population; self-perceptions (loyalty and devotion, cordiality and hospitality, friendliness). The derivation of parameters of toponymical linguistic creativity of South Americans in general is considered as possible scientific perspective.

Key Words: *toponymy, Peru, toponymical periphrases, Spanish, lexicology, metaphor, linguistic creativity.*

References

1. Akhrenov A.V. Ispanskii iazyk Venesuely: iazykovaia kartina mira [The Spanish in Venezuela: the linguistic worldview] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta: seriia "Lingvistika", #3/2009. [Moscow State Regional University Journal]. pp. 56-62.
2. Bobylëva E.S. Leksiko-semanticheskie osobennosti toponimicheskoi sistemy Chili: Diss.na...kand.filol.nauk [Lexical and Semantical Characteristics of the Toponymical System of Chile...PhD Thesis Abstract] / E.S. Bobylëva. Moskva, 2019. p.182.
3. Gak V.G. K tipologii iazykovykh nominatsii. [About the Typology of Linguistic Nominations] – Iazykovaia nominatsiia: Obshchie voprosy. [Language Nomination: General Topics] M., 1977. 279 p.
4. Kovshova M.L. Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: Kody kul'tury [Linguocultural Method in Phraseology: Cultural Codes] 3rd Ed. M., LENAND, 2016. 456 p.
5. Radovic M. Toponimika Iuzhnoi Ispanoameriki i Brazili: katoikonimy i metaforika: Avtoreferat diss...kand.filol.nauk [Toponymy of Spanish-Speaking South America and Brazil: demonyms and metaphorical aspect...PhD Thesis Abstract] / M. Radovic. Moskva, 2017. 208 p.

About the authors:

Marija Radović – PhD, Assistant Professor of the Department of Foreign Languages at the Philological faculty of RUDN University (Moscow, Russia). Areas of research and professional interest: lexicology, toponymy, intercultural communication, linguoculturology, translation theory. E-mail: radovic.mar@gmail.com

Olga Chesnokova – DSc, Professor of the Department of Foreign Languages at the Philological faculty of RUDN University (Moscow, Russia). Areas of research and professional interest: lexicology, semiotics, toponymy, linguoculturology, literary translation. E-mail: tchesnokova_olga@mail.ru

* * *

ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ КОРЕЕ

В.Е. Сухинин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Входивший в китайский культурный ареал Корейский полуостров с первых веков нашей эры принял китайскую иероглифическую письменность и литературный язык. При этом разговорным языком оставался генеалогически и типологически отличный от китайского родной корейский, а в первой половине XV века был создан собственный алфавит. С конца XIX века официальным языком был провозглашён корейский, хотя обычно использовалась смешанная графика (синокорейская лексика записывалась иероглифами, а исконно корейская и грамматические форманты – азбукой).

После Освобождения от японского колониального господства (1910-1945) и на Севере, и на Юге был декларирован отказ от иероглифики. Однако, в отличие от Корейской Народно-Демократической Республики, в Республике Корея переход растянулся более чем на полвека. И хотя в школах обоих корейских государств сохранено изучение иероглифики, уровень владения ею у молодёжи минимален.

На основе тщательного анализа текущей южнокорейской прессы и других материалов автор пришёл к выводу о том, что в наши дни использование иероглифики даже на Юге носит крайне ограниченный, по сути окказиональный характер и зависит от тематики материалов (по истории, классической литературе – больше), необходимости различения омонимов и пояснения сложных слов, а также от пристрастий пишущего. Но при этом можно вообще обходиться без иероглифов за счёт более пространственных объяснений.

Тем не менее в статье делается вывод о целесообразности преподавания иероглифики в небольшом объёме студентам-корееведом даже неязыковых вузов, включая МГИМО. При этом учитывается наличие огромного пласта синокорейской лексики (общественно-политическая, терминология), для освоения которой желательно иметь элементарное знание иероглифики, а также задача чтения текущей прессы с вкраплениями иероглифов, не говоря уже о более старых изданиях на смешанном письме.

Ключевые слова: *корейский язык и письменность, смешанное письмо, отказ от иероглифики, затянувшийся переходный период на Юге, минимальное использование иероглифов сегодня, обучение корееведов основам иероглифики.*

I

История использования китайских иероглифов для письма на Корейском полуострове восходит к первым векам нашей эры, а древний и средневековый китайский письменный *вэньян* (в несколько корейзированной форме – *ханмун*, 漢文, 한문) служил официальным литературным языком в Корее до

конца XIX века. Несмотря на это, языком устного общения всегда оставался генеалогически и типологически отличный от китайского корейский язык, а в первой половине XV века для него был разработан собственный алфавит «*хунминчоньым*» (訓民正音, 훈민정음) [1, с. 70-88].

В процессе тесных языковых и культурных контактов с Китаем в корейский язык вошёл огромный массив слов китайского происхожде-

ния, и сейчас синокорейская лексика (в корейском фонетическом облике) составляет более половины (называются цифры до 80%) словарного состава. Большею частью это общественно-политическая лексика и научная терминология, основой разговорной, общеупотребительной лексики остаётся исконно корейская. В конце XIX – первой половине XX века (в 1910-1945 гг. Корея была японской колонией) немало иероглифических слов было заимствовано из японского языка. Кроме того, словотворчество на основе китайских морфем происходило и продолжается поныне и в самом корейском языке.

По мере роста национального самосознания на этапе формирования корейской нации перед обществом встала задача преодоления двойственности языковой жизни (письменный язык – старокитайский, устный – корейский) и перехода на общенародный родной язык во всех сферах [3, с. 138-140]. В декабре 1894 года был издан королевский указ, по которому все правительственные документы отныне должны были издаваться на «государственном» письме кукмун (국문). Начиная с того времени постепенно укоренилась модель, согласно которой художественная проза, а также издаваемая иностранными христианскими миссионерами религиозная литература печатались почти исключительно корейским шрифтом, а пресса, научная литература стали использовать смешанную систему (국한문혼용체): знаменательные слова китайского происхождения писались иероглифами, а исконно корейские слова и грамматические форманты – корейским алфавитом. Подобная схема, напоминающая японскую, действовала до 1945 года – Освобождения Кореи от колониального господства.

После 1945 года в условиях раскола страны и образования в 1948 году двух государств – Корейской Народно-Демократической Республики на Севере и Республики Корея на Юге – ситуация с использованием в них иероглифической письменности складывалась по-разному.

В 1949 году в КНДР в целях закрепления успехов кампании по ликвидации неграмотности и демократизации литературного языка иероглифы были полностью исключены из периодической печати, а немного позднее – и из научной литературы. В дальнейшем, до середины 60-х годов, иероглифами изредка дублировали написание некоторых терминов и малопонятных слов, главным образом в специальной литературе. В настоящее время даже в толковых словарях

далеко не всегда приводится иероглифическое написание синокорейской лексики. Однако иероглифика преподаётся в качестве отдельного предмета (почти как иностранный язык) в средней школе (2000 знаков) и в вузах (1000 знаков) [4, с. 5]. Естественно, на отделениях национальной классики (민족고전과), китайской и японской филологии, студенты изучают иероглифику в гораздо большем объёме. Иероглифы по необходимости используются в специальных лингвистических и исторических научных работах [2, с. 42-44; 6, с. 451-456].

В отличие от Севера в Южной Корее иероглифика (в традиционном написании) поныне используется в качестве дополнительного средства письма. До конца XX века она довольно широко употреблялась в научной литературе, в деловой документации, меньше в прессе. Официальные правительственные издания, художественная проза, популярная и пропагандистская литература, школьные учебники уже давно печатаются без иероглифов. Впрочем, путь к такому положению дел был весьма извилистым.

На волне национального подъёма после Освобождения и в силу объективной тенденции к демократизации литературного языка общественность, многие учёные настойчиво предлагали отказаться от использования иероглифики на Юге. Так, уже 8 декабря 1945 года на пленарном заседании Совета по рассмотрению образования в Корее (조선교육심의회) – консультативного органа при Департаменте науки и образования Американской военной администрации – была принята резолюция о прекращении использования иероглифики, в частности в школьных учебниках, и лишь в случае необходимости допускалось написание иероглифов в скобках после соответствующего слова [5, с. 75-93]. После образования правительства РК 9 октября 1948 года было принято правительственное решение об исключительном использовании корейской письменности (한글전용에 관한 법률) в официальных документах. Но и здесь предусматривалось в качестве временной меры использование иероглифов в скобках. Причём Министерство образования в 1949 году определило 1200 общеупотребительных иероглифов, из которых 1000 знаков ввело для усвоения в школе, а с 1959 года – параллельно для использования с 4 класса в школьных учебниках в скобках. Для ограничения использования иероглифики в периодической печати в 1957 году был установлен лимит в 1300 знаков.

После прихода к власти в 1961 году в результате военного переворота Пак Чонхи «Высший совет реконструкции государства» заявил о намерении наконец-то реализовать исключительное использование национальной письменности, однако из-за неоднозначного отношения к этому общественности в середине 60-х годов произошёл откат: с 1965 года было введено использование (без скобок, в самом тексте!) в начальной школе 600 знаков, в средней – 1000, а в старшей – 1300 знаков (한글과 한자의 혼용 방식). Но после протестов с другой стороны 17 ноября 1967 года по указанию президента маятник качнулся в обратную сторону – был принят 5-летний план (1968-1972) полного перехода на исключительное использование корейского алфавита. Между тем частная пресса и после 1973 года, когда должны были проявиться результаты проделанной работы, продолжала применение смешанного письма. Кроме того, Министерство образования в качестве компромисса ввело иероглифику в школе отдельным предметом и установило минимум в 1800 знаков (한문교육용 기초한자 1800자), а с 1973 года возродило параллельное (в скобках) написание иероглифов в средней и старшей школе. В августе 1976 года Министерство подтвердило, что в начальной школе обучения иероглифике по-прежнему (с 1970 года) не будет.

Схематически изменения в политике южнокорейских властей относительно использования корейского алфавита и иероглифов можно представить в следующем виде:

1945 – 1951 гг. – 1-е исключительное использование корейского алфавита (한글 전용);

1952 – 1964 гг. – 1-е параллельное использование иероглифов (한자 병용);

1965 – 1969 гг. – смешанное использование иероглифов (한자 혼용);

1970 – 1974 гг. – 2-е исключительное использование корейского алфавита;

1975 – наст. время – 2-е параллельное использование иероглифов [5, с. 82].

Противники перехода на исключительное использование корейской письменности выдвигали и продолжают выдвигать свои аргументы. По их мнению, отказ от иероглифики приведёт к отторжению богатого культурного наследия, которое столетиями создавалось на ханмуне. Во-вторых, это приведёт к сложностям в освоении самого корейского языка с его огромным пластом синокорейской лексики. В-третьих, это отдалит Корею от её ближайших соседей – Ки-

тая и Японии, где по-прежнему на письме широко используют иероглифы [7].

Хотя острые споры между сторонниками и противниками перехода на исключительное использование корейского алфавита не прекращаются десятилетиями, реальная жизнь неуклонно ведёт их к компромиссу. С одной стороны, даже в частной прессе использование иероглифов к настоящему времени приближается к нулю – они встречаются большей частью в заголовках статей в консервативных изданиях. С другой стороны, иероглифика сохраняется как предмет в средней и старшей школе, факультативно изучается в кружках и на курсах, в университетах готовятся специалисты по национальной классике, которые интенсивно занимаются переводом исторических памятников на современный корейский язык (на Юге также издаются наиболее удачные переводы, выполненные в Северной Корее). В эволюционном порядке происходит демократизация языка – замена трудновоспринимаемой синокорейской и японской по происхождению лексики на исконно корейскую либо более понятную, уже устоявшуюся синокорейскую. В КНДР в соответствии с языковой политикой Трудовой партии Кореи эти процессы (말 다듬기 – упорядочение лексики) весьма интенсивно проходили в 60-70 годы – на несколько десятилетий раньше, чем на Юге. Наконец, в целях поддержания контактов с Китаем и Японией как в КНДР, так и в РК широко изучаются современный китайский и – в меньшей степени – японский языки, тем более что и в этих странах классический письменный вэньянь из современной жизни давно переместился в исторический пассив. Кроме того, ряд южнокорейских компаний, работающих с клиентами из стран иероглифического ареала, устраивают экзамен по иероглифике для поступающих на работу.

II

Во второй части статьи попробуем определить, насколько широко используется иероглифика в реальной языковой жизни в Южной Корее в настоящее время. Как отмечалось выше, в Северной Корее иероглифика ограничено присутствует лишь в специальной литературе (при цитировании и анализе памятников в работах по древней и средневековой истории, истории языка и литературы).

Для анализа были взяты несколько текущих номеров южнокорейских газет, поскольку имен-

но в газетах, издаваемых частными лицами, от иероглифики отказываются в последнюю очередь, когда основным слоем читателей стало так называемое «азбучное поколение» (한글 세대), время обучения которого в школах пришлось на период полного отказа от изучения иероглифики или серьёзного ослабления внимания к её преподаванию. Учитывается также, что в целом в южнокорейском обществе со сменой поколений большинство населения теперь владеет иероглификой пассивно и в ограниченном объёме.

Как показывают специальные исследования, уже на предыдущем этапе – за четыре десятилетия после Освобождения и принятия закона о переходе на исключительное использование корейского алфавита – соотношение слогов, записанных иероглифами и азбукой в заголовках и статьях двух старейших газет «Чосон ильбо» и «Тонъя ильбо», серьёзно изменилось. Так, по заголовкам с 1948 по 1988 гг. это соотношение (в процентах) резко преобразилось с 86, 9 : 13, 1 до 24, 2 : 75, 8, по статьям с 31, 6 : 68, 4 до 3, 8 : 96, 2, а в целом с 59, 2 : 40, 8 до 14, 0 : 86, 0 [5, с. 102, 105, 107].

В девяти стопроцентно обследованных нами текущих южнокорейских газетах различной направленности (по одному номеру каждой) были выявлены все использованные в них иероглифы и разделены на количество полос в соответствующей газете. В результате была определена средняя (независимо от раздела газеты) частотность употребления иероглифики на одной полосе. Кроме того, отдельно были подсчитаны случаи употребления иероглифов в скобках после соответствующего слова в корейской графике (сюда же отнесены гораздо более редкие обратные случаи – корейское написание в скобках после иероглифического, а также корейское написание мелким шрифтом под иероглифами в заголовках) и в заголовке без расшифровки. Во втором случае обычно использованы более употребительные, лучше знакомые знаки в заголовках статей, но далее они, как правило, раскрываются в их текстах.

1) Наименьшая частотность употребления иероглифов с показателем 0,281 зафиксирована в леволиберальной по меркам РК газете «Ханкёре» (한겨레, Корейские соотечественники) от 20 декабря 2018 года – на 32 полосах всего 9 знаков, причём 2 знака употреблены в скобках в эссе читателя по поводу понятия «машина, механизм» (기계, 機械), а 7 случаев употребления приходятся всего на два иероглифа (大 대 большой, 小 маленький) в разделе частных объявлений.

Примечательно, что в этой газете толкование значения записанных азбукой синокорейских слов, которые могут вызвать затруднения у читателей, иногда даётся не при помощи иероглифов (современному рядовому корейцу они зачастую мало что говорят), а при помощи исконно корейских либо английских эквивалентов (могут быть другие языковые пары): 협착 (끼임 защемление), 회전판 (롤, от английского roll – вал, барабан), 아이엠엠텐 (IMF Международный валютный фонд, в Южной Корее – финансово-экономический кризис 1997-1998 гг., когда пришлось обратиться за помощью к МВФ), 감는 설비 (권취기 намотчик), 도구를 제작하는 동물 (tool making animal животное, изготавливающее орудия труда).

2) В информационно-развлекательном еженедельнике «Ирё синмун» (일요신문, Воскресная газета) от 23 декабря 2018 года показатель частотности составил 1,000 – 72 иероглифа на 72 полосы, из них 11 – в самом тексте, а 51 – в скобках. Во втором случае 28 иероглифов использовано в краеведческой заметке о культурно-исторических памятниках города Суводна, а 14 – в заметке о включении средневекового танца «Чхоёнму» в Список объектов нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО.

3) Небольшая газета Корейского университета иностранных языков «Ведэ хакпо» (외대학보, Вестник Ингъязя) от 5 декабря 2018 года дала показатель 1,083 – на 12 небольших полос приходится 13 употреблений иероглифов, все в скобках. В это число включено имя китайского генерала, командующего Армией китайских народных добровольцев во время Корейской войны 1950-1953 гг. Пэн Дэхуая (彭德懷) и трижды оригинальный код кандидата на выборах в орган студенческого самоуправления 리; 액션 (리; Action), фразеологический неологизм 교학상장 (敎學相長 Взаимный рост [преподавателей и студентов] через преподавание и обучение).

4) Спортивная газета «Сыпхочхы Кёнхян» (스포츠경향, Спортивная Кёнхян) за 20 декабря 2018 года дала показатель 3,100 – на 20 полосах 62 иероглифа (38 в скобках и 24 в тексте). Большинство знаков употреблено в рекламе, объявлениях, уроке иероглифики. Из обычных употреблений в заголовках встретились 女축구 (женский футбол), 佛월드컵 (чемпионат мира [по футболу среди женщин] во Франции), 中친선대회 (дружеские соревнования в Китае), 올림픽금 (олимпийское золото), 美 (США).

5) Далее по нарастающей идёт газета центристской направленности «Хангук ильбо» (한국일보, Корейский ежедневный вестник) за 23 ноября 2018 года, которая дала средний показатель частотности употребления 4, 719 – на 32 полосах 151 знак (91 в скобках и 60 в тексте). В статьях о Японии, Китае, Тайване много антропонимов и топонимов, которые даются в корейской транскрипции, но с оригинальным иероглифическим написанием в скобках). Кстати, иероглифы, которыми могут быть записаны даже корейские имена собственные, далеко выходят за утверждённый минимум в 1800 знаков, а потому нуждаются в расшифровке.

6) Основанная в 1920 году консервативная «Тонъя ильбо» (東亞日報, Ежедневный вестник Восточной Азии) за 27 ноября 2018 года даёт показатель в 6, 462 – 236 иероглифов на 52 полосы (175 в скобках и 161 в тексте). Сравнительно высокий показатель насыщенности иероглифами объясняется, среди прочего, расшифровкой китайских и японских имён и названий, описанием памятников архитектуры, рекламой, частными объявлениями о продаже недвижимости.

7) В основанной также в 1920 году самой крупной по тиражу консервативной газете «Чосон ильбо» (朝鮮日報, Ежедневная корейская газета) за 26 ноября 2018 года показатель частотности составил 8,183 – на 60 полос приходится 491 иероглиф (268 в скобках и 223 в тексте). Указанное количество иероглифов набирается за счёт большого объёма издания, множества объявлений и рекламы, разнообразия тематики, включающей материалы по Китаю, Японии, истории Кореи, а также цитат из Конфуция, урока иероглифики, гороскопа с иероглифическим набором животных – знаков китайского зодиака, перечня имён издателей и редакторов в иероглифической записи).

8) Выходящая с 1965 года при содействии корпорации Samsung газета правого толка «Чунан ильбо» (중앙일보, Центральный ежедневный вестник) за 23 ноября 2017 года даёт средний показатель частотности 9, 464 – на 56 полос пришлось 530 иероглифов (295 – в скобках и 235 в тексте). Помимо большого количества китайских и японских имён собственных (на этот период пришлось выборы на Тайване), а также имён деятелей корейского средневековья (исторический очерк о взаимоотношениях в королевской семье в XVIII веке), в этом номере газеты помещены два частных некролога, которые по традиции пишутся с максимальным примене-

нием иероглифики – в двух материалах общим размером в 1/6 часть полосы использован 191 иероглиф. (Это можно сравнить с использованием церковнославянского в России во время богослужений). Если бы не последний момент, то показатель частотности был бы гораздо ниже.

9) Наибольшая частотность использования иероглифики – 12, 275 – зафиксирована в газете «Мунхва ильбо» (문화일보, Ежедневный вестник культуры) от 23 ноября 2018 года: на 40 полос приходится 491 иероглиф (212 в скобках и 279 в тексте). Помимо большого числа китайских и японских имён собственных, сравнительно высокий процент иероглифов по сравнению с 8 другими обследованными газетами, видимо, можно объяснить редакционной политикой этой газеты и личными пристрастиями её авторов.

Для сравнения с печатными изданиями были проанализированы заголовки материалов на новостном Интернет-портале агентства Ёнхап за 7 июля 2019 года. На 75 заголовков пришлось только 17 с использованием иероглифов – всего 21 знак, из которых один встретился трижды (美 США), шесть – по два раза (北 Северная Корея, 日 Япония, 英 Великобритания, 軍 армия, 車 автомобиль, 與 правящая партия) и шесть – по одному разу (韓 Южная Корея, 靑 Чхонвадэ – резиденция президента РК, 野 оппозиция, 新 новый, 號 корабль по названию ..., 行 направляющийся в ...).

Примечательно также, что наряду с иероглифами в 12 заголовках встретилось 15 английских аббревиатур и условных обозначений (их использование функционально в каком-то смысле замещает иероглифы): EEZ (Exclusive Economic Zone) – дважды, NLL (Northern Limitation Line), KDI (Korea Development Institute), GNP (Gross National Product), GNI (Gross National Income), FFVD (Final, Fully Verified Denuclearization), KT (Korea Telecom), CVL (название косметической фирмы), BRT (Bus rapid transit), SFTS (Severe fever with thrombocytopenia syndrome), ISD (투자자국가간소송, межгосударственные иски инвесторов), TF (task force), m³ (кубический метр), e-스포츠 (соревнования по электронным играм). В самих же текстах сообщений указанные сокращения, как правило, расшифровываются и даются в корейском варианте.

Сделаем некоторые выводы из проведённого обследования текущей южнокорейской прессы.

Несмотря на давно выдвинутую задачу перехода к исключительному использованию на

письме корейского алфавита, иероглифы, хотя и в минимальном количестве, по-прежнему встречаются в южнокорейской прессе. Причём диапазон их использования весьма широк – от единичных вкраплений до вполне заметного. Конечно, в зависимости от тематики публикаций, целевой аудитории и политики редакции, вкусов и привычек авторов в каких-то разделах иероглифов совсем нет, а в других они встречаются сравнительно часто – до нескольких десятков знаков на одной газетной полосе.

В целях обеспечения лаконичности заголовков, привлечения к ним внимания за счёт необычной графики иероглифов на фоне более простой азбуки и для выделения границ слов и словосочетаний, способствующих лучшему восприятию смысла написанного (в корейском языке нет заглавных букв), в заголовках используется пропорционально больше иероглифов, чем в самих текстах публикаций. Причём встречающиеся в заголовках знаки, как правило, повторяются ниже в текстах в скобках после соответствующего слова, записанного алфавитом. Иногда, особенно при менее употребительных иероглифах, алфавитная расшифровка даётся в соответствующем месте сразу под заголовком, но мелким шрифтом. Гораздо реже в основном тексте сначала идёт слово в иероглифической записи, а затем его написание азбукой.

Помимо повторения записанных иероглифами слов из заголовков, в текстах публикаций иероглифами в скобках дублируются слова, которые могут иметь омонимы, либо неологизмы, которые плохо этимологизируются без иероглифов, синокорейские фразеологизмы, имена людей для их лучшей идентификации, китайские и японские имена собственные, современные китайские выражения, цитаты из классической китайской литературы, из средневековых корейских памятников и т.д. Причём всё это не носит обязательного характера, и в крайнем случае автор может обойтись более развёрнутым корейским объяснением того или иного сложного в языковом плане момента.

Безусловно, нынешний уровень использования иероглифики в Корее не идёт ни в какое сравнение с тем, что наблюдалось до Освобождения в 1945 году, да и в 50-80-е годы прошлого века. Тенденция к сокращению использования иероглифов за весь послевоенный период развития южнокорейского общества усиливается от десятилетия к десятилетию по мере приближения к нашим дням. Здесь, однако, следует отме-

тить, что тому есть давние прецеденты – после изобретения в XV веке корейской письменности в Корее развивался жанр классической повести на родном языке, которая записывалась исключительно корейским алфавитом в расчёте на массового читателя. Этому же принципа придерживались и западные миссионеры в своих переводах религиозной литературы на корейский язык в конце XIX века.

С другой стороны, даже в конце XX – начале XXI веков воспитанные в старых традициях (престижность иероглифики) политические деятели использовали смешанное письмо в распространявшихся для публики официальных текстах своих речей (президент Ким Дэджун, премьер-министр Ким Джонпхиль, министр иностранных дел Кон Номён), таким же образом печатались уставы, программы и другие документы, принимавшиеся на съездах Партии новой Кореи (新韓國黨), а затем Партии великой страны (한나라당). Смешанным письмом издавались политические журналы «Вегё» (외교, Дипломатия), «Атхэ фокус» (亞太 Focus, АТР в фокусе). С иероглифами рассылались новогодние открытки, печатались визитные карточки (некоторые корейцы продолжают эту традицию до сих пор). В кадровой службе МИД РК справки на сотрудников составлялись в основном иероглифами.

В настоящее время от этой практики в целом отошли, в крайнем случае, дублируют слова иероглифами в скобках. Но и здесь встречаются исключения. Например, несмотря на то, что ставилась задача отказа от иероглифики в первую очередь в официальных документах, в справочниках Национального собрания РК (國會手帖, 국회수첩) как 2004 года, так и 2017-2018 гг. выпуска, которые оказались в нашем распоряжении, тексты Конституции РК (大韓民國憲法) и Закона о Национальном собрании (國會法) напечатаны смешанным письмом без каких-либо расшифровок, и лишь добавления и изменения, принятые после 2001 года, даны исключительно корейским алфавитом. В издании 2004 года краткие биографии трёх депутатов из 300 даны (по их желанию) смешанным письмом, а остальных – азбукой. Да и в издании 2017-2018 гг. в общем списке парламентариев некоторые имена даны в иероглифическом написании. Имеется в виду, что образованные корейцы должны хотя бы пассивно владеть иероглификой в необходимом объёме.

Кроме того, часто (видимо, в расчёте на китайских и японских туристов) дорожные указа-

тели в Южной Корее, некоторые вывески магазинов и фирм либо дублируются иероглифами (указатели), либо записываются ими (иногда с расшифровкой мелким шрифтом). Иероглифами также дублируются имена и фамилии корейцев в удостоверениях личности (с учётом большого количества омонимичных имён).

В последние годы продолжению использования иероглифов на письме способствовало развитие компьютерных технологий, которые помогают быстрее распознавать знаки и подбирать подходящие для печати.

III

С учётом описанной выше нынешней ситуации с использованием иероглифики в Северной и Южной Корее встаёт вопрос, нужно ли и, если да, то в каком объёме преподавать иероглифику в российских вузах студентам-корееведам.

В СССР традиционно уделялось серьёзное внимание этому аспекту. Помимо иероглифов в учебниках корейского языка можно, например, вспомнить отдельное краткое пособие Ю.Н. Мазура 1950 года (Мазур Ю.Н. [Сост.] Учебное пособие по иероглифике. М., 1950, 91с. Московский институт востоковедения. Стеклогр. изд.), солидный рукописный словарь, подготовленный также в МИВ (Ким Ён Бок, Хан Дык Пон [Сост.]. Корейско-русский иероглифический словарь. М., 1951, 691 с. МИВ. Стеклогр. изд.), а также кандидатскую диссертацию Хан Дыкпона по сопредельной теме (Хан Дык Пон. Китайские лексические элементы в словарном составе корейского языка (Вопросы словообразования). АКД, М., 1954, 30 с. МИВ. Стеклогр. изд.).

Но и в последующем, вплоть до настоящего времени, когда в самой Корее использование иероглифики резко сократилось или сошло на нет, в большинстве советских и российских вузов её продолжали преподавать, хотя и в меньшем объёме и не столь интенсивно, как прежде.

Из заметных изданий последних лет можно отметить следующие:

– Лим Су. Иероглифика. Учебник для студентов-корейцев I – II курсов. Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 299 с. (более 1000 знаков).

– Т.А. Новикова, Я.Е. Пакулова. Китайские иероглифы в корейском языке. М., «Муравей», 2001, 133 с.

– Я.Е. Пакулова. Учебник по иероглифике для изучающих корейский язык. М., «Восток-Запад», 2005, 208 с. (более 800 знаков).

– Корейско-русский учебный словарь иероглифов. Около 3300 знаков. Под редакцией И.Л. Касаткиной, Чон Ин Сун, М., Наука – Восточная литература, 2018, 512 с.

Также в преподавании используются пособия, издаваемые в КНДР и РК, в том числе для иностранцев:

– Fred Lukoff. A First Reader in Korean Writing in Mixed Script. Seoul, Yonsei University Press. 1st edition, 1982, 8th edition 2000. 300 p. (около 1200 знаков).

– Lee Young Hee. Learn Hanja the Fun Way. Chinese Characters for Foreign Learners. 한국문화사, 279 p. (外國人を 위한 재미있는 漢字), 2004 (1판 1쇄) - 2011 (1판 4쇄) (более 500 знаков).

Далее следует отметить, что изучение собственно ханмуна – древнего и средневекового письменного литературного китайского языка в корееведческие программы российских вузов в настоящее время не входит, а является в лучшем случае кое-где факультативным, хотя попытки ввести этот курс предпринимались (Болтач Ю.В. Ханмун. Вводный курс. СПб, «Гиперион», 2013, 336 с.). В Южной Корее ханмун в незначительном объёме является продолжением курса иероглифики в средней и старшей школе, а в Северной Корее с ним знакомят лишь специалистов в вузах.

Какие рекомендации могут быть даны на основании анализа нынешней ситуации с использованием иероглифики в Корее, личного опыта её изучения автором в ИВЯ/ИСАА при МГУ и в Университете имени Ким Ирсена в Пхеньяне, его многолетней практической работы с корейским языком, а также преподавания в МГИМО МИД России?

Учитывая большой удельный вес синокорейской лексики в корейском языке, усвоению которой весьма способствует знание хотя бы основ иероглифики, наличие огромного массива литературы по различным аспектам корееведения, изданной смешанным письмом, ограниченное использование иероглифов в Южной Корее до настоящего времени, особенно в прессе и даже электронных СМИ, полагаем необходимым для студентов-корееведов прохождение компактного курса иероглифики. В этом курсе, помимо теоретических основ, целесообразно усвоить несколько сот наиболее употребительных иероглифов и научиться уверенно пользоваться бу-

мажными и электронными иероглифическими словарями. На выходе студент даже неязыкового вуза, включая МГИМО, должен пассивно владеть некоторым объёмом знаков, позволяющим ему без особых затруднений читать современную южнокорейскую прессу, а с использованием словарей – переводить разного рода материалы, изданные в XX веке смешанным письмом.

Исходя из подобной целеустановки, при преподавании корейского языка студентам II – III курсов факультетов МО и МЭО МГИМО в качестве отдельного аспекта 1-2 раза в неделю с ними проводятся занятия по упомянутым выше пособиям Я.Е. Пакуловой и Т.А. Новиковой, а

на IV курсе и в магистратуре для чтения и перевода с подготовкой периодически предлагаются достаточно сложные материалы на смешанном письме.

Что касается собственно ханмуна, то из-за ограниченности учебного времени он остаётся как бы за скобками. В случае, если выпускник выберет для себя научную карьеру и ему придётся работать со средневековыми источниками на ханмуне/вэньяне, то он должен будет заниматься этим самостоятельно с использованием имеющихся пособий либо под руководством специалистов в этой области.

Список литературы

1. Китайское иероглифическое письмо в Корее. // Ли Иксон, Ли Санок, Чхэ Ван. Корейский язык. История и современное состояние. Перевод с корейского В. Аткина. М.: «Первое марта», 2005. С. 70-88.
2. Сухинин В.Е. «Культурный язык» в КНДР. Краткий очерк. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2018.
3. Чу Сигён. Необходимость национального языка и национальной письменности. - В публикации: Сухинин В.Е. В память о Чу Сигёне. // Вестник российского корееведения. 2014, № 6. С. 138-140.
4. 국한문독본 (대학용). 평양, 외국문교육도서출판사 (Хрестоматия текстов в смешанном написании (для вузов). Пхеньян. Издательство учебной литературы на иностранных языках). 1972.
5. 노대규. 한글과 한자의 비율의 변화. 일간 신문 (1948 - 1988)을 중심으로 // 우리말순화의 어제와 오늘. 국어순화추진회 엮음. 서울, 미래문화사 (Но Дэю. Изменение соотношения в использовании корейской письменности и иероглифов. На базе ежедневных газет (1948-1988) // Вчера и сегодня процесса очищения нашего языка. Составлено Обществом по продвижению очищения государственного языка. Сеул. Издательство «Культура будущего»). 1989. С. 73-112.
6. 흥기문, 김병제, 박종태. 조선어사 연구. 평양, 사회과학원출판사 (Хон Гимун, Ким Бёндже, Пак Чонтхэ. Исследования по истории корейского языка. Пхеньян. Издательство Академии общественных наук). 1964.
7. 吳之湖, 알파벳트文明의 終焉, 서울, 三研社, 1979 - 3 판 (О Джихо. Конец алфавитной цивилизации. Сеул. Издательство «Самёнса», 1979 - 3 изд.).

Сведения об авторе:

Сухинин Валерий Евгеньевич – доцент ВАК, чрезвычайный и полномочный посол, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: корееведение, включая язык, литературу, историю Кореи, российско-корейские отношения.
E-mail: v.e.sukhinin@yandex.ru

CHINESE CHARACTERS IN MODERN KOREA

V.E. Sukhinin

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Being a part of the Chinese cultural area, the Korean Peninsula adopted Chinese characters and literary language in the first centuries C.E. Nevertheless, its colloquial language remained native Korean, genealogically and typologically different from Chinese, and in the first half of the 15th century the Korean alphabet was created. From the end of the 19th century, Korean was proclaimed the official written language, although the mixed script was mainly used (Sinokorean words were written in Chinese characters, and native words and grammatical formants in Korean alphabet).*

After liberation from the Japanese colonial rule (1910-1945), both the North and the South proclaimed abolition of writing in Chinese characters. But unlike the Democratic People's Republic of Korea, in the Republic of Korea the transition dragged on for more than half a century. And though at schools of both Korean states Chinese characters are still being taught, young generation has a rather low level of their knowledge.

Upon thorough analysis of current South Korean newspapers and other materials, the author has made the conclusion that nowadays the usage of Chinese characters even in the South is extremely limited and is in fact occasional and depends on: 1) the topic of the text (it is present more widely in historical and classical literature); 2) the need to distinguish homonyms and difficult words with an unclear meaning; 3) writer's preferences. Using Chinese characters is a personal choice, and one can choose to replace them with more wordy expressions instead.

At the same time the article concludes that it is necessary to teach Chinese characters in certain quantities to students, including those majoring in Korean studies at non-linguistics universities including MGIMO. This recommendation takes into consideration, first, the existence of a huge layer of Sinokorean words (social and political vocabulary, terminology), which requires elementary knowledge of Chinese characters for better understanding; second, the task of reading current South Korean newspapers with some Chinese characters used, not to mention older publications written in mixed script.

Key Words: *Korean language and writing, mixed script, abolition of Chinese characters use, delayed transition in the South, limited use of Chinese characters today, teaching Chinese characters to students majoring in Korea.*

References

1. Kitaiskoe ieroglificheskoe pis'mo v Koree // Li Iksop, Li Sanok, Chhe Van. Korejskii iazyk. Istoriia i sovremennoe sostoianie. Perevod s koreiskogo V. Atknina. M.: «Pervoe marta» (Chinese characters writing in Korea // Lee Iksop, Lee Sangok, Chae Wan. Korean language. History and present state. Translated from Korean by V. Atkin. Moscow, "March 1st" Publishers). 2005, p.70-88.
2. Suhinin V.E. «Kul'turny iazyk» v KNDR. Kratkii ocherk. M.: Izdatel'stvo «MGIMO-Universitet» (Sukhinin V.E. "Cultural language" in DPRK. Brief essay. Moscow, "MGIMO-University" Publishers). 2018.
3. Chu Sigyon. Neobkhodimost' natsional'nogo iazyka i natsional'noi pis'mennosti. - V publikatsii: Suhinin V.E. V pamyat' o Chu Sigyone. // Vestnik rossiiskogo koreevedeniia (Chu Sigyeong. Necessity for national language and national writing. - In publication: Sukhinin V.E. In the memory of Chu Sigyeong. // Proceedings of Korean studies in Russia). 2014. No. 6, p.138-140.
4. 국한문독본 (대학용). 평양, 외국문교육도서출판사. (Reader in mixed script (for universities). Pyongyang. Foreign languages educational books publishing house). 1972.
5. 노대규. 한글과 한자의 비율의 변화. 일간 신문 (1948 - 1988)을 중심으로 // 우리말순화의 어제와 오늘. 국어순화추진회 역음. 서울, 미래문화사. (No Daegy. Ratio changes of using Korean script and Chinese characters. On the basis of daily newspapers (1948-1988). // Yesterday and today of the process of purification of our language. Compiled by the Society for advancement of state language purification. Seoul, "Culture of future" publishers). 1989, p.73-112.
6. 홍기문, 김병제, 박종태. 조선어사 연구. 평양, 사회과학원출판사 (Hong Gimun, Kim Byengje, Pak Chongthae. Korean language history studies. Pyongyang. Academy of social sciences publishing house). 1964.
7. 吳之湖, 알파벳 文明의 終焉, 서울, 三研社, 1979 - 3 판 (Oh Chi-hoh. Korean Language in Danger [original translation - V.S.]. Seoul. Samyeongsa Publishers. 1979 - 3rd Edition).

About the author:

Valery E. Sukhinin – Associate Professor in Oriental languages. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary. Associate Professor at the Department of Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian. Research interests: Koreanology including language, culture, history of Korea and Russian-Korean relations. E-mail: v.e.sukhinin@yandex.ru

* * *

ПАРЕМИИ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА, КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СПОСОБ НАЛАЖИВАНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Х.Д. Эдилханова

Чеченский государственный педагогический университет
364031, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33

Пословицы – это важная часть культуры, они также являются важным инструментом для эффективного общения и для понимания различных моделей поведения, характерных для определённого народа.

В условиях динамичного развития современного мира знание национальных особенностей определённой культуры помогает лучшему взаимопониманию.

В данной статье представлены стереотипы поведения представителей чеченской, русской и английской культур. Путём анализа паремий выявлены общие признаки, присущие чеченским, русским и английским паремиям, и отражающие схожие требования к представителям данных культур.

Работа нацелена на сопоставительный анализ паремий, отражающих личностные качества в чеченской, русской и английской культурах. Сопоставительный анализ паремиологического материала на чеченском, русском и английском языках позволяет выделить специфику мировосприятия каждой нации.

Актуальность данной статьи заключается в том, что в современном мире, где развивается международное сотрудничество, знание культурных особенностей – залог успешной коммуникации.

В результате проведённого анализа обозначены паремии, описывающие личностные качества представителей чеченской, русской и английской культур, тем самым представлен образный портрет каждого народа.

Ключевые слова: паремии, культура, коммуникация, качества и национальный характер, народ, язык и межличностные отношения.

Введение

Процесс исследования паремий имеет длительную традицию, восходящую к работам таких лингвистов как А.А. Потебня [11], Ф.И. Буслаев [4], В.М. Мокиенко [9], Г.Л. Пермяков [10], В.П. Аникин [2]. «Языковые единицы, обладающие культурно-национальной спецификой, привлекают внимание исследователей в связи с исследованием языковой картины

мира носителей языков» [1, с. 32]. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова, «все тонкости и вся глубина межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными, а иногда и просто осознаваемыми, при сопоставлении иностранных языков с родными и чужой культуры с своей родной, привычной» [14, с. 24].

«Историк ищет в пословицах и поговорках свидетельство о далёкой старине и памятных событиях древности, юрист ценит пословицы и по-

говорки как неписанные законы народной жизни, этнограф усматривает отражение обычаев и порядков, культурологи изучают нормы поведения и мышления» [2, с. 7]. Чеченская пословица гласит: *Кицанаш кховьлинарг халкъ ду*. «Пословицы созданы народом». Если мы обратимся к пословицам «кицанаш», «proverbs», то обнаружим, что у каждого народа своё представление о положительных и отрицательных качествах человека. Однако бесспорно одно – во все времена у каждого народа ценится ум, доброта, честность, храбрость, которые помогают во взаимоотношениях, как с отдельным представителем того или иного народа, так и с целым народом.

Лингвокультурология как дисциплина нового поколения даёт возможность для исследования паремиологического материала и выявления заложенных в пословицах и поговорках культурно-исторических особенностей разных языков. Посредством паремий передаются те коллективные представления, которые сформированы в процессе познания мира и способность осмысления которых позволяет проникнуть в систему культуры общества и узнать логику мышления изучаемой культуры [13].

Паремии – это своего рода зеркало культуры, в котором отражены традиции и ментальное мышление народа.

«Сам жанр пословицы предполагает бережное сохранение культурных и языковых традиций, и это в полной мере относится и к тем, кто до нас трудолюбиво и самоотречённо припасал жемчужины народной мудрости в своих паремиологических сусеках» [9, с. 7].

Пословицы и поговорки каждого отдельного языка – ценный материал для изучения, потому как они нередко выступают в роли «помощника» при выполнении основной функции языка – коммуникативной, когда есть необходимость подтвердить свою правоту или произвести впечатление образованного человека.

Исторически сложившиеся принципы и ценности нашли своё отражение в пословицах и поговорках каждого народа, выражающих своеобразное мировосприятие и взгляд на действительность, что позволяет понять особенности того или иного народа. В паремиях прослеживается жизненный опыт и социально-исторические особенности общества. Следовательно, знание и изучение пословиц и поговорок способствует лучшему пониманию характера собеседника, в особенности если он другой национальности. *Нах дика бевзарг хьал долуш лерина*.

«Самый могущественный тот, кто хорошо знает людей».

В чеченской культуре с недоверием относились к человеку низкого роста. Когда люди вели разговор о чём-то важном, то всегда начинали со слов: *Вайн юккъахь лоха стаг вац* – «Среди нас нет человека низкого роста». Говорят, в старину их пускали на рынок только после обеда, то есть ближе к вечеру, когда все люди расходились.

В данной статье мы постараемся выделить те пословицы и поговорки, в которых отражены качества, одобряемые и, наоборот, находящие осуждение со стороны как отдельного человека, так и всего общества в чеченском, русском и английском языках.

Паремия в отражении личных качеств человека

Одними из главных черт характера являются скромность, сдержанность и умение больше слушать, чем говорить. Не случайно говорят: *Дуккха хууш хила, клезиг дуйцуш хила*. «Знай больше да говори меньше».

Процесс формирования основных черт характера и личностных качеств происходит в детстве: *Жимачохь ламинарг тлулга тле яздина йоза санна ду*. «Усвоенное в детстве подобно надписи, высеченной на камне»; *Жимачохь болх бан ламинарг, воккха а хилча мукъа лан хууш хир вац*. – «Кого научили в детстве работать, тот и в старости будет трудиться» [3].

Рассмотрим на примере следующих паремий качества «плохих» и «хороших» людей: *Дикачу стага шена тлаьхьа стовьийн беш юту, вочу стага монаш дуйту*. – «Хороший человек оставляет после себя огород с плодовыми деревьями, а плохой человек шрамы»; *Дика къонах доттаглий боцуш вьусур вац*. – «Хороший человек не останется без друзей»; *Дика нах белча а, биц ца ло*. – «Хороших людей не забывают даже после смерти»; *Цлога ца хиларх, вочу стагана наха*, – «Жлабла ду хь», олу. – «Несмотря на отсутствие хвоста, плохого человека люди обзывают собакой».

В чеченском обществе особенно ценится слово «гиллакх», значение которого сложно перевести, но смысл его близок к значению «порядочный», «культурный». Следующие пословицы наглядно демонстрируют наличие или отсутствие этого качества в человеке:

Дикачу гиллакхо лайх эла вина, вочу амало элах лай вина. – «Хорошие манеры сделали из раба князя, а плохие из князя раба».

Къиг тлееъча, къиг а глотту хъала. – «Даже ворона сдвигается с места, когда подходит другая». Здесь говорится о том, что обязательно нужно приветствовать стоя во весь рост того, кто подошёл к тебе, особенно когда это пожилой человек.

Овздачу стага шен цалахъ, а, хъошалглахъ волуш санна юу хлума. – «Культурный человек даже у себя дома кушает как в гостях».

Стеган мах ша хадийнарг бу. – «Человек сам решает, каким ему быть». *Юххерчуьнга мала, а ца олуш хи мелларг а, мала аьлча, и мелларг а – ший а жлаьла ду.* – «Кто выпил воду, не предложив своему собеседнику, и тот, кто выпил предложенную воду, – “две собаки”», гласит пословица.

В пословицах и поговорках чеченского языка учитывается и ценится мнение и отношение общества, так говорят: *Ас, со бахар пайда бац, наха хъо бохуш ца хилча.* – «Не имеет значения, когда ты говоришь «Я», когда люди не говорят «Вы» или *Нах безаш воцург, нахана а везар вац.* – «Если ты недолюбливаешь людей, то они тебя тоже». Вместе с тем нужно уважать себя: *Айхъа лелориг хъуна дош ца хетахъ, нахана хеттане а хетар дац.* – *Уважай себя, если хочешь, чтобы другие тебя уважали.* – *Respect yourself, or no one else will respect you.*

Требования к поведению в обществе отражены в следующих паремиях: *Ирахъ латта ца техкаш.* – Стой не раскачиваясь; *Къамел де аз ца талхош.* – «Говори не повышая голос»; *Хъалха ма вала, хъалхаша ластийнарг кхетар ю. Тлаьхъа ма виса, тлаьхъа ластийнарг кхетар ю.* *Юккье хотта, дласхъа ца кхиссалуш латта.* – «Не выходи вперёд, будут первыми бить. Не отставай от других, достанется от последних. Встань посередине и не выпендривайся». *Отстанешь на верстень, не догонишь во весь день; Нехан дика кхачо ма глерта.* – Буквально: «Не пытайся исчерпать хорошие дела людей» (Знай меру); *Къамел дукха дича, нахана сиха кIордаво.* – «Если много будешь болтать, быстро надоешь»; *Сонта забар-девнан маIа.* «Глупая шутка – начало ссоры» или *Бегаши – къовсаман (девнан) юьхъигаши.* – *Шути осторожно – обидеть можно.* – *A joke never gains an enemy but often loses a friend;* *Эладитанашика ладегIар – цамгар, уьши ца-дийцар – молха.* – «Слушать сплетни – болезнь, а не рассказывать их – лекарство»; *Даим вольуш верг осала хета.* – «Того, кто постоянно смеётся, считают слабым».

Паремии, которые характеризуют качества, присущи руководителям:

Ледара хъаьким шел лакхарчунна хъесталуш, шел лакхарчунна тIечехаши хуьлу. – «Плохой начальник мил с тем, кто выше него по должности и груб с подчинёнными»; *Хъаькамалла дезаши волчо пхъаьрса кIел папка юьллу.* – «Кто хочет руководящей должности, ходит с папкой»; *Хъаькамалла карадеъча, дика вевза стаг.* – «Человека хорошо узнаем, как только он занимает руководящую должность».

Пословицы, отражающие психологический настрой в поведении в чеченском языке: *ОьгIазвахна стаг боларна сихло.* – «Человека в ярости можно узнать по походке»; *Ша хIумма ца дендерг, сеца мел вин а, чугIертши хуьлу.* Букв. «Слабый (проигравший) человек, проявляет смелость, когда его отговаривают драться». Аналогичная пословица в русском языке – *После драки кулаками не машут.* – *A bully is always a coward;* *Дала ларвойла собаречу стагана моха ярах.* – «Упаси Аллах гнева терпеливого человека». – *Beware of a silent dog and still water;* *ОьгIазвахна стаг жIаьлех тарло.* – «Человек в гневе подобен собаке».

В некоторых паремиях характер и действия людей показывают на примере животных. Например, *Сделайся овцой, а волки готовы.* *Собака, чего лаеишь? – Волков пугаю.* – *Собака, чего хвост поджала? – Волков боюсь;* *Борз аз тайначу йовду.* – «Волк отправляется туда, где ему удобно»; *Наха илли олура бохуш, вирах ма Iеха.* – «Из-за того, что люди подыгрывают, не кричи (не веди себя) как осёл»; *Туьха тесна пхъид санна ирх ма лелха.* – «Не прыгай как лягушка от действия соли».

В чеченском и русском языках поспешность в действиях считается отрицательным качеством: *Сихалло са доккху, собаро лам боккху.* – «Спешка убивает, терпение гору покоряет».

Поспешность нужна только при ловле блох. *Ойла ца еш динарг, бала, а беш дирзина.* – «Необдуманное действие закончилось плохо». *Не зная броду, не суйся в воду.* – *Look before you leap.*

Жадность оценивается как отрицательное качество во всех представленных языках:

Корьтах тоха тIулга лур бац [16] – «Не даст камня, чтобы ударить по голове». *Зимой снега не допросишься.* *One would not give away snow in winter.*

Следующие чеченские паремии характеризуют человека, который необъективно оценивает свои качества и высокого о себе мнения:

Вон нах байа бега вай аьлча, уггаре а вочо бат-тара тур даьккхина. – «Когда сказали, что надо убить всех плохих людей, худший из них достал

меч»; *Иовдалчо Иовдалчунна юьхь тIе туйнаш тоьхна, хьо санна Иовдал ца гина суна, аьлла.* – «Дурак, плюнув в лицо другому дураку, промолвил, что не видел глупее его человека»; *КIохцална, а ша зезаг ду моьтту.* – «И шипам кажется, что они цветы».

Паремии, характеризующие, как люди объясняют свои неудачи: *A bad workman always blames his tools* [8]. *Пондар лакха ца хиьначо, пондар вон бу баьхна. У плохого стригаля всегда ножницы тупые.*

У каждого человека начиная с младенчества и до самой старости формируются привычки, присущие только ему, тем самым они заметно выделяют его от остальных и составляют его второе «я»: *Иемнарз дита хала ду.* «Трудно избавиться от того, чему научились». *Привычка-вторая натура. Custom is a second nature.*

Некоторые паремии рассматриваются в качестве предписаний: *First think than speak. Говори, да не спорь, а хоть спорь, да не вздорь. Be slow to promise and quick to perform.* Паремии могут иметь интерпретационный характер: *Лезет с языком, что с пирогом. He's no man who cannot say «No». If you cannot make a man think as you do make him do as you think.*

Значительный интерес представляют паремии, отражающие модели национально-речевого поведения, которые раскрывают национально-специфические особенности поведения представителей определённого народа, что способствует успешной коммуникации. Во всех представленных языках говорят об уважении и соблюдении правил общества, в котором живёшь: *Хьо юккьехь вехачу кьоман гIиллакхаиш леладе.* «Чти законы нации, среди которых ты живёшь». *When in Rome do as the Romans do. В чужой монастырь со своим уставом не ходят* [12].

Заключение

Каждая пословица и поговорка имеет определённую цель, а именно:

1. Раскрывает сущность человека:

ХIуьу олучо, хIуьу дийр ду. «Кто говорит, что хочет, и сделает всё, что захочет». *Маттана тIех шера верг хьекьална баиша кIорге ца хуьлу.* «Кто имеет слишком острый язык, как правило, человек недалёкого ума».

2. Делится многовековым опытом народа:

Ца доьха дика ма де. Хьекьал долу стаг вовза хала ду, хьекьал доцург вист хуллушехь вевза.

«Умного человека узнать трудно, а глупого можно узнать, как только тот заговорит» [15].

ЧIогIа аьлларг кхеро аьлча санна хета, меллаша аьлларг, Iехо аьлча санна хета. «Сказанное громко воспринимается как угроза, а сказанное тихо – как попытка обмануть».

Hell is paved with good intentions. – *Благими намерениями вымощена дорога в ад* [5].

3. *Сравнивают внешность и личные качества:*

Деган амал юьхь тIе ца йолуш ца Iа. «Характерные черты сердца непременно скажутся на лице». *Лицо зеркало души. Адаман юьхь-сибат деган куьзга ду.* «Лицо зеркало сердца».

Маж-м газанан а хуьлу, мекхаш-м цигиган а хуьлу. «И у козы есть борода, также как у kota усы». *He в бороде честь, борода и у козла есть. All asses wag their ears.*

A good face is a better recommendation. The face is the index of the mind.

You look like a cat after it has eaten a canary. – «Ты светишься от счастья» [16].

4. Назидают:

Ца кхеташ волчунна дина хьехар – велачунна лекхна зурма. «Совет, данный глупому, подобен песне спетой мёртвому».

Don't trouble till trouble troubles you. – *Не буди лихо, пока оно тихо.*

Пхьаьрса кIелахь совгIат дохьуш, хьаиша чувавьлча, паччахь а велакьаьжна. – «Когда гость пришёл с подарком, даже король улыбнулся».

Цуьнан йилбаз ца хьавстича, стаг вайга Iехалур вац. – «Если не будем льстить ему, нам не удастся его обмануть».

5. *Подводит итоги действий и поступков людей:*

Дукха хаттарш ден стаг вайн дувьха араваьлла вац. – «Человек, который задаёт слишком много вопросов, не ради нас старается».

Кхечарах лаьцна дувьцучо хьох лаьцна а дувьцур ду. (Хьуна мотт кхохььург, хьуна мотт эцна а гIур ву.) – «Кто сплетничает с вами, тот будет судачить и сплетничать и о вас».

Хьекьална аьртаниг, ша кьамел деш, «ас», «со» бохуш хир ву. – «Глупый человек во время разговора будет часто повторять «я».

Who chatters to you, will chatter of you. – *Кто сплетничает с вами, тот будет судачить и сплетничать и о вас.*

Ларлунна Дела накьост ву. «Тому, кто остерегается, Аллах в помощь». – *Бережёного Бог бережёт.* – *Lord helps those who help themselves* [7].

У каждого народа сформировано своё представление хорошего и плохого человека, включая внешность человека.

В данной статье мы попытались наиболее полно отобразить при помощи пословиц и поговорок требования, которым желательно

придерживаться в процессе общения с представителями чеченской, русской и английской культур. В исследовании нами выделены такие качества как честность, порядочность, ясность речи и кротость в общении.

Среди отрицательных качеств выделили следующие: жадность, болтливость, необдуманность действий, высокомерие и трусость.

Международное сотрудничество предполагает взаимодействие культур в разных сферах, что требует знания ментальных особенностей своего партнёра. Паремии – особый пласт, в котором прослеживаются история, культура, традиции разных народов и правила этики поведения.

С начала XXI века, как известно, наблюдается тенденция развития виртуального общения через социальные сети или через иные средства связи. В процессе этого общения игнорируются такие правила ведения диалога как уважительное отношение к собеседнику, ясность и тактичность. Виртуальное общение нечасто ведёт к успешному диалогу, в процессе словесной перепалки нередки случаи использования пословиц и поговорок в качестве аргумента, как средство сдерживания эмоций.

Общение за пределами социальных сетей чревато непредвиденными последствиями, когда собеседник упускает из виду признаки агрессии, радости или, наоборот, провоцирует их, с одной стороны, незнанием менталитета а, с другой – пренебрежительным отношением к ментальным особенностям народа.

Пословицы и поговорки обладают такими свойствами, которые невольно заставляют задуматься о ранее неизвестных сведениях и выступают в качестве законов, регламентируя правила, знание которых обязательно для успешного общения. Также они позволяют узнать в достаточно сжатой форме историю и культуру народа. Исследуя паремии, отражающие личностные качества, мы можем определить, какие качества приветствуются, а какие наоборот. Тем самым иностранный гражданин делает акцент на том качестве, которое воспринимается положительно в чеченском, русском и английском обществе, что в свою очередь уберёжет его от казусов в процессе ведения диалога. Известно также, что

знание и уместное употребление пословиц и поговорок в чеченском, русском и английском обществе характеризует вас как человека начитанного. Поэтому процесс исследования паремий сопровождается ещё и полезной информацией, которая духовно обогащает и даёт возможность в одном или двух предложениях пояснить характер своего окружения [6]. Например, когда речь идёт о близком окружении и есть необходимость в объяснении схожести качеств детей и родителей, говорят: *Like mother like daughter, Ложана гена ца бужу 1аж.* «Яблоко от яблони не далеко падает. А о ловкости: *Бедда боьду сай лоцур боли.* «И бегущего оленя остановит».

В паремиях чеченского, русского и английского языков существуют идентичные требования к ведению диалога и к качествам собеседника.

Хочется подчеркнуть, что в чеченской культуре особое внимание уделяется внутреннему состоянию человека и умению видеть связь между внешними данными и «внутренними», то есть доброе ли у человека сердце и чисты ли его помыслы. Как сказано в пословице: *Деган амал даг т1е ца йолуш юьсур яц.* – «Состояние сердца непременно скажется на лице».

Нами в работе используется комплекс методов, позволяющих дать лингвистическую и лингвокультурологическую характеристику исследуемых единиц. Основными являются описательный и сопоставительный, а также приёмы когнитивного анализа. На основе проведённого исследования приводятся паремии, содержащие такие качества человека, наличие которых способствуют успешной коммуникации. В следующих пословицах и поговорках описываются действия и поступки, которые получают отрицательную оценку со стороны представителей чеченского, русского и английского культур, что доказывает самобытность каждой культуры.

Аьрга стом санна, муьста ма хила – цьрг тоьхначо д1атосур ву хьо. Т1ех мерза ма хила, т1е мел кхавьначо вуур ву хьо. – «Не будь кислым, как неспелый плод, всякий кто откусит, бросит. Не будь слишком мягок, каждый будет пользоваться».

Хьайга д1ахила аьндолчу метте охьа ма хаа. – «Не садись туда, откуда тебя попросят встать».

Хелхавала цахаар эхь дац, шен хеннахь д1авала цахаар ду эхь. – «Не стыдно не уметь танцевать, стыдно вовремя не остановиться».

Дерриг дуьйцуш ца хуьлу: цхьадеьрг – хьайн дуьхьа, важа – кхечун дуьхьа. – «Нельзя всё рас-

сказывать, что-то во благо тебя, что-то во благо кого-то».

Ца хаьа ма ала, ца лаьа ала. – «Не говори не знаешь, скажи, что не хочешь».

Хьеваларх1лумадаи, т1аьхьаца висчахьана. – «Ничего страшного нет в том, что ты задержишься, только если не опоздаешь».

В чужом доме не будь приметлив, а будь приветлив. – *Curiosity is ill manners in another's house.* «Любопытство в чужом доме – дурной тон».

Кто боязливо просит, тот учит отказывать. – *He that asks faintly begs a denial.* «Кто просит несмело, тот напрашивается на отказ».

Не держи посулом, одолжи отказом. А civil denial is better than a rude grant. «Вежливый отказ лучше, чем грубое обещание».

Не хвали себя сам, пусть тебя народ похвалит. *Self-praise is no recommendation.* «Самовосхваление – не рекомендация».

Таким образом, результат исследования пословиц и поговорок, репрезентирующих лич-

ностные качества – это осмысление многих черт, характерных для разных народов, возможность найти ответы на многочисленные, постоянно возникающие вопросы. Пословицы и поговорки выступают в виде «ключа», правильно подобрав который можно найти подход и к каждому человеку, и народу. В этой статье мы попытались привести разные виды «ключей», которые образно вскрывают причины поведения представителя определённой культуры и те качества, которые приветствуется, в частности, в чеченской, русской и английской культурах.

Проведённое исследование паремиологического материала позволяет констатировать самобытность и идентичность каждой общности. В процессе анализа языкового материала трёх разноструктурных языков выявлено достаточно много схожих и отличительных качеств, знание которых способствует лучшему взаимопониманию друг друга.

Список литературы

1. Адамова С.М. Пословицы и поговорки, отражающие межличностные отношения в языках различных культур: лакском и английском: Диссертация кандидата филологических наук/ С.М. Адамова. Махачкала, 2015. 168 с.
2. Аникин В.П. Мудрость народов. Пословицы и поговорки народов Востока/ В.П. Аникин. М., 1961. 93 с.
3. Берсанов Х.А. Пословицы, поговорки, слова мудрости, наставления. На чеченском языке/ Х-А Берсанов. Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2011. 96с.
4. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф.И. Буслаев. Репр. изд. 1861 г. Москва: Директ-Медиа, 2014. Т. I-II. 540 с
5. Васильева Л. Краткость – душа остроумия. Английские пословицы, поговорки, крылатые выражения/ Л. Васильева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 350 с.
6. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е.И. Верещагин, В.Г. Костомаров М: Индрик, 2005. 1040 с.
7. Джамбекова Т. Б. Чеченские пословицы / Т.Б. Джамбекова, Л.М. Ибрагимов. Грозный: ФГПУ «Издательско-полиграфический комплекс» «Грозненский рабочий», 2013. 208с.
8. Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия / В.С. Модестов. 7 изд. М.: Русский язык, 2008. 486 с.
9. Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты). «Мир русского слова» №3, 2010. 6-20 с.
10. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. сост., вступ. ст. Г. Л. Капчица. М. : Наука, 1988. 235 с.
11. Потенция А. А. Теоретическая поэтика / А.А. Потенция. Издательский центр «Академия», 2003. 374 с.
12. Снегирев И.М. Русские в своих пословицах / И.М. Снегирев. Новгород, 2007. 179 с.
13. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова; М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
15. Цуев Я. М. Народные приметы, наставления, поговорки (на чеченском)/ Я.М. Цуев, М.Я. Цуев. Грозный: « Зори Ислама», 1992. 124с.
16. Шамилева Р.Д. Структурно-семантический анализ чеченских паремий: Диссертация кандидата филологических наук / Р.Д. Шамилева. Грозный 2011. 227 с.

Сведения об авторе:

Эдилханова Хазман Джабраиловна – соискатель кафедры русского языка и методики его преподавания Чеченского государственного педагогического университета. E-mail: edilkhanova.khazman@mail.ru

PAROEMIA REPRESENTING PERSONAL QUALITIES AS A WAY OF ESTABLISHING INTERPERSONAL RELATIONSHIPS

K.J. Edilkhanova

Chechen State Pedagogical University
33, Kievskaya street, Grozny, 364031, Chechen Republic

Abstract: *Proverbs are a very important part of culture; they are also an important tool for effective communication and understanding models of behavior of different nations. In conditions of dynamic expansion of modern world knowledge, national specificity of other culture helps to understand each other better.*

The purpose of this article is to compare stereotypes of a nation's behavior through analyses of paroemia, to reveal through paroemia the traits of character common to Chechen, Russian and English people which are expected from their representatives in their cultures. The main aim of this study is comparative analysis of paroemia, which show man's personal qualities of Chechen, Russian and English cultures. Comparative analysis of parameological material in Chechen and English languages allows us to see the specific worldviews of each nation.

The relevance of this article lies in the fact that in our modern world, with developing international cooperation, knowledge of cultural specificity of communication comes to the fore.

As the result of this analysis we have got the classification of paroemia which shows personal qualities of each culture thus enabling us to understand the worldview of each nation.

Key Words: *paroemia, culture, communication, quality and national character, nation, language, interpersonal relationships.*

References

1. Adamova, S.M. Poslovitsy i pogovorki, otrazhaiushchie mezhlichnostnye otnosheniia v iazykakh razlichnykh kul'tur: lakskom i angliiskom Diss. Kand. phil. nauk [Proverbs and sayings reflecting relationship in different cultures: Lakskiy and English] / S.M Adamova Candidate of Philology. Makhachkala, 2015. 168 p.
2. Anikin, V.P. Mudrost' narodov. Poslovitsy i pogovorki narodov Vostoka. [Nations' wisdom Proverbs and sayings of Eastern peoples] /V.P. Anikin. M.: 1961. 93 p.
3. Bersanov, Kh.A. Poslovitsy, pogovorki, slova mudrosti i nastavlenia [Proverbs, sayings, words of wisdom, instructions] / Kh.A. Bersanov. Grozny, PhGUP", Izdatel'sko- poligraphicheskii kompleks «Groznskiy rabochii», 2011. 96 p.
4. Buslaev, Ph. I. Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti I iskusstva [Historical essays of Russian folk literature and art]/ Ph. I. Buslaev. Repr. Izd. 1861. Moscow: Direkt –Vedia, 2014. 540 p.
5. Vasil'eva, L. Kratkost' – dushi ostroumiia. Angliiskie poslovitsy, pogovorki, krylatye vyrazhenia [Brevity is the soul of wit. English proverbs, sayings, popular expressions] / L. Vasil'eva. M.: ZAO Tentropoligraph. 2006. 350 p.
6. Vereshagin, E.M. Iazyk i kul'tura [Language and culture] / E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov. M: Indrik, 2005. 1040 p.
7. Jambekova, T.B. Chechenskie poslovitsy [Chechen proverbs] / T.B. Jambekova, L.M. Ibragimov. Grozny, PhGPU "IPK "Groznskiy rabochii". 2013. 208 p.
8. Modestov, V.S. Angliiskie poslovitsy i pogovorki i ikh russkie ekvivalenty [English proverbs and sayings and their Russian equivalents] /V.S. Modestov. M.: Russian language. 2008. 486 p.
9. Mokienko, V.M. Sovremennaia paremiologiia (lingvisticheskii aspekt). [The modern paremyology (linguistic aspects) / V.M. Mokienko. Mir Russkogo slova. 2010, № 3, p.6-20.
10. Permiakov, G. L. Osnovy strukturnoy paremiologii [Basics of structural paremiology] / G.L. Permiakov. Moscow: Nauka. 1988. 235 p.
11. Potebnia, A.A. Teoriticheskaiia poetika [Theoretical poetics] /A.A. Potebnia. Izdatel'sriy tsentr «Akademiia». 2003. 374 p.
12. Snegiriev, I.M. Russkie v svoikh poslovitsakh [Russian in their proverbs] /I.M. Snegiriev. Novgorod. 2007. 179 p
13. Stepanov, Iu.S. Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture] / Iu.S. Stepanov. M.: Languages of Russian culture]. 1997. 824 p.
14. Ter-Minasova, S.G. Iazyk I mezhkul'turnaia kommunikatsiia [Language and intercultural communication] / S.G. Ter-Minasova. M.: Slovo. 2000. 624 p.
15. Tsuev, IA.M. Narodnye primety, nastavlenia, primety [Folk signs, instructions, proverbs] / Ia.M. Tsuev, M.Ia. Tsuev. Grozny: "Zori- Islama". 1992, 124 p. (In Chechen)

16. Shamileva, R.D. Structurno-semanticheskii analiz chechenskikh paremii, Kand. Phil. Nauk [Structural and semantic analysis of Chechen paremia] /R.D. Shamileva. Candidate of philology. Grozny 2011. 227 p.

About the author:

Edilkhanova Khazman Jabrailovna – postgraduate student of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching of Chechen State Pedagogical University. E-mail: edilkhanova.khazman@mail.ru

* * *

Уважаемые читатели!

Подписаться на наш журнал можно по полугодиям в дни открытия подписки
в почтовых отделениях России и стран СНГ.

Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» **80991**.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № 2 (22) 2020

Главный редактор: В.А. Иовенко.

Корректурa: Т.А. Ивушкина

Компьютерная верстка: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 23.06.2020 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 16,625. Тираж 500 экз. Заказ 445.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России:
119454, Москва, пр. Вернадского, 76.